

ВЕСТНИК
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ПРОСВЕЩЕНИЯ

ISSN 2949-5156 (print)

2024 / № 1

ISSN 2949-5164 (online)

серия

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Название журнала до сентября 2023 г.: Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: История и политические науки

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по историческим наукам и политологии: 5.6.1. — Отечественная история (исторические науки); 5.6.2. — Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки); 5.6.5. — Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки); 5.5.4. — Международные отношения (политические науки)

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Historical Sciences and Politology: 5.6.1. — Domestic history (historical sciences); 5.6.2. — Global history (historical sciences); 5.6.5. — Historiography, source-study and methods of historical research (historical sciences); 5.5.4. — International relations (political sciences).

ISSN 2949-5156 (print)

2024 / № 1

ISSN 2949-5164 (online)

series

HISTORY AND POLITICAL SCIENCES

BULLETIN
OF FEDERAL STATE UNIVERSITY
OF EDUCATION

Учредитель журнала
«Вестник Государственного университета просвещения»
Серия: История и политические науки»

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

Выходит 5 раз в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Багдасарян В. Э. — д-р ист. наук, проф., Государственный университет просвещения

Заместитель главного редактора:

Волобуев О. В. — д-р ист. наук, проф., Государственный университет просвещения

Ответственный секретарь:

Федорченко С. Н. — д-р полит. наук, доц., Государственный университет просвещения

Члены редакционной коллегии:

Воронин С. А. — д-р ист. наук, проф., Российский университет дружбы народов (г. Москва);

Гайдук В. В. — д-р полит. наук, канд. юрид. наук, проф., Башкирский государственный университет (г. Уфа);

Гонзалез Дж. — доктор наук, Исторический научный центр Рожкова (Австралия);

Ершов В. Ф. — д-р ист. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Журавлев В. В. — д-р ист. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Захаров В. Н. — д-р ист. наук, проф., Институт российской истории Российской академии наук;

Каширина Т. В. — д-р ист. наук, доц., Дипломатическая академия Министерства иностранных дел России (г. Москва);

Ковалев В. А. — д-р полит. наук, проф., Сыктывкарский государственный университет;

Михайловский Ф. А. — д-р ист. наук, проф., Московский городской педагогический университет;

Наталици М. — д-р ист. наук, проф., Университет Сиена (Италия);

Панкратов С. А. — д-р полит. наук, проф., Волгоградский государственный университет;

Саква Р. — доктор наук, профессор, Университет Кент (Соединённое королевство Великобритании и Северной Ирландии);

Смоленский Н. И. — д-р ист. наук, проф., Государственный университет просвещения (научный руководитель журнала);

Сулакшин С. С. — д-р полит. наук, д-р физ.-мат. наук, проф., Центр научной политической мысли и идеологии;

Феофанов К. А. — д-р полит. наук, проф., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

Фукс А. Н. — д-р ист. наук, проф., Государственный университет просвещения

Штоль В. В. — д-р полит. наук, проф., Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ) (г. Москва)

ISSN 2949-5156 (print)
ISSN 2949-5164 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки» — печатное издание, публикующее статьи российских и зарубежных учёных по историографии, источниковедению, истории России, всеобщей истории и политологии.

Журнал адресован российским и зарубежным историкам и политологам, докторантам, аспирантам и всем, интересующимся достижениями исторической и политической науки.

Журнал «Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73347.

**Индекс серии «История и политические науки»
по Объединённому каталогу «Пресса России» — 40712**

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (www.cyberleninka.ru), а также на сайте журнала (www.istpolitmgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Государственного университета просвещения» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 1. 172 с.

© Государственный университет просвещения, 2024.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

сайты: www.istpolitmgou.ru; www.journals-gup.ru

**Founder of journal «Bulletin of Federal State University of Education.
Series: History and Political Sciences»
Federal State University of Education**

————— Issued 5 times a year —————

Editorial board

Editor-in-Chief:

V. E. Bagdasaryan – Doctor of Historical Sciences, Prof., Federal State University of Education

Deputy Editor-in-Chief:

O. V. Volobuyev – Doctor of Historical Sciences, Prof., Federal State University of Education

Executive secretary:

S. N. Fedorchenko – Doctor in Politology, Assoc. Prof., Federal State University of Education

Members of Editorial Board:

S. A. Voronin – Doctor of Historical Sciences, Prof., Peoples' Friendship University of Russia (Moscow);

V. V. Gajduk – Doctor of Political Sciences, Ph.D. in Law, Prof., Bashkir State University, Ufa;

J. González – Doctor of Science, Rozhkov Historical Research Centre (Australia);

V. F. Ershov – Doctor of Historical Sciences, Prof., Federal State University of Education;

V. V. Zhuravlev – Doctor of Historical Sciences, Prof., Federal State University of Education;

V. N. Zakharov – Doctor of Historical Sciences, Prof., Institute of Russian History, RAS;

T. V. Kashirina – Doctor of Historical Sciences, Assoc. Prof., Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry (Moscow);

V. A. Kovalyov – Doctor of Political Sciences, Prof., Syktyvkar State University;

F. A. Mikhailovsky – Doctor of Historical Sciences, Prof., Moscow City Pedagogical University;

M. Natalici – Ph.D., Prof., University of Siena (Italy);

S. A. Pankratov – Doctor of Political Science, Prof., Volgograd State University;

R. Sakwa – Ph.D., Prof., University of Kent, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland;

N. I. Smolensky – Doctor of Historical Sciences, Prof., Federal State University of Education (Scientific Consultant of Bulletin)

S. S. Sulakshin – Doctor of Politology, Doctor of Physics and Mathematics, Prof., Center of Scientific Political Thought and Ideology (Moscow);

K.A. Feofanov – Doctor of Political Sciences, Prof., Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow);

A. N. Fuks – Doctor of Historical Sciences, Prof., Federal State University of Education

V. V. Stol' – The Institute of CIS countries (Institute of Diaspora and integration) (Moscow)

ISSN 2949-5156 (print)

ISSN 2949-5164 (online)

The peer-reviewed scientific journal "Bulletin of Federal State University of Education, series: History and Political Sciences" is a printed edition that publishes articles by Russian and foreign scholars on historiography, source study, the history of Russia, world history and political science.

The journal is aimed at Russian and foreign historians and political scientists, doctoral students, postgraduate students and everyone who is interested in the achievements of historical and political science.

The series "History and Political Sciences" of the Bulletin of Federal State University of Education is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 077-73347.

Index of the series "History and Political Sciences" according to the Union catalog «Press of Russia» – 40712

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (www.cyberleninka.ru), as well as at the site of the journal (www.istpolitmgou.ru)

At citing the reference to a particular series of "Bulletin of Federal State University of Education" is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences, 2024, no. 1. 172 p.

© Federal State University of Education, 2024.

The Editorial Board address:

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

sites: www.istpolitmgou.ru; www.journals-gup.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА: ТРАДИЦИОННЫЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ РОССИИ

<i>Вступительное слово</i>	6
<i>Багдасарян В. Э.</i> Традиционные ценности и новое мировоззренческое строительство в России: проблемы и решения.	8
<i>Ларионов А. Э.</i> Герои и антигерои российской истории в фокусе формирования новых подходов в образовании	26
<i>Иерусалимский Ю. Ю., Попова А. В.</i> Значение традиционных ценностей в преподавании курса «Основы российской государственности»	35
<i>Ковригин В. В.</i> Повышение воспитательного потенциала духовно-нравственных ценностей в образовательных программах и преподавании цикла гуманитарных дисциплин в школе	47

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

<i>Асонов Н. В., Ежов Д. А.</i> Почему мусульмане не стали для Древней Руси «немцами – немymi»?	55
<i>Володихин Д. М.</i> История русских казаков середины XVI столетия в зеркале разрядных источников	68
<i>Колпаков П. А.</i> Разыскные циркуляры железнодорожной полиции как источник изучения шпионажа на территории России в конце XIX – начале XX вв.	76
<i>Пуневский Я. В.</i> Финансовые основы функционирования ярославского городского самоуправления в 1870 – первой половине 1914 г.	87

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

<i>Алексеев К. А.</i> Этногенез балтийских племён в контексте индоевропейской проблемы	97
<i>Ашрафьян К. Э.</i> Хронология открытия и освоения Флориды в XVI в. Часть 4: третий этап открытия и освоения Флориды (начало эпохи правления Карла V и продолжение освоения Флориды 1520–1522 гг.)	108
<i>Козьякова Н. С.</i> Внутриполитическая борьба во Второй Австрийской республике по проблеме нейтралитета в 1950-е гг. XX в. (на примере «сокращённого договора»)	123

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Летова К. К., Куренкова Е. А.</i> «Женский вопрос» и женское движение в России в дореволюционной отечественной историографии	133
<i>Сотников А. А.</i> Дискуссии в СССР по проблемам содержания школьной истории и их отражение в современной литературе.	141
<i>Тетерин П. В., Решетникова А. П.</i> Образ Уинстона Черчилля в отечественной историографии	148

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ / МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Малов А. В.</i> Политика продовольственного суверенитета в многонациональном государстве Боливия: причины и следствия	160
--	-----

CONTENT

THEME OF THE ISSUE: TRADITIONAL MORAL AND SPIRITUAL VALUES OF RUSSIA

<i>Editorial</i>	6
<i>V. Baghdasaryan</i> . Traditional Values and New Worldview Construction in Russia: Problems and Solutions	8
<i>A. Larionov</i> . Heroes and Antiheroes of Russian History in the Focus of Forming New Approaches in Education	26
<i>Yu. Ierusalimskiy, A. Popova</i> . The Importance of Traditional Values in Teaching the Course "Fundamentals of Russian Statehood"	35
<i>V. Kovrigin</i> . Increasing the Educational Potential of Spiritual and Moral Values in Educational Programs and Teaching Humanities Courses at School	47

DOMESTIC HISTORY

<i>N. Asonov, D. Ezhov</i> . Why did not the Muslims Become "Germans – Deaf And Dumb" for Ancient Russia?	55
<i>D. Volodikhin</i> . Russian Cossacks' History in the Middle of the XVI Century in the Mirror of Discharge Sources	68
<i>P. Kolpakov</i> . Search Circulars of the Railway Police as a Source of Studying Espionage on the Territory of Russia in the Late 19 th – Early 20 th Century	76
<i>Ya. Punevsky</i> . Financial Foundations of Yaroslavl City Self-Government Functioning in 1870 – the First Half of 1914	87

WORLD HISTORY

<i>K. Alekseev</i> . Ethnogenesis of the Baltic Tribes in the Context of the Indo-European Problem	97
<i>K. Ashrafyan</i> . Chronology of the Discovery and Development of Florida in the XVI Century. Part 4: The Third Stage of the Discovery and Development of Florida (The Beginning of the Reign of Emperor Charles V and the Continuation of the Exploration of Florida 1520–1522)	108
<i>N. Kozyakova</i> . Internal Political Struggle in the Second Austrian Republic Regarding the Problem of Neutrality in the 1950 ^s of the 20 th Century (On the Example of the "Abbreviated Treaty")	123

HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDY AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

<i>K. Letova, E. Kurenkova</i> . Women's Issue and Women's Movement in Russia in Pre-Revolutionary Russian Historiography	133
<i>A. Sotnikov</i> . Discussions in the USSR on the Problems of the Content of School History and their Reflection in Modern Literature	141
<i>P. Teterin, A. Reshetnikova</i> . The Image of Winston Churchill in Russian Historiography	148

POLITICAL SCIENCES / INTERNATIONAL RELATIONS

<i>A. Malov</i> . The Food Sovereignty Policy in the Plurinational State of Bolivia: Causes and Consequences ..	160
---	-----

Тема номера:

ТРАДИЦИОННЫЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ РОССИИ

Указ Президента РФ № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»¹ оценивается многими как историческая веха перехода Российского государства на ценностно-мировоззренческие основания, сопряжённые с её цивилизационным фундаментом. Кто-то увидел в Указе заявку на новую идеологию, кто-то предпочитает использовать понятие мировоззренческое строительство. В любом случае значение Указа для российской государственности трудно переоценить. Во внутренней политике он подвёл окончательную черту под идущими из периода постсоветского разгосударствления проявлениями рецидивов либеральной идеологии. Значение для внешней определялось выдвижением ценностной альтернативы западному глобализму.

Почему было необходимо обращение к традиционным ценностям? Такая необходимость определялась рядом обстоятельств.

Во-первых, без ценностей существование государства и целостного общества в сравнительно длительной перспективе невозможно. Фактическая утрата ценностного ядра на рубеже 1980-х – 1990-х гг. вызвала кризисные процессы, угрожающие потерей суверенитета и геополитическим распадом. Государство

оказалось дезориентировано в реализуемых политиках, общество – демобилизовано. Очевидно, что для цивилизационного восстановления России нужны идентичные для неё ценности, что и подразумевает ценности цивилизационные.

Во-вторых, охвативший значительную часть человечества ценностный кризис обозначил катастрофические перспективы. Формируемое общество потребления, доведённые до патологии установки гедонизма и самовыражения обозначили постмодернистский тренд расчеловечивания. Метафора разверзшейся бездны точно соответствует современному историческому моменту. Остановить падение возможно только выдвинув духовные ориентиры. В этом смысле постмодернистской перспективе нужна ценностно-смысловая альтернатива. И именно традиционные ценности в логике дихотомий являются альтернативой постмодерна.

В-третьих, адресуемые России вызовы современного исторического момента предполагают артикуляцию ответа, который не может не быть ответом ценностным. Борьба ценностей – аксиоматика – является реальным основанием мировой конфронтации. Враждебность определённых сил в отношении к России есть в сути своей неприятие её цивилизационно-ценностного выбора. А соответственно, самосознание в собственных цивилизационно-идентичных ценностях есть неперемное условие существования России как государства-цивилизации.

В-четвёртых, традиционные российские духовно-нравственные ценности есть реаль-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Президент России: [сайт]. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 06.02.2024).

ное ценностное ядро России, закреплённое в её институтах жизнеустройства, менталитете и культурных кодах населения. Заявляемые приоритеты представляют собой в этом отношении не искусственный конструкт, а проявление собственной подлинности. Россия традиционных духовно-нравственных ценностей и является подлинной Россией.

Традиционные российские духовно-нравственные ценности – понятие вполне определённое, в котором важна каждая составляющая. И эти составляющие необходимо зафиксировать, имея ввиду возможные подмены базового понятия или растворения его содержания. Важно подчеркнуть, что далеко не любые, кажущиеся привлекательными, ценности могут быть отнесены к традиционному российскому духовно-нравственному достоянию.

Во-первых, традиционные российские духовно-нравственные ценности представляют собой один из типов ценности. Ценности отличаются от потребностей как естественного запроса существования человека (потребности в пище, сне, жилище и т. п.). Ценности есть всегда выбор альтернатив (выбор между добром и злом), а не нечто универсальное и детерминированное. Человек, общество, государство делают выбор, руководствуясь своими ценностными ориентирами.

Во-вторых, речь идёт о ценностях традиционных, т. е. сопряжённых с Традицией. Традиция есть нечто передаваемое в обществе из поколения в поколение. Она обозначает в сути своей межпоколенную историческую связь. Новации, сколь бы они привлекательными ни являлись, к традиционным ценностям не могут относиться по определению. Это не означает отрицание новаций, но означает чёткость применения слова «традиционные».

В-третьих, подразумеваются ценности российские, т. е. характерные для России, отражающие её самобытность. При использовании теории цивилизаций российские ценности следует интерпретировать как ценности цивилизационные. Таким образом, традиционные российские ценности

являются воспроизводимым исторически ценностным фундаментом Российской цивилизации.

В-четвёртых, применяемое понятие указывает на духовный ориентир ценностного целеполагания. Духовной компоненте человеческого бытия отдаётся приоритет по отношению к компоненте биологической, материальной. Необходимые для человеческого существования материальные составляющие бытия жизненно важны для человека, но к духовным ценностям не относятся. Чаще всего понятие «духовность» соотносится с религиозными традициями.

В-пятых, понятие содержит нравственную компоненту, подразумевающую соответствующее этическое преломление. Нравственные ценности предполагают достижение человеком и обществом должного уровня нравственности. Таким образом, предусматривается решение задачи совершенствования человека и общества, приближение их к идеалам ценностного целеполагания.

Государственный университет просвещения стал одним из первых образовательных и научных центров, проводивших исследование феномена традиционных ценностей в перспективе формирования государственной политики России¹. Эти разработки были использованы, в частности, при выработке подходов к созданию учебно-методического комплекса «Основ российской государственности», преподаваемого с начала 2023/2024 учебного года во всех вузах страны². В настоящее время ведутся исследования по формированию методологии и методики преломления традиционных российских духовно-нравственных ценностей в воспитательный и образовательный процессы в системе школьного образования.

¹ Багдасарян В. Э., Сильвестр, арх. (Лукашенко). Традиционные ценности: стратегия цивилизационного возрождения. Ярославль: СПК, 2022. 256 с.

² Основы российской государственности: учебно-методический комплекс по дисциплине для образовательных организаций высшего образования / В. Э. Багдасарян, В. М. Марасанова, Ю. Ю. Иерусалимский, Л. Г. Титова, С. А. Кудрина. М.: Дело, 2023. 212 с.

УДК 32.019.5

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-1-8-25

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ И НОВОЕ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Багдасарян В. Э.*Государственный университет просвещения**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявление потенциалов и определение проблем развития положений Указа Президента «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» в перспективе решения формирования целостной мировоззренческой системы для граждан России.

Процедуры и методы. Исследование опирается на методологию аксиологического и цивилизационного подходов, фокусируемых на категории «традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Методика аксиологического подхода в формировании государственных политик применялась к рассмотрению политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Результаты. Сформулированы общие принципы и подходы формирования актуальной мировоззренческой системы, опирающейся на традиционные российские духовно-нравственные ценности: представлены подходы к трактовке традиционных ценностей; определены возможные подмены в их понятийном раскрытии; выявлен ряд антиценностей; предложены критерии выстраивания нового мировоззрения; сформулирован круг ключевых вопросов перспективной системы мировоззренческой повестки; выдвинута рецептура действий по достижению поставленных в рамках государственной политики целей.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы при внедрении положений Указа №809 в образовательную и воспитательную деятельность, при формировании новой методологии преподавания обществоведческих и гуманитарных дисциплин.

Ключевые слова: традиционные духовно-нравственные ценности, мировоззрение, аксиологический подход, цивилизационный подход, ценностные иерархии, ценностные дихотомии, Указ Президента, государственная политика

TRADITIONAL VALUES AND NEW WORLDVIEW CONSTRUCTION IN RUSSIA: PROBLEMS AND SOLUTIONS

V. Baghdasaryan*Federal State University of Education**ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify potentials and address challenges in the development of the stipulations of Presidential Decree “On the Approval of the Fundamentals of the State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values”, aimed at creating a comprehensive ideological system for the citizens of Russia.

© СС Багдасарян В. Э., 2024.

Methodology. The research relies on the methodology of axiological and civilizational approaches, focusing on the category of “traditional Russian spiritual and moral values”. The axiological approach methodology in shaping state policies was applied to the analysis of policies aimed at preserving and strengthening traditional Russian spiritual and moral values.

Results. General principles and approaches for forming a relevant ideological system based on traditional Russian spiritual and moral values were formulated, including the following: approaches to interpreting traditional values; identification of potential misconceptions in their conceptual clarification; revelation of a set of anti-values; proposals for criteria to establish a new worldview; formulation of the key questions for the future ideological system; recommendation of actions to achieve the objectives set within the framework of state policy.

Research implications. The research findings are intended for practical use in implementing the provisions of Decree no. 809 in educational and upbringing activities, as well as in forming the new methodology of teaching social sciences and other disciplines in Humanities.

Keywords: traditional spiritual and moral values, worldview, axiological approach, civilizational approach, value hierarchies, value dichotomies, Presidential Decree, public policy

Введение

Наличие ценностей является одной из сущностных характеристик человека. Ценностей не может быть ни у животного, поведенчески подчинённого биологической программе вида, ни у машины, программируемой алгоритмами. Только человек имеет возможность парадигмального выбора, что и сопряжено с природой ценностей. В этом отношении в дополнение ко всем иным определениям человека можно было охарактеризовать как существо аксиологическое. Но аксиологическими характеристиками должны быть соответственно наделены и общности людей. Если у этих общностей не будет наличествовать некая интегративная ценностная платформа, то они и не смогут институционально состояться. Это не означает, что общественные ценности безусловно разделяются каждым из представителей соответствующей общности. Более того, вероятно, нигде и никогда не существовало ситуации полной ценностной гомогенности. Интегративные ценности либо разделяются большинством, либо навязываются ему со стороны меньшинства. Они могут быть артикулированы (публично заявлены со стороны сообщества) либо не артикулированы, будучи воспринимаемы по принципу «как само собой разумеется» (на основе традиции или на основе манипулирования массовым сознанием) [2].

Не может без ценностей существовать и государство. Ценности государства могут соотноситься с ценностями народа (и тогда государство может характеризоваться как народное), а могут противоречить им, в т. ч. быть привнесены извне. В применении к современному политическому моменту речь не идёт о том, должно ли российское государство иметь ценностную платформу, а о том, каково должно быть её содержание [3].

На период перестройки пришлось замена прежних коммунистических ценностных ориентиров новой платформой, ключевым звеном которой являлось понятие «общечеловеческие ценности». Аксиологический контент этих лет формировался на основании идеологических подходов социал-демократического дискурса и теории еврокоммунизма. Призошла замена всех базовых позиций прежнего советского обществоведения: плановая экономика и общенародная собственность были заменены ориентиром рыночной экономики и смешанной собственности; неизбежность коммунизма – конвергенцией; классовая борьба – «новым мышлением» и толерантностью; история побед – историей преступлений; советская система государственности – системой разделений властей; представление о кризисе буржуазного общества – апелляцией к опыту «всех цивилизо-

ванных стран». Произведённая ревизия советской концептуальной матрицы явилась одним из важнейших факторов гибели СССР. Именно перестроечный период, как показывает анализ учебной литературы и программ, заложил те подходы, которые по-прежнему доминируют в преподавании гуманитарных и обществоведческих дисциплин в России [9; 10].

С начала 1990-х гг., несмотря на декларации о деидеологизации, государственная власть приняла всецело идеологию либерализма в её радикальной неолиберальной версии. На основе неолиберальной теории реализовывался курс реформ, включая «шоковую терапию» и ваучерную приватизацию. Соотносимые с ними фигуры Е. Т. Гайдара и А. Б. Чубайса были идеологами, а не технократами, имея в виду идеологию либерализма и западничества. Либеральные ценностные подходы в образовательном пространстве транслировали учебники, издаваемые при поддержке Фонда Дж. Сороса (Фонд «Открытое общество»). Взгляд на СССР, а зачастую и на всё прошлое России излагался в них с позиций теории тоталитаризма¹.

Восстановление суверенных потенциалов российской государственности и обусловленное им возрастание геополитической напряжённости в отношениях со странами Запада обусловили запрос на отражающие данную логику новые ценностные основания государственности. В этот период развивалось параллельно 2 дискурсивные идеологические линии, что отражало как неоднородность элит, так и сложность проведения системных изменений. Первая дискурсивная линия

представляла собой пролонгацию либеральной идеологии. Радикальная неолиберальная версия была при этом скорректирована. Теоретическим обрамлением либеральной идеологии фактически стала теория модернизации, транслируемая в т. ч. и в сферу образования. На теории модернизации основывался, в частности, Историко-культурный стандарт, принятый в январе 2014 г., и диссонировавший с реалиями начавшегося месяцам позже нового этапа геополитического противостояния Россия–Запад². Ключевым положением теории модернизации являлось представление об универсальности мирового развития, предполагающим что вариативность традиционных обществ должна быть заменена системой ценностно единого современного мира. Современность при этом осмысливалась сообразно с либерально-западнической аксиологической платформой³.

Вторую дискурсивную идеологическую линию составило консервативное направление. В развитии её была заявлена позиция о семейных ценностях и провозглашён концепт о России как государстве-цивилизации. Частично это направление аккумулировало компоненты советской государственной патриотики (при отрицании лево-марксистских компонент из идеологического арсенала СССР).

Концепция модернизации (фактически либеральная идеология) поддерживалась преимущественно на уровне институтов Академии наук и ряда высокорейтинговых вузов. Консервативная линия аксиологического дискурса

¹ Жуковский С. Т., Жуковская И. Г. Россия в истории мировой цивилизации. IX–XX вв.: учеб. пособие. М.: Школьная пресса, 2000. 413 с.; Кредер А. А. Новейшая история. 1914–1945: эксперимент. учеб. для IX–XI кл. средней шк. М., 1994. 208 с.; Сойфер В. Н. Интеллектуальная элита и филантропия: Десять лет Соросовской образовательной программы. М.: ДДФ Фаундейшн, 2005. 672 с.; Сороко-Цюпа О. С. Мир в XX веке: учеб. для 10–11 кл. М.: Просвещение, 1997. 303 с.

² Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории [Электронный ресурс]. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://www.kommersant.ru/docs/2013/standart.pdf (дата обращения: 06.02.2024).

³ Black C. E. The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History. N.Y.: Harper & Row, 1967. 210 p.; Comparative Modernization: A Reader / ed. by C. E. Black. N.Y., London, 1976. 441 p.; Lerner D. The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East. New York, London, 1965. 466 p.

связывалась с позицией Русской Православной Церкви, неакадемических площадок общественной мысли и главное – президента Российской Федерации. Школьные учебники и мультимедийный парк «Россия – моя история» отражали, в частности, имевшее место концептуальное размежевание [8]. Метафора «двух стульев» вполне была бы уместна для характеристики ситуации, воспроизводившейся вплоть до 2022 г. При этом позиция научных институций, защищаемая претензией на обладание монополией на научность, являлась фактически защитой определённой идеологии.

С началом Специальной военной операции (СВО) сохранение мировоззренческой и методологической двойственности стало более невозможно. Военная операция РФ стала катализатором давно назревшего перехода государства на новую ценностную парадигму. В качестве её ядра были взяты цивилизационный подход и традиционные духовно-нравственные ценности. Цивилизационный поход в преломлении к перспективам нового мироустройства оказывался альтернативой глобализационному подходу и однополярности. Представление о существовании ряда различаемых по ценностям и принципам жизнеустройства цивилизаций соотносилось с ориентиром формирования многополярного мира, в рамках которого каждая цивилизация могла позиционироваться как один из мировых полюсов¹. Традиционные духовно-нравственные ценности в логике современного глобального конфликта оказываются альтернативой постмодернистским ценностям, получившим распространение на Западе. Если ключевым ценностным противостоянием XX в. являлось противостояние индивидуализма и коллективизма, соотносящихся, соответственно, с капиталистической и социалистической

моделями, то в XXI в. – постмодернизма и традиционализма².

Проект Указа о сохранении и укреплении традиционных российских духовно-нравственных ценностей был предложен для обсуждения широкой общественности ещё в январе 2022 г. Однако тогда Проект вызвал большую полемику и был снят с повестки рассмотрения. Но после 24 февраля 2022 г. артикуляция традиционных ценностей стала очевидной. Многие критики Проекта указа покинули Родину. И когда 9 ноября 2022 г. В. В. Путин подписал Указ № 809³ (далее – Указ), отношение к документу уже оказалось совершенно другим. Фактически Указ стал главным нормативным основанием ценностно-мировоззренческого строительства в России.

Управленцам федерального, регионального и местного уровней вменяется в задачу руководствоваться традиционными ценностями. Обсуждается вопрос о создании специальных органов при губернаторах, осуществляющих контроль за их управленческой реализацией. Ставится вопрос о препарировании традиционных ценностей в образовательный процесс.

Традиционные духовно-нравственные ценности в 2023 г. были включены в Концепцию внешней политики России. Такое включение означало, что речь идёт не только о защите и укреплении традиционных ценностей Российской цивилизации, а о традиционных духовно-нравственных ценностях всего человечества – каждой из цивилизационных сообществ.

¹ Заседание дискуссионного клуба «Валдай» [Электронный ресурс] // Президент России: [сайт]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/72444> (дата обращения: 06.02.2024)

² China as Number One? The Emerging Values of a Rising Power [Электронный ресурс] // World Values Survey: [сайт]. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp> (дата обращения: 06.02.2024).

³ Указ об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Президент России: [сайт]. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/69810> (дата обращения: 06.02.2024).

Перенос положений Указа в Концепцию внешней политики позволяет говорить о 2 уровнях применения традиционных ценностей – цивилизационно-образующего и всечеловеческого. С одной стороны, традиционные ценности закрепляют самосознание каждой из цивилизаций, с другой – утверждают духовноцентричные идеалы для всего человечества. В первом своём проявлении они противостоят децивилизации конкретных сообществ, во втором – расчеловечиванию людей вне зависимости от их цивилизационной принадлежности¹.

Стали очевидны определённые положения, сопряжённые с противостоянием систем. Условно их можно сформулировать как «стратегемы гибридной войны» (положение о том, что против России развязана «гибридная война нового типа» вошло в утверждённую президентом 31.03.2023 Концепцию внешней политики России).

Во-первых, *нельзя победить врага, опираясь на ценности врага*. На основе западничества невозможно выиграть ценностную войну с Западом, а западникам не следует поручать её ведение.

Во-вторых, *нельзя победить врага, являясь частью системы врага*. Часть не может одолеть целое. Будучи частью целого, Россия зависима от принципов функционирования той системы, в которую она оказалась включена.

В-третьих, *нельзя победить врага, играя по правилам врага*. Тот, кто устанавливает правила, в итоге и побеждает. А если же он начинает проигрывать, то у него имеется возможность, как у хозяина игры, изменить правила.

Из перечисленных установок того, что недопустимо в ситуации противоборства систем, следует соответствующая рецептура:

1. если нельзя победить врага, опираясь на ценности врага, то должна быть сформирована собственная идентичная ценностная система;
2. если нельзя победить врага, являясь частью системы врага, то необходимо выйти из глобального капиталистического миропорядка и приступить к строительству собственной россицентричной мир-системы;
3. если нельзя победить врага, играя по правилам врага, следует создавать собственную идентичную теорию общественных наук и производную от неё (а не от западных обществоведческих концептов управленческую рецептуру)².

Аксиологический подход как методологическое основание исследования

Итак, наша задача выявить потенциал и определить проблемы развития положений Указа о сохранении и укреплении традиционных российских духовно-нравственных ценностей в перспективе формирования целостной мировоззренческой системы для граждан России.

Работа с категорией ценностей предполагает использование аксиологического подхода в качестве методологического основания проводимого исследования. Апелляция к ценностям превратилась в настоящее время в интеллектуальную моду. Генезис аксиологического подхода уходит ещё в античную философию, получив целостное теоретическое выражение в методологии неокантианского дискурса³. Однако широкое увлечение категорией ценности началось сравнительно недавно. Катализатором его явил-

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации // МИД: [сайт]. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586/ (дата обращения: 06.02.2024).

² Багдасарян В. Э., Сильвестр, арх. (Лукашенко). Россия и Запад: цивилизационные различия. Ярославль: СПК, 2023. 304 с.

³ Мирошников Ю. И. История аксиологии: от Платона до Канта // Первые Лойфмановские чтения: аксиология науч. познания: мат-лы конф. Вып. 1. Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 2006. С. 96–105; Шохин В. К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль. М.: Изд-во РУДН, 2006. 457 с.

ся мировой финансово-экономический кризис 2008 г. Глубинный анализ природы кризиса вывел на понимание, что причины его заложены не в финансовых институтах, а в ценностных ориентирах современного человечества. Апелляции к категории ценности и к ценностному подходу при этом оказывались зачастую малокомпетентными. Ценностями часто определяется то, что не может быть к ним, в соответствии с логикой аксиологического подхода, отнесено. Ввиду обнаруживаемой эклектики в использовании категории ценности необходимо дать пояснения, что предполагает аксиологический подход и что с ним несовместимо.

Во-первых, аксиологический подход предполагает ценностную вариативность. Понятие «ценность» сопряжено с рядом, в который входят неценности (ценностями не являются), антиценности (противоположны ценностям) и иноценности (ценности другого). Наличие тех или иных ценностных пакетов подразумевает наличие других ценностных пакетов. То, что значимо для всех, не может считаться ценностями. Ценности поэтому не наделены характеристиками универсальности. Распространившееся в перестроечные годы и по настоящее время закреплённое в образовательных программах понятие «общечеловеческие ценности» является в этом отношении оксюмороном [1].

Во-вторых, аксиологический подход предполагает наличие ценностного выбора. Эта его характеристика может быть выражена через метафору «развилки». Человек, в отличие от животных и машин (включая искусственный интеллект), наделён возможностью выбирать в экзистенциальном смысле. Фундаментально этот выбор связан со свободой воли. В этом отношении аксиологический подход противоположен подходам, построенным на логике предопределённости. Если есть свобода ценностного выбора, то ничто не детерминировано. Западное христианство, в противоположность

этому взгляду, как раз и акцентировало идею предопределённости, идущую от Августина к Ж. Кальвину¹. В кальвинизме эта идея, как известно, нашла выражение в тезисе предопределённости к спасению избранных, из которого М. Вебер выводил генезис капитализма². Идею детерминированности взяло далее на вооружение западное обществоведение (экономический, географический, социальный, биологический и другие виды детерминизма). Православие, напротив, акцентировало идею свободы воли, что задавало, соответственно, иную, чем на Западе, дискурсивную традицию обществоведческой мысли, выражаемую большей близостью к методологии аксиологического подхода³.

В-третьих, аксиологический подход предполагает приоритет идеального. Ценности сопряжены с идеалами. Ценностный подход в государственном управлении есть в этом смысле движение от реального к идеальному. Потребности ценностями не являются. Отождествление пирамиды потребностей А. Маслоу⁴ с уровнями ценностей является грубой методологической подменой. Аксиологический подход не совместим также с экономоцентричностью и методологией менеджмента. Материальное как естественное для человеческой природы не является вопросом ценностного выбора. Аксиология и возникла на основе ревизии представлений, что общественные процессы и человеческое поведение сводятся к материальной парадигме.

В-четвёртых, аксиологический подход предполагает дихотомичность. Вы-

¹ Маграт А. Богословская мысль Реформации. Одесса: Богомыслие, 1994. 316 с.

² Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М.: АСТ, 2021. 352 с.

³ Чистякова О. В. Свобода воли и Божественное предопределение в восточной и западной патристике в контексте ортодоксальных (сотериологических) и философских различий // Logos et Praxis. 2018. Т. 17. № 2. С. 6–15.

⁴ Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2019. 400 с.

движение ценностей подразумевает, что есть антиценности. Раскрытие ценностей может осуществляться наряду с позитивным утверждением (катафатическая логика), также и через свою противоположность (апофатическая логика)¹. Ценности и антиценности сопряжены в системе этических координат с категориями добра и зла. Следование путём зла совершает грех, определение которого логически вытекает из самой методологии аксиологии. Люди или общности людей, идущие по пути зла, т. е. утверждающие антиценности, являются врагами для приверженцев соответствующих ценностей.

Дихотомичность ценностного подхода предполагает борьбу с антиценностями. В этом отношении аксиологический подход конфликтен. Преподнесение его по принципу «за всё хорошее» является фактически «обывательской подменой».

Применительно к реализации управленческих задач аксиологический подход реализуется в развёртке последовательных операций: определение ценностей – формирование системы смыслов – установление целей – выявление проблем (как препятствий к достижению поставленной цели) – нахождение средств (методов, приемов, технологий) – совершение практических действий – достижение результата. Соответствующий подход будет применён в ходе представляемого исследования к определению перспектив формирования новой системы мировоззрения на основе Указа о сохранении и укреплении традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Категория «традиционные ценности»

Указ Президента о сохранении и укреплении традиционных российских духовно-нравственных ценностей предложил условный аксиологический пакет, включающий 17 ценностных ориенти-

ров. В решении задач мировоззренческого строительства это был важный шаг. Имела принципиальное значение характеристика заявляемых ценностей как традиционных, что должно было отсеять иные идеологические нарративы.

Но шаг этот был в цепочке алгоритма реализации государственной политики лишь первым действием, за которым должны последовать остальные. Артикулировались некие ценности, которые без их смыслового раскрытия могут быть подвергнуты самым разным интерпретациям, вплоть до прямо противоположных замыслам разработчиков. Вероятно и тривиальное бюрократическое блокирование содержания ценностей. Бюрократия во все времена в противоположность идеократии стремится подменить ценности и смыслы средствами. Вероятны также попытки размыть категорию «традиционные» в пользу любых кажущихся позитивными ценностей. Такое размывание фактически упразднило бы значение Указа № 809 как идеологического поворота, окончательного отказа от установок доминировавшей ранее либеральной теории. Попытки заявить, что и до 2022 г. внедрялись традиционные ценности и что в ценностные позиции входят жизнь, достоинство, гуманизм, права и свободы человека – вполне в логике того, о чём говорили либералы 1990-х гг., – будут предприниматься. Необходимо своевременно предотвратить бюрократическое выхолащивание содержания Указа Президента, что предполагает совершение следующего шага: от заявления ценностей к формированию системы смыслов.

Задача выстраивания системы смыслов вокруг базовой категории «традиционные ценности» – нетривиальна. Само понятие «традиционные ценности» не является изобретением последних лет. Существует в мировом обществоведческом дискурсе связанный с ним широкий пласт литературы [5]. При этом подходы к раскрытию традиционных ценностей варьируются от идей Р. Генона (традици-

¹ Попов Д. В. Апофатический и катафатический пути советской политической теологии // Социология власти. 2022. № 34. С. 44–71.

онные ценности как выражение Примордиальной Традиции) до взглядов американских фамилиалистов (традиционные ценности как консервативные принципы бытия семьи)¹.

Вероятно, из всех существующих версий смыслового раскрытия целесообразно отдать предпочтение цивилизационному подходу. Цивилизационный подход – взгляд на Россию как особый тип государства-цивилизации – уже вошёл во властный дискурс (даже раньше, чем категория «традиционные ценности»). На его основании сформирован введённый во всех вузах с начала 2023/2024 учебного года курс «Основы российской государственности»².

Цивилизационный подход, равно как и аксиологический, сфокусирован на ценностях. Сообразно с логикой цивилизационного подхода, традиционные ценности есть воспроизводимые ценности соответствующей цивилизации. Соответствующим пакетом воспроизводимых традиционных ценностей обладает и Российская цивилизация. Древняя Русь, Московская царство, Российская империя, Советский Союз, современная восстанавливающая свои суверенные потенциалы Россия – это всё исторические модификации Российской цивилизации. Соответственно, и ядро ценностей для всех этих модификаций являлось константным. Мог меняться язык, выражающий ценностные ориентиры цивилизационного сообщества, что не изменяло содержание выражаемых им ценностей. Н. А. Бердяев в книге «Истоки и смысл

русского коммунизма»³ раскрыл это явление по отношению к советскому периоду, которое О. Шпенглер выразил посредством понятия «псевдоморфизм»⁴.

Традиционные ценности в логике цивилизационного подхода являются оптимумом максимизации жизненных потенциалов соответствующей цивилизации. Когда эти ценности работают, цивилизация процветает. При эрозии традиционных ценностей её потенциалы жизнеспособности минимизируются, устремляясь к нулевой отметке. Итогом децивилизации, т. е. отступления от идентичных ценностей, может стать цивилизационная смерть. «Русские Смуты» по сути своей и являлись такого рода отступлениями⁵. За восстановлением традиционных ценностей следовала новая цивилизационная сборка и очередные исторические прорывы.

Определённым методологическим подспорьем в формировании новых смысловых парадигм может стать применение дихотомического анализа. Суть его в данном случае выражается противопоставлением каждой из существующих трактовок традиционных ценностей тех ориентиров, которые по отношению к ним являются антиценностями. В предлагаемом рассмотрении брались существующие подходы к раскрытию ценностей, вытекающие из логики дихотомий антиценности и промежуточные между ценностными полюсами позиции (табл. 1).

¹ Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. 444 с.; Генон Р. Духовное владычество и мирская власть. М.: Беловодье, 2012. 196 с.; Генон Р. Инициация и духовная реализация. М.: Тотенбург, 2020. 248 с.; Генон Р. Царство количества и знамения времени. М.: Беловодье, 2011. 304 с.

² Основы российской государственности: учебно-методический комплекс по дисциплине для образовательных организаций высшего образования / В. Э. Багдасарян, В. М. Марасанова, Ю. Ю. Иерусалимский, Л. Г. Титова, С. А. Кудрина. М.: Дело, 2023. 212 с.

³ Бердяев Н. А. Русская идея: основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. М.: Наука, 1990. 540 с.; Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.

⁴ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М.: Мысль, 1993. В 2 т.; Леонов И. В. Псевдоморфоз как форма межкультурного взаимодействия: по мотивам «Заката Европы» О. Шпенглера // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2022. № 47. С. 69–82.

⁵ Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997. 376 с.; Марченя П. П., Разин С. Ю. «Смутоведение» как «гордиев узел» руссиеведения: От империи к смуте, от смуты к...? // Россия и современный мир. 2010. № 4. С. 48–65.

Таблица 1 / Table 1

Подходы к трактовке традиционных ценностей в дихотомическом анализе /
Approaches to the interpretation of traditional values in dichotomous analysis

Трактовки традиционных ценностей	Промежуточные ценностные позиции	Антиценности
Традиционные ценности – ценности традиционного общества	Ценности модерна	Ценности постмодерна
Традиционные ценности – ценности религиозные	Нерелигиозные, атеистические	Сатанизм
Традиционные ценности – ценности цивилизационнообразующие	Иноцивилизационные	Антицивилизационные
Традиционные ценности – ценности естественные для человека	Неестественные	Противоестественные, извращения
Традиционные ценности – ценности духовные	Материальные	Потребительские
Традиционные ценности – ценности выживания	Удовольствия, комфорт	Саморазрушение, расчеловечивание

Источник: составлено автором

Базовый ценностный пакет

Предложенный Указом № 809 пакет ценностей вызывает вопросы: все заявленные ориентиры могут быть отнесены, во-первых, к ценностям *традиционным*, во-вторых – *российским*, в-третьих – *духовно-нравственным*. Наибольшие возражения вызвало включение в этот список *прав и свобод человека и гуманизма*. Возражения связаны не с тем, что они как ценностные ориентиры не имеют значение для современного общества, а с их маркировкой как традиционных. Традиционность означает соотнесение с Традицией. И такое соотнесение в отношении обоих понятий вызывает, как минимум, напряжение.

Вызывает сомнение и включение в перечень традиционных ценностей понятия «*справедливость*», обладающее высокой релятивистичностью трактовок. Само слово «справедливость» отсутствует в русских средневековых источниках, будучи поздним польским привнесением. Почти не используется оно в Новом Завете, что не позволяет включить его в круг христианской традиции. Да, и в со-

ветском дискурсе, вопреки современным представлениям, оно применялось крайне ограничено, ввиду критики абстрактных представлений о справедливости основоположниками марксизма с позиций классового подхода. В перечень вместе с тем не вошли такие важные для Традиции ценности, как *религиозная вера, любовь, правда, совесть* и др. [4].

Решение обнаруженных проблем может быть предложено в 2 вариантах. Первый состоит в уточнении списка традиционных ценностей. Это могло бы быть сделано посредством принятия Федерального закона «О традиционных духовно-нравственных ценностях». Федеральный закон стоит выше Указа, а соответственно, и уровень задачи мировоззренческого строительства должен выражаться через формат ФЗ.

При отсутствии по тем или иным причинам возможности изменения списка заявленных традиционных ценностей проблема может быть решена через принятие отвечающих замыслу Указа и курсу на восстановление цивилизационной идентичности России трактовок исполь-

зуемых понятий. Любое без исключения понятие в современном гуманитарном и обществоведческом дискурсе многозначно. Соответственно, и разработчик словаря традиционных ценностей имеет полное право взять ту трактовку, которая не противоречит общей методологической позиции разработке [6].

Свободу человека целесообразно было бы трактовать не как «liberty», а как свободу воли, отсутствие материальной детерминированности. Раскрытие понятия «гуманизм» могло бы быть проведено через идею цельности человеческой личности, запрета её деконструкции, в т. ч. в рамках теории и практики трансгуманизма. Понятие «справедливость» можно было бы раскрыть через одно из важнейших для русской традиции, но отсутствующее в Указе понятие – «правда». В отличие от «справедливости» «правда» является одним из опорных понятий Нового Завета. «Явилась Правда Божия... через веру в Иисуса Христа», – возвещает апостол Павел в Послании римлянам. Из 9 Заповедей о блаженствах 2 адресуют к

ценности правды: «4. Блаженны алчущие и жаждущие правду, ибо они насытятся;... 8. Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное»¹. Тема правды в качестве осевой линии проходит через весь курс российской истории: «Русская Правда» – первый отечественный письменный свод законов; «Не в силе Бог, а в Правде» – слова из «Повести о житии Александра Невского»; «Правда воли монаршей» – название трактата Феофана Прокоповича, обосновывавшего государеву легитимность; «Правда» – название печатного органа большевиков (в версиях «Рабочая правда», «Северная правда», «Правда труда», «Пролетарская правда», «Путь правды»).

Но трактовки по каждому из 17 ценностных ориентиров возможны и в деструктивном ключе. При желании возможно всё содержание предложенного списка ценностей перетолковать в прямо противоположном идеологическом ракурсе. Для того, чтобы этого не произошло, негативные трактовки должны быть исходно отсечены и закреплены нормативно (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Возможные подмены трактовок традиционных духовно-нравственных ценностей / Possible misinterpretations of traditional spiritual and moral values

Традиционные духовно-нравственные ценности	Разделы обществознания
жизнь	биологическое бытие, запрет жертвовать жизнью во имя чего-либо
достоинство	высокомерие, самолюбие, гордыня
права и свободы человека	либерализм
патриотизм	национализм, ксенофобия, верноподданство
гражданственность	гражданское общество как оппозиция государству, буржуазность (бюргерство)
служение Отечеству и ответственность за его судьбу	бюрократизм
высокие нравственные идеалы	элитаризм
крепкая семья	мафиозность
созидательный труд	ургийность, релоцентризм, репрессинг созерцательности
приоритет духовного над материальным	игнорирование социальных проблем, постматериализм

¹ Новый завет: Современный перевод с греческого текста. М.: Библио-Русикум, 1997. 263 с.

Окончание табл. 2

Традиционные духовно-нравственные ценности	Разделы обществознания
гуманизм	человекоцентризм как противоположность теоцентризму
милосердие	жалость, мягкость к преступнику и к греху
справедливость	принцип талиона, релятивистичность долженствований
коллективизм	стадность, механическое объединение индивидуумов
взаимопомощь и взаимоуважение	отношения «ты мне, я – тебе», «рука руку моет»
историческая память и преемственность поколений	блокирование развития, легитимизация существующего
единство народов России	национальное смешение, размывание цивилизационного ядра

Источник: составлено автором

Ценностные иерархии

Перечень традиционных ценностей, входящих в ценностный пакет цивилизаций, имеет относительную схожесть. Международные социологические опросы, в частности, материалы проекта «Всемирный обзор ценностей», подтверждают подобие компонент, входящих в аксиологические матрицы цивилизаций. Различия между цивилизациями обнаруживаются не по отсутствию или наличию ценностей, а по степени их значимости. Нельзя, к примеру, сказать, что в считающейся индивидуалистической цивилизации Запада полностью отсутствует ценность коллективизма. Другое дело, что она не имеет такого значения, как в ряде других цивилизаций, включая Российскую.

«Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона Киевского считается первым литературным произведением, с которого прослеживается формирование идентичной русской государственной идеологии. Автор заявляет о приоритетности Благодати перед Законом, равно тому, как Новый Завет приоритетен по отношению к Ветхому Завету. Иларион не отвергает Закон, но считает его ценностью, уступающей ценности Любви¹.

¹ Иларион. Слово о Законе и Благодати. М.: Столица, Скрипторий, 1994. 146 с.

Важно установление иерархии ценностных компонент. Очевидно, что ценности не являются равновесными. Одни ценностные ориентиры приоритетны по отношению к другим. Такая характерная для народов Евразии система приоритетов устанавливается по следующим 15 позициям:

1. коллективного над индивидуальным, общего над частным;
2. идеального над материальным;
3. служения над владением;
4. традиции над конъюнктурой;
5. духа над буквой, любви над законом;
6. воина над торговцем;
7. учителя над учеником;
8. старшего над младшим;
9. народа над элитой;
10. идеологии над технологиями;
11. долга над свободой;
12. цивилизации над этносом;
13. миссии над интересом;
14. труда над капиталом;
15. Родины над жизнью.

С ценности «жизни» начинается перечень традиционных ценностей в Указе № 809. Первая позиция в перечне при этом не означает большей значимости в ценностной иерархии. А. Матросов или З. Космодемьянская жертвуют своей жизнью. Значит, есть ценности более

высокого уровня, чем жизнь отдельного человека. Такой ценностью при обращении к раскрытию подвигам Матросова и Космодемьянской оказывается Родина. В перечне 17 традиционных ценностей ценность Родины проявляется через ориентир патриотизма. Патриотизм может классифицироваться как интегральная ценность, в подчинении которой находятся все другие ценностные позиции. Такой вывод соотносится и со словами президента РФ, определившего патриотизм в качестве национальной идеи России.

Ценностные дихотомии

Запрос на дихотомический подход критически необходим в ситуации системного конфликта с коллективным Западом. Без дихотомий не будет понятна природа противостояния. Дихотомический подход, между тем, особо не любят в применении к работе с традиционными ценностями приверженцы прежних социогуманитар-

ных парадигм. Дихотомия означала бы разрыв с Западом, её размывание – возможность нахождения компромисса, возвращения к доконфронтационному состоянию. Размывание дихотомий сохраняло бы возможность сидения на двух стульях, быть одновременно и «славянофилом», и «западником».

«Без тьмы не было бы понятия о свете, – рассуждал в своё время Лион Фейхтвангер. – Для того, чтобы свет осознал себя, он должен иметь перед собой свою противоположность – тьму». Взятие за основу 17 традиционных ценностей позволяет к каждой из них найти пару антиценности (табл. 3).

Мировоззрение грядущей Победы

Каковы должны быть критерии нового формируемого мировоззрения граждан России? Новое мировоззренческое строительство было катализировано вступлением в системный конфликт с Западом.

Таблица 3 / Table 3

Ценности и антиценности – дихотомические пары / Values and anti-values – dichotomous pairs

Традиционные духовно-нравственные ценности	Антиценности
Жизнь	Смерть
Достоинство	Унижение человека
Права и свободы человека	Рабство
Патриотизм	Космополитизм
Гражданственность	Эгоизм
Служение Отечеству и ответственность за его судьбу	Предательство, государственная измена
Высокие нравственные идеалы	Аморализм, разврат
Крепкая семья	Распутство и половые извращения
Созидательный труд	Паразитизм
Приоритет духовного над материальным	Гедонизм и потребительство
Гуманизм	Человеконенавистничество
Милосердие	Жестокость, садизм
Справедливость	Несправедливость, лживость
Коллективизм	Индивидуализм
Взаимопомощь и взаимоуважение	Вражда, презрение
Историческая память и преемственность поколений	Историческое беспамятство, манкуртизм, отрицание традиции
Единство народов России	Сепаратизм, национализм

Источник: составлено автором

Выстоять в этом конфликте и победить является для российского народа главной стратегической задачей. На кону находится, без преувеличения – судьба России и всего человечества. Соответственно, и формируемое мировоззрение должно рассматриваться как мировоззрение грядущей Победы. В новую мировоззренческую систему должно быть включено всё то, что будет способствовать Победе и отброшено из него то, что достижению Победы мешает. Во-первых, новое мировоззрение должно быть, как указывалось выше, дихотомичным. Бороться с врагами невозможно без мировоззренческого осмысления образа врага. Враг при этом должен позиционироваться не как ситуационный противник, а выразитель метафизического зла. Метафизическим злом, сообразно с выдвижением традиционных ценностей и цивилизационного подхода, может позиционироваться глобальная Антицивилизация, продуцирующая угрозы для каждой цивилизации (включая Западную)¹.

Во-вторых, новое мировоззрение должно быть коллективистским. На него в ситуации системного противостояния возлагается функция консолидировать своих. Соответственно, должны быть найдены основания новой коллективности. Индивидуалистическое мировоззрение в логике современных вызовов может иметь только деструктивные последствия, и его будут пытаться насаждать в России извне.

В-третьих, новое мировоззрение должно быть мобилизующим. Мобилизовать же общество можно лишь через выдвижение некоего общественного идеала. Вера в идеал, который ставится выше материальных интересов, побуждает народ идти вперёд, осуществлять великие свершения.

Ключевые вопросы нового мировоззренческого строительства

Формирование мировоззрения предполагает разрешение ряда мировоззренческих вопросов. Разрешение их возможно в рамках различных парадигм. Но очевидно, что нужны ответы, аккумулировавшие бы российскую цивилизационную традицию.

1. Что такое добро и зло?

Познание добра и зла определяет, согласно религиозному взгляду, развёртку человеческой истории. С вопроса о добре и зле начинается цивилизационогез. Каждое сообщество устанавливает, что оно считает хорошим и плохим, выстраивая на этой основе законы и мораль. Разграничение добра и зла должно составлять суть воспитания и образования. К сожалению, эти категории фактически полностью выведены из образовательного контента. Понятий «добра» и «зла» нельзя найти ни в образовательных программах, ни в учебниках. Смешение же добра и зла может иметь для общества самые деструктивные последствия. В религиозной системе координат добро сопряжено с Богом, зло – с его противостоятелем.

2. Кто такой человек?

Без ответа на вопрос «кто такой человек?» невозможно и целевое человекостроительство (включая целеполагание в образовательной и воспитательной деятельности). Труд К. Д. Ушинского «Педагогическая антропология»² закладывал в своё время понимание об определяющем характере антропологии для педагогики. Необходимо вернуться при этом к российской традиции раскрытия природы человека. Насаждение как самоочевидного взгляда на человека как на индивидуума задаёт логику индивидуализации, являясь фактически компонентой либеральной пропаганды. Традиционное для России раскрытие природы человека связывалось с осмыслением его, с одной

¹ Багдасарян В. Э., Иерусалимский Ю. Ю., Сильвестр, арх. (Лукашенко). Хаос как стратегия глобализма. М.: Отчий дом, 2023. 688 с.

² Ушинский К. Д. Педагогическая антропология. В 2-х тт. М.: Юрайт, 2022–2023. 897 с.

стороны, как образа и подобия Божьего, а с другой – как социального существа, соработника большой общности.

2. В чём смысл жизни?

В Российской империи к вопросу о смысле человеческой жизни подходили через религию, чему в образовательных учреждениях служила дисциплина «Закон Божий». Советская система воспитания раскрывала смысл жизни как борьбу за общественные идеалы. Цитировались слова Павки Корчагина о том, как следует прожить жизнь человеку. В современном школьном и вузовском образовании сама постановка вопроса о смысле жизни отсутствует. Не была она пока внесена и в перечень тем «Разговоров о важном». Обесмысливание бытия человека приводит в итоге к деструктивным последствиям как для психики отдельного человека, так и для общества в целом.

3. Кто такие «Мы»?

Человекостроительство должно быть сопряжено с «Мы–строительством». Необходимо дать ответ на вопрос «почему, будучи разными, мы есть единый народ? каковы основания нашего единства?». Фактически речь должна идти о генерации формулы российской идентичности [11].

4. Кто есть наши враги?

Враги в реальной истории всегда существуют. Проявляются они и в настоящее время. В перечень недружественных России государств и территорий входит в настоящее время 49 стран. Необходимо показать причины их враждебного отношения к нам. Речь должна идти не об «охоте на ведьм», а о метафизическом осмыслении той борьбы за идеалы, которую ведёт Россия¹.

Выдвинутое в перестроечные годы представление об отсутствии врагов оказалось фактически разоружением перед врагами. Обнаружил свою деструктив-

ность концепт толерантности. Акцентировка толерантного подхода на Западе явилась фактически механизмом легитимизации греха. Анализ образовательных программ показывает, что по сей день концепт толерантности встроен в матрицу российского образования, продуцируя соответствующие деструктивные последствия [7].

5. Откуда мы?

«Откуда есть пошла земля Русская...» – этими словами, как известно, открывается «Повесть временных лет»². Вопрос предполагает обращение к прошлому. И это должно быть не просто изложение отечественной истории, а выявление генезисных оснований Российской цивилизации, её исторического предназначения. Такая постановка проблемы выводит на необходимость формирования наряду с историей историософии как системы раскрываемых через исторический нарратив ценностей и смыслов³.

6. Что есть движущая сила истории?

Для религиозной историософии движущей силой истории выступало Провидение, или Промысел Божий. Советское обществоведение (исторический материализм) определяло в качестве движущей силы истории классовую борьбу. Необходимо определиться, что будет рассматриваться главным фактором исторического процесса применительно к новым концептуальным подходам. В цивилизационной теории А. Дж. Тойнби⁴, следует напомнить, движущая сила истории выявлялась в логике отношений вызов–ответ. Применительно к современной повестке вызовом является стремление Запада к мировому доминированию, ответом на которое является восстановление суверенных потенциалов России.

² Повесть временных лет / подгот. текста Д. С. Лихачёва. СПб.: Наука, 1996. 667 с.

³ Багдасарян В. Э., Сильвестр, арх. (Лукашенко). Россия и Запад: цивилизационные различия. Ярославль: СПК, 2023. 304 с.

⁴ Тойнби А. Дж. Постигание истории. М.: Рольф, 2001. 640 с.

¹ Шмитт К. Политическая теология. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000. 336 с.; Шмитт К. Теория партизана: Промежуточное замечание по поводу понятия политического. М.: Праксис, 2007. 304 с.

7. В чём суть современного глобального конфликта?

Конфликты составляют основу как художественных произведений, так и объяснения развёртки общественных процессов. При этом различается видение природы конфликта. Для марксистского дискурса она обнаруживалась в противоречиях между общественным характером труда и частнособственническими присвоениями (противоречия между трудом и капиталом). Конфронтационность современного мира принципиально возросла, опровергая прогнозы о «конце истории». Необходимо в рамках новых смысловых парадигм объяснить природу глобальной конфронтации. При соотношении этого объяснения с религиозной традицией он может быть раскрыт в логике «Откровения Иоанна Богослова». В версии цивилизационного подхода суть конфликта раскрывается через экспансию глобальной Антицивилизации. Противоречий между религиозной и цивилизационной версиями в действительности не существует, и различается лишь язык заявляемого дискурса.

8. В чём причины несовершенства мира?

Мир реальный не может обладать совершенством. Совершенным может быть исключительно мир идеального. Достижение идеала являлось бы концом истории. Но несовершенство мира необходимо объяснить. В сути своей это вопрос об основаниях существующего в мире зла. В теологии с подачи Г. Лейбница¹ эта проблема была обозначена понятием теодицея. Для марксизма происхождение зла связывалось с возникновением института частной собственности. Применительно к новой обществоведческой теории необходимо объяснить природу отступления человечества от традиционных ценностей и замены их антиценностями.

¹ Лейбниц Г. В. Опыты теодицеи о благодати Божией... // Лейбниц Г. В. Сочинения в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1989. С. 49–554.

9. Куда мы идём?

Необходимо сформулировать российское видение будущего как «желаемого завтра». Без определения желаемого будущего невозможна постановка целей. Вопрос о будущем – это не только прогнозирование, но и проектирование. Геополитические противники имеют достаточно проработанную систему футурологии² (например, «Глобальные тренды» Национального Совета по разведке США)³. Футурология коммунизма активно развивалась в Советском Союзе, корреспондируя в художественной литературе с развитием научной фантастики. Однако в современной России футурология оттеснена в маргинальное пространство. Переломным моментом восстановления значения футурологических разработок является появление тематического раздела о будущем в новом мировоззренческом курсе «Основы российской государственности».

10. Что делать?

Вопрос «что делать?» принято относить к разряду «вечных» для русской рефлексии. В действительности мировоззренческое строительство лишь тогда будет успешным, когда соединит метафизику с деятельностной повесткой. Нужны, соответственно, производные от всего корпуса мировоззрения деятельностные императивы. Они могут выражаться, в частности, в форме максим и плакатных лозунгов. Плакатное искусство в СССР демонстрировало высокий уровень выдвижения мотивационных формулировок.

² Багдасарян В. Э. Концепция «глобального государства» в стратегических документах США: целевые замыслы современного экспансионизма // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2023. № 3. С. 7–25.

³ Global Trends. 2040. A more contested world [Электронный ресурс]. URL: chrome:extension://efaidnbmnnnnibpcajpglclefindmkaj/https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/assessments/Global-Trends_2040.pdf (дата обращения: 06.02.2024).

11. Почему Победа будет за нами?

Необходимо, чтобы народ был уверен в грядущей Победе. Эта уверенность должна проистекать из представления о нахождении на «правильной стороне истории». Перефразируя слова из повести 1941 г., «Победа будет за нами» потому, что «наше дело правое». Правота же в борьбе, в свою очередь, с правотой выбранной Россией ценностной повестки (т. е. принятых в качестве основы мировоззренческого строительства традиционных ценностей).

Заключение

Итак, в современных реалиях остро необходима дальнейшая содержательная развёртка положений Указа № 809. Существующих положений недостаточно для выстраивания целостной системы мировоззрения граждан России. Необходим ряд важных шагов в развитии выдвинутых положений. От фазы артикуляции ценностей (которые были артикулированы вначале в Стратегии национальной безопасности, а потом в Указе № 809) следует перейти к фазе формулировки смыслов. В повестке актуальных задач:

1. уточнение и корректировка перечня традиционных духовно-нравственных ценностей;

2. выдвижение определений традиционных духовно-нравственных ценностей и их нормативное закрепление;

3. установление перечня антиценностей и их моральная маркировка как зла и греха;

4. проведение иерархии соподчинения традиционных ценностей между собой;

5. генерирование целостной мировоззренческой концепции, опирающейся на заявленные традиционные духовно-нравственные ценности;

6. преломление выдвинутого мировоззренческого подхода применительно к отдельным гуманитарным и обществоведческим дисциплинам;

7. выявление и блокирование деструктивных подходов в сфере образования и науки;

8. разработка и внедрение в образовательный процесс учебников и учебных пособий, основывающихся на социокультурной парадигме традиционных ценностей;

9. социальный заказ на исследования и культурный контент, организация широкой просветительской деятельности, сообразной новым мировоззренческим подходам;

10. подборка и целевая подготовка преподавательских и научных кадров, соответствующих задаче трансляции традиционных духовно-нравственных ценностей (мировоззренчески разделяющих новые подходы и обладающих необходимыми компетенциями оперирования соответствующим методологическим инструментарием).

Дата поступления в редакцию 03.12.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Араб-Оглы Э. А. Европейская цивилизация и общечеловеческие ценности // Вопросы философии. 1990. № 8. С. 10–13.
2. Багдасарян В. Э. Заглянуть за черту. Искусственный интеллект и Постчеловек: проблема ценностного программирования. М.: МГОУ, 2019. 84 с.
3. Багдасарян В. Э. Ценностные основания государственной политики. М.: Инфра-М, 286 с.
4. Багдасарян В. Э., арх. Сильвестр (Лукашенко). Справедливость VS Любовь. Идеалы общественного строительства: историко-культурные и философские основания. М.: Отчий дом, 2020. 240 с.
5. Багдасарян В. Э., Сильвестр, арх. (Лукашенко). Традиционные ценности: стратегия цивилизационного возрождения. Ярославль: СПК, 2022. 256 с.
6. Дугин А. Г., Малафеев К. В. Ткачев А., протоиерей. Азбука традиционных ценностей. М., 2023. 96 с.

7. Ильин А. Н. Западная толерантность: господство демократии или наступление дегуманизации? // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2020. № 26. С. 227–246.
8. Казьмина В. П. Реконструкция исторического парка «Россия – моя история»: смена вектора символической политики? // Политическая наука. 2020. № 2. С. 143–162.
9. Кара-Мурза С. Г. Евроцентризм – эдипов комплекс интеллигенции. М.: Алгоритм, Эксмо, 2002. 256 с.
10. Кара-Мурза С. Г. Идеология и мать её наука. М.: Алгоритм, Эксмо, 2002. 256 с.
11. Пантин В. И. Национально-цивилизационная идентичность: специфика России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2011. Т. 7. № 2. С. 42–51.

REFERENCES

1. Arab-Ogly E. A. [European civilization and universal human values]. In: *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 1990, no. 8, pp. 10–13.
2. Bagdasaryan V. E. *Zaglyanut za chertu. Iskusstvennyy intellekt i Postchelovek: problema tsennostnogo programmirovaniya* [Look beyond the line. Artificial intelligence and Posthuman: the problem of value programming]. Moscow, MGOU Publ., 2019. 84 p.
3. Bagdasaryan V. E. *Tsennostnyye osnovaniya gosudarstvennoy politiki* [Value foundations of state policy]. Moscow, Infra-M Publ., 286 p.
4. Bagdasaryan V. E., architect. Sylvester (Lukashenko). *Spravedlivost VS Lyubov. Idealy obshchestvennogo stroitelstva: istoriko-kulturnyye i filosofskiye osnovaniya* [Justice VS Love. Ideals of social construction: historical, cultural and philosophical foundations]. Moscow, Otchiy dom Publ., 2020. 240 p.
5. Bagdasaryan V. E., Sylvester, architect (Lukashenko). *Traditsionnyye tsennosti: strategiya tsivilizatsionnogo vozrozhdeniya* [Traditional values: strategy for civilizational revival]. Yaroslavl, SPK Publ., 2022. 256 p.
6. Dugin A. G., Malafeev K. V. Tkachev A., archpriest. *Azbuka traditsionnykh tsennostey* [The ABC of traditional values]. Moscow, 2023. 96 p.
7. Il'in A. N. [Western tolerance: the rule of democracy or the offensive of dehumanization?]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and political science], 2020, no. 26, pp. 227–246.
8. Kazmina V. P. [Reconstruction of the historical park “Russia – my history”: changes of symbolic politics?]. In: *Politicheskaya nauka* [Political science], 2020, no. 2, pp. 143–162.
9. Kara-Murza S. G. *Yevrotsentrizm – Edipov kompleks intelligentsii* [Eurocentrism – the Oedipus complex of the intelligentsia]. Moscow, Algorithm Publ., Eksmo Publ., 2002. 256 p.
10. Kara-Murza S. G. *Ideologiya i mat yeye nauka* [Ideology and its mother science]. Moscow, Algorithm Publ., Eksmo Publ., 2002. 256 p.
11. Pantin V. I. [National and civilization identity: Russian specificity]. In: *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS* [Political examination: POLITEKS], 2011, vol. 7, no. 2, pp. 42–51.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Багдасарян Вардан Эрнестович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права Государственного университета просвещения;
e-mail: vardanb@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vardan E. Bagdasaryan – Dr. Sci. (History), Prof., Dean of the Faculty of History, Political Science and Law, Federal State University of Education;
e-mail: vardanb@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Багдасарян В. Э. Традиционные ценности и новое мировоззренческое строительство в России: проблемы и решения // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 1. С. 8–25.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-1-8-25

FOR CITATION

Baghdasaryan V. E. Traditional values and new worldview construction in Russia: problems and solutions. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 1, pp. 8–25.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-1-8-25

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-1-26-34

ГЕРОИ И АНТИГЕРОИ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ В ФОКУСЕ ФОРМИРОВАНИЯ НОВЫХ ПОДХОДОВ В ОБРАЗОВАНИИ

Ларионов А. Э.*Государственный университет просвещения**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Сформулировать принципы необходимых изменений в содержании и методологии курса отечественной истории в школьном образовании.

Процедура и методы. Сопоставлены государственная историческая политика в сфере образования и репрезентация героев в курсе истории с реалиями и вызовами текущей исторической ситуации для России; проанализированы значимые исследовательские подходы к проблемам исторического образования, социальной памяти и манипуляции сознанием. В исследовании применены методы: историко-генетический, сравнительно-исторический и историко-системный.

Результаты. Выявлено фундаментальное несоответствие существующего и насаждаемого в российском историческом образовании пантеона национальных героев интересам национальной безопасности России. Установлены диссонансы и конфликты в наборе персоналий, преподносимых российским школьникам в качестве национальных героев – образцов для подражания. Сделан принципиальный вывод о необходимости чёткой формулировки пантеона национальных героев, чёткого указания антигероев для внесения определённости и формирования внятного перечня ценностей в сознание юных граждан России.

Теоретическая и/или практическая значимость. Аккумулированная и соответствующим образом интерпретированная в статье информация, полученные по итогам анализа выводы и рекомендации могут быть использованы в нескольких ракурсах. В частности, для дальнейших научных исследований актуальных проблем российского образования. Также для выработки и реализации практических мер по изменению и содержания и методологии школьного курса истории Отечества в русле защиты долгосрочных интересов России как самобытного цивилизационного субъекта в мировой истории, формирования созидательного патриотического мировоззрения у поколения молодых россиян.

Ключевые слова: история России, герои, антигерои, традиционные ценности, социальная память, патриотизм, образование, национальная идентичность

HEROES AND ANTIHEROES OF RUSSIAN HISTORY IN THE FOCUS OF FORMING NEW APPROACHES IN EDUCATION

A. Larionov*Federal State University of Education**ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To formulate the principles of necessary changes in the content and methodology of the national history course for school education.

Methodology. A comparison of the state historical policy in the field of education and the representation of heroes in the course of history with the realities and challenges of the current historical situation for Russia was carried out; an analysis of significant research approaches to the problems of historical education, social memory and manipulation of consciousness was conducted. The research applied such methods as historical-genetic, comparative-historical and historical-systemic.

Results. The fundamental discrepancy between the existing and the planted pantheon of national heroes in Russian historical education with the interests of Russia's national security has been revealed. Dissonances and conflicts have been established in the set of personalities presented to the Russian schoolchildren as national heroes and role models. A fundamental conclusion is made about the need for a clear formulation of the national heroes pantheon, a clear indication of antiheroes in order to introduce certainty and form an apparent list of values into Russian young citizens' consciousness.

Research implications. The information accumulated and appropriately interpreted in the article, its conclusions and recommendations obtained from the analysis can be used in several ways. In particular, for conducting further scientific research on topical issues of Russian education. Also, to develop and implement practical measures to change both the content and methodology of the school course of the domestic history in line with the protection of the long-term interests of Russia as an original civilizational subject in world history, to form a creative patriotic worldview among a generation of young Russians.

Keywords: Russian history, heroes, antiheroes, traditional values, social memory, patriotism, education, national identity

Введение

Проблематика формирования социальной памяти и национально-государственной идентичности, в т. ч. средствами школьного исторического образования и создания пантеона национальных героев, пребывает в неослабевающем фокусе внимания учёных и публицистов. Неотъемлемой стороной данного дискурса является анализ личностей, играющих выдающуюся, но деструктивную роль в историческом развитии народов и государств, кого иногда именуют «антигероями».

С середины 1990-х гг. об опасности и разрушительных последствиях дегероизации советской истории много и убедительно писал С. Г. Кара-Мурза. Ему принадлежит важнейший концептуальный тезис: «В периоды общественных кризисов разрушение исторической памяти выполняется как целенаправленная программа политических сил... Человек с разрушенным миром символов теряет ориентиры, своё место в мире, понятия о добре и зле. Он утрачивает психологическую защиту против манипуляторов, увлекающих его на самые безумные дела и проекты» [4].

Спустя 20 лет авторы-социопсихологи указывают на угрозу релятивизации общественного сознания через утрату святынь, священных образов, укоренённых в национальной традиции, что способно «обнулить нравственность» на массовом уровне и, как итог, разрушить общество: «Через Просвещение, романтизм, опыт революций, “смерть Бога” создавались возможности плюралистической идеологии, достигшей крайней степени в постмодернизме... Идея абсолютного релятивизма превратила любые варианты истины не просто в равноправные, но и в принципиально несопоставимые. Ценностное или моральное суждение стало не универсальным, а ситуационным, поскольку оно легитимировалось лишь определённым социокультурным контекстом» [3].

Утрата ценностных ориентиров и представления об абсолютной истине делает манипуляцию неотъемлемой частью социальной жизни. Что особенно значимо в период скачкообразного развития средств массовой информации, о чём в радикальной форме говорит современная российская исследовательница В. П. Чер-

касова: «Каналами массовой манипуляции в современном мире могут служить только СМИ. Именно благодаря СМИ манипулирование стало достигать невиданных результатов» [10]. Естественно, что одним из важных объектов манипуляции выступают исторические образы и личности, с помощью которых можно как создавать, так и разрушать исторические идентичности наций и государств. Современный исследователь проблем социальной памяти М. А. Липман констатирует символическую значимость памятников выдающимся персонажам национальной истории: «Исторические фигуры, увековеченные в бронзе, образуют монументальный пантеон, который даёт некоторое представление о том, кого общество почитает (или почитало раньше, или, по замыслу властей, должно почитать) как отцов-основателей нации или иных сограждан, заслуживших звание народного героя» [6].

О необходимости последовательной политики и законодательной деятельности в области защиты исторической памяти, в т. ч. памяти российского общества о собственных героях, обеспечивших его историческое бытие, говорит крупный российский учёный В. Г. Кикнадзе [5], вопросы о значимости образов исторических героев и событий для формирования российской политической и гражданской идентичности говорят различные коллективы исследователей, пусть и с разных мировоззренческих позиций, поднимают многие учёные [2; 7].

Особенностям трансляции героических образов в массовую ментальность через сферу образования посвящён сборник статей о преподавании военной истории под общей редакцией К. А. Пахалюка [8]. Характеристика особенностей подходов в разных странах позволяет осуществить сравнительный анализ и прийти к более глубоким и аргументированным выводам.

Нельзя не упомянуть вклад такого известного зарубежного автора, как А. Асс-

мана [1], чьи работы о развитии процессов социальной памяти в современном мире широко используются и востребованы в России.

Таким образом, популярность и актуальность проблемы политики памяти в связи с образовательной и исторической политикой, пантеоном национальных героев и влияния указанных моментов на политическую идентичность и устойчивость государств сомнений не вызывают. Вместе с тем в имеющихся на данный момент работах недостаточно затронуты вопросы памяти общества об антигероях, новых тенденциях в российском историческом образовании относительно национальных героев, долгосрочной стратегии формирования национального пантеона героев и необходимости помнить также и об антигероях. Восполнению данного пробела посвящена настоящая статья.

Типология репрезентации образов прошлого

Процитированная выше характеристика постмодернизма как тотального ценностного релятивизма вполне точно может быть применена к историческому сознанию современного общества. Причём формирование цинично-скептического отношения к прошлому начинается с рождения человека, успешно продолжается в рамках школьного образования и закрепляется благодаря деструктивному воздействию социально-информационной среды. Фактически в течение жизни одного поколения произошёл тектонический сдвиг в принципах восприятия прошлого, и сдвиг этот носит глобальный характер. Россия лишь отчасти восприняла данную тенденцию в сфере социальной памяти. В результате произошедших и длящихся по настоящее время перемен образы прошлого расщепились на несколько сосуществующих потоков, ценностные и целевые установки которых либо не пересекаются, либо конфликтуют между собой.

Можно выделить 3 основных типа репрезентации прошлого в современном обществе: *эпический, хаотический и виктимный*.

В первом случае можно говорить о традиционном способе конструирования и репрезентации образов прошлого на основе прославления добродетелей героизма, чести, жертвенности и коллективных усилий, как ради привлекательности самих этих добродетелей, так и во имя спасения и воспроизводства в потоке исторического времени коллективных идентичностей – семьи, круга друзей и единомышленников, народа и государства. Именно такой тип можно наблюдать в героических эпосах и национальных исторических нарративах Средневековья и Нового времени вплоть до 2-й половины XX в. «Наиболее важным, решающим признаком эпоса является героический характер его содержания. Эпос показывает, кого народ считает героем и за какие заслуги. ...Содержанием эпоса всегда является борьба и победа... Борьба ведётся не за узкие мелкие цели, не за личную судьбу, не за частное благополучие героя, а за самые высокие идеалы народа в данную эпоху. Борьба эта всегда очень трудна, требует напряжения всех сил героя, требует способности пожертвовать собой, но зато она в эпосе всегда приводит к победе. Борьба носит не личный, а общенародный и общегосударственный, а в более поздние эпохи и ярко выраженный классовый характер» [9].

Второй тип является непосредственным отражением постмодернизма и тотального релятивизма в социальной памяти, которая как бы фрагментируется, распадается на множество сегментов в зависимости от предпочтений конкретного индивидуума или малой группы. Люди получили широчайший доступ к неупорядоченной информации, включая всемирную и отечественную историю. Огромное количество блогеров, публицистов и представителей паранауки, каждый в своём персональном контенте, создают

собственную версию прошлого, мешая факты с вымыслом, элементы правды с откровенной или завуалированной ложью, реальность с фантастикой. Итогом оказывается синхронное сосуществование взаимоисключающих представлений о прошлом, носители которых в массе своей не обладают ни навыками системного мышления, ни приёмами распознавания и аргументированной критики исторических фальсификаций. Одновременно носители эгоистических клио-нарративов отнюдь не склонны взаимодействовать друг с другом на путях поиска исторической истины – прежде всего, по причине отрицания самой возможности наличия истины и, соответственно, обретения таковой в процессе напряжённых ментальных усилий.

Третий тип коммеморации может быть рассмотрен как подвид второго, но в силу большого распространения и влияния в современном обществе он обладает самостоятельным значением и должен рассматриваться отдельно. Суть виктимного дискурса в социальной памяти состоит в выделении и актуализации страдания и обиды тех или иных социальных групп или персоналий, что и становится основанием для описания и оценки прошлого. Конечно, компонент страдания наличествовал и в первом традиционном типе представлений о прошлом. Практически в каждом национальном эпосе или национальном историческом нарративе можно отыскать элементы страдания, в т. ч. и несправедливого. Но оно всегда неразрывно увязано с героическим элементом, т. е. обладает вне себя положенным обоснованием, ибо служит высшим целям.

Совершенно иначе обстоит дело с современным виктимным нарративом. Страдание подлежит сакрализации само по себе. Оно не только абсолютизируется в своей самодостаточной ценности, но служит целям исторической легитимации для прежде маргинальных и деструктивных социальных групп. Более того,

в прошлом стало модным выискивать страдание даже там, где его прежде не усматривали. Онтологическое оправдание получают даже те участники исторического процесса, которые ранее вызывали вполне заслуженное презрение и ненависть, как носители опасного для бытия социума начала. Если в рамках эпического исторического сознания статус исторического субъекта присваивался тем персонам и группам, которые совершили нечто героическое, выдающееся в интересах всего общества, то теперь субъектом истории можно стать просто, заявив и убедительно репрезентировав своё невыносимое страдание, вне зависимости от того, реальное оно или вымышленное, заслуженное или несправедливое.

Методологические реалии построения образов национальных героев в российском образовании

Применительно к историческому сознанию и образованию в дореволюционной России и СССР мы можем констатировать отчётливое преобладание именно I типа – эпического и героического способа освещения прошлого. В качестве цели выступало формирование в общественном сознании эталонных образцов социального поведения на основе укоренённого в традиции национального пантеона героев. Как и указывалось выше, образы страданий выполняли служебную роль: на первое место выдвигались не страдания как таковые, а их преодоление ради высшей цели. Достаточно вспомнить столь важные в советском гражданско-патриотическом дискурсе образы, как гибель Зои Космодемьянской или комсомольцев из подпольной организации «Молодая гвардия». Их гибель преподносилась (и в действительности была таковой, судя по документированным фактам поведения молодых людей и девушек на допросах и перед казнью), как *осознанная жертва во имя высших идеалов*. В качестве таковых выступали спасение и будущая счастливая жизнь

своей страны и народа. Виктимный и хаотический нарративы в данном случае отсутствовали в принципе.

Слабые отголоски виктимности в школьном историческом образовании Советской эпохи можно было увидеть только при описании блокады Ленинграда и кратком повествовании об уничтожении людей в нацистских концлагерях. Однако никакого гипертрофированного значения таким моментам не придавалось. Рассказы о блокаде Ленинграда носили выразительный характер, но опять-таки с уклоном в героизм, в преодоление немыслимых ранее испытаний во имя Победы. Мотив стойкости и сохранения человечности явственно преобладал над мотивом массовых страданий. Более того, наиболее устойчивым словосочетанием при описании событий Великой Отечественной войны стало выражение «массовый героизм». В одном из лучших советских школьных учебников истории – «Рассказах по истории СССР» повествование о блокаде Ленинграда носило характерное название «Непокорённый Ленинград»¹. Каждое описание того или иного эпизода блокады сопровождалось примером героического поведения конкретного человека. Аналогичная схема использовалась авторами в рассказе о Сталинградской битве. Отдельно был выделен рассказ о юных героях войны – пионерах и комсомольцах. В более углублённом виде схема героизации прошлого как главенствующая методология его репрезентации в школьном образовании использовалась в учебниках для старших классов.

Однако со 2-й половины 1980-х гг. в содержании школьных курсов истории произошли существенные изменения. Героический нарратив оказался существенно потеснён виктимным и хаотическим. Внедрение в массовое сознание таких понятий-триггеров, как «ГУЛАГ»,

¹ Голубева Т. С., Геллерштейн Л. С. Рассказы по истории СССР: учеб. книга для 4 класса. М.: Просвещение, 1976. 224 с.

«Голодомор», «Большой террор», «жертвы сталинских репрессий», «Катынский расстрел» и т. п. При помощи таких символических образов была осуществлена фактическая делегитимация Советской эпохи в истории. Но это означало и «отмену» героев, многие из которых стали преподносятся как результат пропаганды постфактум. Мало того, сам принцип отрицания героического и превозношения страдательного превратился в универсалию при оценке всей российской истории. В каждом национальном герое по умолчанию начинали отыскивать негативные или ложные черты. Таким образом, насаждение виктимного нарратива означало упразднение нарратива героического, как минимум, его существенное обесценивание в глазах школьников.

Современные усилия по патриотическому воспитанию школьников в значительной степени обречены, запрограммированы на неудачу по причине фундаментального «конфликта протоколов», когда образы национальных героев и защищаемые ими ценности и идеалы сталкиваются с укоренённым со времён перестройки принципом поиска страданий с целью их последующей апологии и сакрализации. В результате любая попытка прославления героического поведения в истории как образца для подражания современной молодёжи обречается на неудачу.

Ввиду приобретённого и закреплённого за последние 35 лет опыта ниспровержения высших социальных идеалов как, якобы, предпосылки массовых страданий и «тоталитарной диктатуры» в сознании молодёжи закрепляется разрушительный скепсис в отношении любой сверхличностной и метафизической идеи, которая требует от людей самоотречения, коллективных усилий и жертвенности. Поскольку оказывается под превентивным подозрением как угроза индивидуальному бытию и возможности получения удовольствия. Сохраняющий же свою полную юридическую силу за-

прет Конституции на государственную идеологию обеспечивает такой скепсис нормативно-правовой базой высшего порядка:

«Статья 13.

1. В Российской Федерации признаётся идеологическое многообразие.

2. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной»¹.

Множественность идеологий априори предполагает множественность интерпретаций прошлого, включая отношение к героям и жертвам. И никакие спешно принятые федеральные законы о защите исторического прошлого в данном случае не помогут.

Таким образом, виктимный и хаотический типы восприятия прошлого при воздействии современных СМИ способны в значительной степени упразднить и обесценить традиционный – эпически-героический тип. Наиболее же существенно, что данная патологическая ситуация сохраняется и воспроизводится в школьном историческом образовании с одобрения государственной власти.

Необходимость аксиологической реструктуризации исторического образования

В настоящий момент в массовом сознании российских школьников фактически уравнены в правах и статусе как подлинные герои России прошлого и настоящего, так и персоны откровенно разрушительного и никчёмного характера. В немалой степени этому способствуют терминологические подмены. Во многих учебниках предателей Власова и Каминского именуют «коллаборационистами» и пытаются оправдать их действия сопротивлением «тоталитарному большевистскому режиму». Изменника и ненавистника Родины Солженицына выставляют

¹ Конституция РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595&ysclid=ls83ge0ura800482590> (дата обращения: 05.02.2024).

благородным борцом и чуть ли не назначают в «пророки новой России». Людей, которые добивались разрушения СССР, именуют «правозащитниками»; разрушителя огромной страны называют «первым демократически избранным президентом» и содержат на государственные деньги центр его имени, откуда ведётся откровенная антироссийская пропаганда и т. п. Таким образом, антигерои возводятся на пьедесталы героев. Шкала ценностей молодых граждан России оказывается нарушенной и даже перевёрнутой в самом начале их жизненного пути.

Всё сказанное приводит нас к мысли о необходимости масштабной и системной ценностной реструктуризации школьного исторического образования в России. Необходима выработка внятной, реалистичной и долгосрочной стратегии *героизации отечественной истории*. Что предполагает, среди прочего, выработку принципов выявления героизма и подвига, равно как того, что следует считать антигероизмом. Важнейшим критерием должны служить польза или вред стране и народу, содействие или противодействие продолжению их существования в качестве субъектов истории. Следующий шаг – составление перечня героев и антигероев. В этой связи необходимо обладать также принципами репрезентации как героев, так и антигероев в школьном курсе истории.

Приоритетное внимание должно отдаваться именно героям с соответствующим образно-символическим, наглядным сопровождением. Тогда как антигероев ни в коем случае нельзя чрезмерно популяризировать. Достаточно будет упоминания об их существовании, максимально концентрированного изложения с чёткими оценками их поступков и понесённом возмездии, если таковое состоялось. Одновременно каждый рассказ как о герое, так и об антигерое должен быть соотнесён с указанными выше критериями позитивного и негативного вклада в историю России. Чтобы у

школьников непрерывно формировалась и поддерживалась шкала ценностей и образцов социального поведения.

При описании любого знакового исторического события можно рекомендовать в учебниках красным цветом выделять раздел о героях с соответствующим апологетическим текстом; только после этого в значительно уменьшённом относительно раздела о героях виде чёрным цветом выделить «список позора и предательства» с откровенно оценочным содержанием. Разумеется, что никаких двусмысленностей при оценивании оставаться не должно. Только последовательно проводимое разграничение добра и зла, героев и антигероев в истории России позволит нам рассчитывать на действительность патриотического и государственнического воспитания в школьном курсе истории в той современной непростой исторической ситуации, в которой объективно пребывает Россия и, судя по тенденциям развития, будет пребывать ещё долго.

Заключение

Итак, из всего вышеизложенного следует несколько принципиальных выводов:

1. тема героического и антигероического в курсе истории находится в фокусе современного исследовательского внимания и нуждается в дальнейшей углублённой разработке;

2. объективно следует констатировать, что российские школьники часто оказываются объектами манипуляции и фальсификации истории;

3. в сознании учащихся преобладают хаотическое и виктимное восприятие истории, что разрушает созидательные установки, обесценивает героизм и закладывает предпосылки деструктивного социального поведения и откровенных преступлений и предательства;

4. патологическую ситуацию необходимо менять как посредством привнесения радикальных изменений в содержание и методику исторического

образования, так и глубокими изменениями в государственной социальной и институциональной политике;

5. от своевременности и продуманности данных перемен зависят не только краткосрочная успешность исторического образования и патриотического вос-

питания школьников, но и сохранение России, её суверенитет и безопасность, что особенно актуально в условиях СВО и развязанной Западом «гибридной войны» против России.

Дата поступления в редакцию 14.09.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Ассман А. Забвение истории – одержимость историей. М.: НЛО, 2019. 552 с.
2. Восприятие советского прошлого в контексте формирования новых идентичностей, войн памяти и образа будущего на постсоветском пространстве / В. Э. Багдасарян, В. В. Журавлёв, А. Э. Ларионов, С. Н. Федорченко, Э. Э. Шульц. М.: Проспект, 2022. 304 с.
3. Емелин В. А., Тхостов А. Ш. Идентичность и символический хронотоп. М.: Канон+, 2021. 303 с.
4. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2001. 862 с.
5. Кикнадзе В. Г. Как защитить свою историю? М.: Вече, 2022. 304 с.
6. Липман М. А. Пантеон национальных героев как элемент символической политики. Монументальные практики постсоветской России и общественные представления о выдающихся исторических личностях // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе / под ред. В. Лапина, А. Миллера. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2021. С. 38–64.
7. Мифы о прошлом в современной медиасреде: практики конструирования, механизмы воздействия, перспективы использования / А. Г. Иванов, С. В. Тихонова, А. А. Линченко, И. П. Полякова. СПб.: Алетей, 2023. 330 с.
8. Преподавание военной истории в России и за рубежом / ред. К. А. Пахалюк. М., СПб.: Нестор-история, 2018. 432 с.
9. Пропп В. Я. Русский героический эпос. М.: Колибри, 2021. 800 с.
10. Черкасова В. П. Медиа-манипулирование общественно-политическим сознанием: телевидение и интернет. М.: Весь мир, 2019. 149 с.

REFERENCES

1. Assman A. *Zabveniyе istorii – oderzhimost muzhchin* [Oblivion of history – obsession with history]. Moscow, NLO Publ., 2019. 552 p.
2. Bagdasaryan V. E., Zhuravlev V. V., Larionov A. E., Fedorchenko S. N., Shultz E. E. *Vospriyatiye sovet-skogo proshlogo v dvadtsati novykh identichnostyakh, formirovaniye pamyati i obraza budushchego na postsovetском prostranstve* [Perception of the Soviet past in the context of the formation of new identities, memory wars and the image of the future in the post-Soviet space]. Moscow, Prospekt Publ., 2022. 304 p.
3. Emelin V. A., Tkhostov A. Sh. *Identichnyy i simvolicheskiy khronotop* [Identity and symbolic chronotope]. Moscow, Kanon+ Publ., 2021. 303 c.
4. Kara-Murza S. G. *Manipulyatsiya soznaniyem* [Manipulation of consciousness]. Moscow, Eksmo Publ., 2001. 862 p.
5. Kiknadze V. G. *Kak zashchitit' svoyu istoriyu?* [How to protect your history?]. Moscow, Veche Publ., 2022. 304 p.
6. Lipman M. A. [The Pantheon of National Heroes as an Element of Symbolic Politics. Monumental practices of post-Soviet Russia and public ideas about outstanding historical figures]. In: Lapin V., Miller A., eds. *Simvolicheskiye aspekty politicheskoy pamyati v sovremennoy Rossii i Vostochnoy Yevrope* [Symbolic aspects of the politics of memory in modern Russia and Eastern Europe]. St. Petersburg, Izd-vo Yevropeyskogo universiteta Publ., 2021, pp. 38–64.
7. Ivanov A. G., Tikhonova S. V., Linkenko A. A., Polyakova I. P. *Mify proshlogo v sovremennoy medi-asrede: praktika konstruirovaniya, mekhanizmy vozdeystviya, perspektivy ispolzovaniya* [Myths about the past in the modern media environment: design practices, mechanisms of influence, prospects for use]. St. Petersburg, Aletheya Publ., 2023. 330 p.

8. Pakhalyuk K. A., ed. *Prepodavaniye voyennoy istorii v Rossii i za rubezhom* [Teaching military history in Russia and abroad]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-istoriya Publ., 2018. 432 p.
9. Propp V. Ya. *Russkiy geroicheskiy epos* [Russian heroic epic]. Moscow, Kolibri Publ., 2021. 800 p.
10. Cherkasova V. P. *Media-manipulirovaniye obshchestvenno-politicheskim soznaniyem: televideniye i internet* [Media manipulation of socio-political consciousness: television and the Internet]. Moscow, Ves' mir Publ., 2019. 149 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ларионов Алексей Эдиславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Государственного университета просвещения;
e-mail: allar71@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexey E. Larionov – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of Russian History, Federal State University of Education;
e-mail: allar71@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ларионов А. Э. Герои и антигерои российской истории в фокусе формирования новых подходов в образовании // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 1. С. 26–34.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-1-26-34

FOR CITATION

Larionov A. E. Heroes and antiheroes of Russian history in the focus of forming new approaches in education. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 1, pp. 26–34.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-1-26-34

УДК 94(47).083+908

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-1-35-46

ЗНАЧЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ПРЕПОДАВАНИИ КУРСА «ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ»

Иерусалимский Ю. Ю.^{1,2}, Попова А. В.¹¹ Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова
150003, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14, Российская Федерация;² Государственный университет просвещения
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Рассмотрение методики использования традиционных ценностей в преподавании дисциплины «Основы российской государственности», анализ практики внедрения их в образовательный процесс и поиск наиболее успешной методики проведения лекционных и практических занятий на основе анкетирования студентов.

Процедура и методы. Проведён анализ результатов обучения студентов Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова (ЯрГУ). В работе использованы сравнительный, статистический и общенаучные методы исследования, а также метод анкетирования.

Результаты. На основе анализа анкетирования студентов ЯрГУ были рассмотрены наиболее успешные методы преподавания курса «Основы российской государственности». Также выявлена эффективность внедрения в процесс преподавания традиционных российских ценностей в качестве связующего звена между блоками курса.

Теоретическая и/или практическая значимость. На основе практики чтения лекций и проведения практических занятий дисциплины «Основ российской государственности» на первом курсе ЯрГУ сформулирована методика преподавания данной дисциплины в высших учебных заведениях. Предложена методика проведения лекционных и семинарских занятий с использованием понятия «традиционных ценностей». Проанализирована оценка студентов ЯрГУ данного курса.

Ключевые слова: традиционные ценности, курс «Основы российской государственности», высшее образование, учебная программа, методика

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке проекта Минобрнауки России № FENZ-2023-0007

THE IMPORTANCE OF TRADITIONAL VALUES IN TEACHING THE COURSE “FUNDAMENTALS OF RUSSIAN STATEHOOD”

Yu. Ierusalimskiy^{1,2}, A. Popova¹¹ P.G. Demidov Yaroslavl State University
ul. Sovetskaya 14, Yaroslavl 150003, Russian Federation² Federal State University of Education
ul. Very Voloshinoi 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To review the methodology of using traditional values in teaching the discipline “Fundamentals of Russian Statehood”, analyze the practice of introducing it into the educational process and search

for the most successful methods of conducting lectures and practical classes based on student questionnaires.

Methodology. The analysis of the learning outcomes of students of P.G. Demidov Yaroslavl State University (YarSU) is carried out. The paper uses comparative, statistical and general scientific research methods, as well as the questionnaire method.

Results. Based on the analysis of YarSU students' survey, the most successful methods of teaching the course "Fundamentals of Russian Statehood" were reviewed. The effectiveness of introducing traditional Russian values into the teaching process as a link between the course parts has also been revealed.

Research implications. Based on the practice of lecturing and conducting practical classes in the discipline "Fundamentals of Russian Statehood" in the first year of YarSU, a methodology for teaching this discipline in higher education institutions has been formulated. A methodology for conducting lectures and seminars using the concept of "traditional values" is proposed. YarSU students' assessment of this course is analyzed.

Keywords: traditional values, the course "Fundamentals of Russian statehood", higher education, curriculum, methodology

Acknowledgments. The reported study was supported by the project of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. FENZ-2023-0007

Введение

Дисциплина «Основы российской государственности» (далее – ОРГ) введена в учебный план высших учебных заведений Российской Федерации с 1 сентября 2023 г. и вызвала много дискуссий по её содержанию и методике преподавания. Данный курс ставит перед собой задачу не только расширить знания и углубить уже имеющиеся представления в области обществознания, истории, политологии, философии, культурологии, регионоведения, краеведения, географии и ряда других учебных предметов, но и способствует созданию условий для самоидентификации и социализации студентов [5, с. 139], что особенно актуально для первокурсников. Вчерашние школьники зачастую испытывают стресс от смены привычной среды и коллектива, а групповая работа и интерактивные методы обучения в рамках рассматриваемой дисциплины могут положительно сказаться на адаптации студентов и снизить психологическую нагрузку в новых для них условиях.

Основная цель курса заключается в формировании у обучающихся системы знаний, навыков и компетенций, а также ценностей, правил и норм поведения, связанных с осознанием принадлежности

к российскому обществу, развитием чувства патриотизма и гражданственности, формированием духовно-нравственного и культурного фундамента развитой и цельной личности, осознающей особенности исторического пути российского государства, самобытность его политической организации и сопряжение личного достоинства и успеха с общественным прогрессом и политической стабильностью своей Родины¹. Поскольку на протяжении длительного времени в системе высшего образования РФ отсутствовали дисциплины, связанные с комплексным подходом к формированию у студентов мировоззрения, направленного на понимание и осознания России как государства-цивилизации, её культурных и исторических особенностей, формирование гражданской позиции и осмысление современных процессов как внутри страны, так и роли России на международной арене.

В. Э. Багдасарян и арх. Сильвестр (Лукашенко) отмечали: «Образование напрямую связано с моделью цивилизации. Через образование, по сути дела, воспроизводится соответствующий цивилизационно-идентичный антропологический

¹ Основы российской государственности: практ. рекомендации / авт.-сост. В. М. Марасанова. Ярославль: ОМЦ ЯрГУ им. П. Г. Демидова, 2023. С. 3.

тип» [2, с. 10]. Согласно с этими положениями. Перед преподавателями ОРГ стоит непростая задача: сделать курс не только полезным в плане получения студентами теоретических знаний, но и создать условия для повышения интереса к изучаемым вопросам и усиления патриотических чувств обучающихся.

В связи с этим видится необходимым внедрение в процесс преподавания данного курса традиционных для России ценностей, которые должны интегрироваться в лекционный материал и практические занятия всего периода изучения ОРГ. Ввиду распространения в молодёжной среде чуждых российской ценностно-смысловой матрице компонентов, сформированных на основе зарубежных либеральных парадигм, обращение к таким базовым понятиям, как жизнь, патриотизм, служение Отечеству, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, крепкая семья, любовь и др.¹ способствует лучшему восприятию материала и выгодно контрастирует с «ценностями» современной западной антицивилизации, которая практически ничего общего не имеет с англо-саксонской, французской, испанской или итальянской цивилизациями. Лидеры современного западного мира представляют интересы международных олигархов и транснациональных монополий, которые опираются на выгоду и прибыль, а не на традиционные ценности своих цивилизаций.

Включение в образовательный процесс традиционных ценностей призвано помочь студенту соотносить теоретический материал с его личным эмпирическим восприятием различных процессов, свойственных российскому обществу, а значит, глубже погружаться в содержание изучаемой дисциплины.

Методика использования традиционных ценностей на занятиях по ОРГ

Во время преподавания ОРГ необходимо постоянно проводить связи между тематическими блоками, включающих в себя такие вопросы, как «Что такое Россия» (1 блок), «Российское государство-цивилизация» (2 блок), «Российское мировоззрение и ценности российской цивилизации» (3 блок), «Политическое устройство России» (4 блок) и «Вызовы будущего и развитие страны» (5 блок)². В рамках каждого блока предусмотрены лекционные и семинарские занятия, раскрывающие наиболее важные аспекты каждой темы. Одним из объединяющих элементов между тематическими блоками курса стоит использовать традиционные ценности российского государства-цивилизации [4, с. 40–76, 139–237].

Первый блок «Что такое Россия» включает в себя вопросы, расширяющие у студентов знания о географическом положении РФ и её территориально-административном делении, языковом и культурном разнообразии народов России, общероссийских и региональных символах и монументах, а также о выдающихся людях – героях страны. Всё это позволяет представить пространственные, человеческие, ресурсные и идейно-символические параметры нашей страны. В ходе занятий обучающиеся смогут обратиться к объективным и характерным данным о России, её географии, ресурсах, экономике, узнать о населении страны и её многонациональной культуре, о религиях и языках³. Поскольку в данном разделе учебным планом предполагается 1 лекция, то углубление знаний студенты фиксируют в ходе практических занятий

¹ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей» // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 02.02.2024 г.)

² Основы российской государственности: практ. рекомендации / авт.-сост. В. М. Марасанова. Ярославль: ОМЦ ЯрГУ им. П. Г. Демидова, 2023. С. 4–8.

³ Россия: географические факторы и природные богатства ЦФО: методич. пособ. для вузов / авт.-сост. В. М. Марасанова. Ярославль: ИПК «Индиго», 2023. 80 с.

по темам: «Многообразие российских регионов», «Испытания и победы России» и «Герои страны, герои народа»¹.

I блок. При изучении первого раздела рассматриваются фактически все традиционные ценности, т. к. в процессе освоения материала обучающиеся на примере героических страниц истории России и судеб отдельных выдающихся личностей раскрывают такие важные аспекты, как патриотизм, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, созидательный труд (на примере важнейших изобретений и открытий российских учёных), взаимопомощь и взаимоуважение, коллективизм, историческая память и преемственность поколений, единство народов России. Многие студенты в качестве героев выбирают членов своей семьи, что укрепляет данную ячейку общества, способствует усилению чувства преемственности поколений и связи каждой семьи с историей страны.

II блок. Обращаясь ко второму блоку курса, посвящённому России как государству-цивилизации, необходимо раскрыть такие вопросы, как понятие и виды цивилизации, особенности цивилизационного подхода, выделить отличительные черты государства-цивилизации, разобрать понятия государства и государственности² и т. д. При этом важно акцентировать внимание аудитории на такой ценности, как многонациональность (единство народов России), что определяет особенности цивилизационного развития страны, которые основаны на истории многонационального (наднационального) характера российского государства, тысячелетней традицией мирного сосуществования народов в отечественной истории от древнерусского

государства и формирования русского централизованного государства, Московского царства, Российской империи, СССР, современной Российской Федерации. Апеллирование к основной идее Концепции внешней политики России, заключающейся в представлении о России как самобытном государстве-цивилизации, имеющем европейские корни, но представляющем уникальную культурную, историческую, религиозную, этническую, политико-территориальную основу³, позволяет использовать при раскрытии особенностей формирования нашего государства как цивилизации такие традиционные ценности, как Родина, служение Отечеству, религия, жизнь, любовь, семья, духовность, соборность, история, единство народов России, честь, достоинство, цивилизационная идентичность и др. [4, с. 139–237].

III блок, посвящённый, собственно, российскому мировоззрению и ценностям константам российской цивилизации, призван подробно раскрыть каждую из традиционных ценностей и её место в системной модели мировоззрения. Изучая понятие «пентабазиса», студентам может быть предложено самим попробовать раскрыть каждый из его элементов (человек – семья – общество – государство – страна) через соответствующие ценности.

Представляется важным создать обучающимся условия для поиска примеров отражения традиционных ценностей как в различных событиях истории России, так и в современной жизни, что обеспечивает понимание преемственности, несмотря на изменение государственного строя, территориально-административного деления и пр. Демонстрация сохранения важнейших маркеров российского общества на протяжении

¹ Испытания, победы, герои России: метод. пос. для вузов / авт.-сост. В. М. Марасанова. Ярославль: Индиго, 2023. 88 с.

² Изучение истории российской государственности: учебные материалы образовательного модуля: учеб.-метод. пос. / В. М. Марасанова, В. Э. Багдасарян, Ю. Ю. Иерусалимский, М. В. Дмитриев и др. Ярославль: Индиго, 2023. С. 8–10.

³ Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229 «Концепция внешней политики Российской Федерации» // МИД: [сайт]. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586> (дата обращения: 03.02.2024)

всей отечественной истории позволяет студентам глубже осознать особенности развития России как государства-цивилизации, найти аргументы в пользу необходимости защиты суверенности и уникальности нашей страны и оценить различия между ценностным ядром России и стран Запада [3].

IV блок. В этом блоке темы занятий посвящены политическому устройству современной России. В частности, предлагается углубить знания по вопросам, связанным с признаками государства, основами конституционного строя [1] и организацией государственного управления в РФ, стратегическим планированием¹. Данный раздел невозможен без обращения к основному нормативно-правовому акту нашей страны – Конституции РФ. Изучая этот документ, необходимо обратить внимание студентов на фиксацию в нём всех традиционных ценностей, которые отражены и в преамбуле, и в статьях, являясь основой главных положений Конституции². Кроме того, стоит сделать акцент на том, что стратегическое планирование в виде государственных программ и национальных проектов также ориентировано на сохранение и укрепление традиционных российских ценностей. Обучающимся может быть предложено самим определить, внимание к каким из ценностей содержит тот или иной план развития страны.

V блок. Завершающий блок дисциплины рассматривает комплекс вопросов, связанных с вызовами будущего и развитием России. Данный раздел призван на основе ранее изученных материалов курса создать для студентов условия для формирования их понимания и личного отношения к современным про-

цессам как внутри, так вне страны, а также самоидентификации себя как части российского общества, осознания своей жизненной траектории, интегрируемой в масштабе страны.

Обучающиеся на этом этапе подробно анализируют вызовы, стоящие перед Россией сегодня (как глобальные, так и в качестве отдельной цивилизации), и проецируют своё участие в преодолении этих угроз³. Здесь также важно обратиться к сценариям развития российской цивилизации, к ценностям российской цивилизации, основанным на традиции, к понятию традиционных ценностей, их сохранению и укреплению, как к фактору, сдерживающему разрушительное влияние насаждаемых транснациональными монополиями в западных странах псевдоценностных ориентиров⁴. Демонстрация отличий реагирования западных лидеров, выдающих себя за выразителей интересов «цивилизованного» мира, и российского общества на глобальные проблемы, стоящие в наши дни перед всем человечеством, через призму системной модели мировоззрения позволяет обратить внимание студентов на порочные методы транснациональных «элит» по их решению.

Методика проведения занятий по ОРГ

В целях повышения интереса студентов и глубокого погружения их в проблематику курса дисциплина предполагает использование различных методов изучения материала, в т. ч. интерактивных. Семинары могут проводиться в формате презентаций, деловых игр и дебатов, свободных дискуссий, интеллектуальных

¹ Основы российской государственности: практ. рекомендации / авт.-сост. В. М. Марасанова. Ярославль: ОМЦ ЯрГУ им. П. Г. Демидова, 2023. С. 23.

² Конституция Российской Федерации // Президент России: [сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/constitution/item#chapter_start (дата обращения: 03.02.2024)

³ Багдасарян В. Э., Иерусалимский Ю. Ю. Актуальные вызовы и проблемы развития России: методич. пособ. для вузов. Ярославль: ИПК «Индиго», 2023. 64 с.

⁴ Багдасарян В. Э., Иерусалимский Ю. Ю. Сценарии развития российской цивилизации: методич. Пособ. для вузов. Ярославль: ИПК «Индиго», 2023. 43 с.; Багдасарян В. Э., Иерусалимский Ю. Ю. Ценности российской цивилизации: методич. пособ. для вузов. Ярославль: ИПК «Индиго», 2023. 80 с.

игр и конкурсов, докладов, проектных работ, составления интеллект-карты, просмотра актуальных обучающих и художественных видеоматериалов, «мозговых штурмов», деловой игры и т. д.¹ Многообразие тем позволяет использовать различные формы работы, что особенно важно ввиду различия учебных групп на первом курсе по направлению подготовки («гуманитарии», «технари» и др.), школьного багажа студентов, их количеству и т. д.

Весьма эффективным является формат работы в мини-группах. Особенно на первом занятии, когда первокурсники ещё не знакомы друг с другом. Например, при проведении семинара «Многообразие российских регионов» обучающиеся делятся на группы из 3–4 чел. и готовят устную презентацию о своём родном регионе. Подразумевается, что при делении студенты группируются, в первую очередь, по территориальному признаку (например, все 3 человека из Вологодской области); если же в группу попадают представители разных областей, то, как правило, они используют сравнительный метод при подготовке рассказа.

Актуальность такой формы работы повышается с учётом того, что нередко учебное расписание (особенно, если лекционные и семинарские занятия ведут разные преподаватели) предполагает проведение сначала семинарского занятия, а уже затем вводной лекции. Групповые проекты позволяют, с одной стороны, снизить нагрузку при подготовке на каждого отдельного студента (ввиду разделения обязанностей), а с другой – повышению коммуникации между первокурсниками внутри группы и уровня ответственности перед одногруппниками.

В то же время нельзя преувеличивать пользу группового метода, т. к. один эрудированный и подготовленный студент может вытянуть всю группу, и получится, что реальные знания в процессе подготовки получили 1–2 учащихся, а остальные спрятались за их широкой спиной. Подобный печальный опыт наблюдался в советском образовании в 1930-е гг., когда задание давалось небольшому коллективу обучающихся, а отвечал за всех один «бригадир», оценка которого и ставилась всей «бригаде». Понятно, что усваивал тему занятия один «бригадир», который готовился к занятию и отвечал на нём, т. е. у него работала кратковременная и долговременная память. У такого учащегося полученные знания зачастую хранились на протяжении всей жизни, а у его одногруппников ничего не оставалось в памяти уже на следующий день.

Важно отметить предоставление права выбора тем для проекта или презентации самим студентам: необходим определённый перечень с примерами исключительно рекомендательного характера. Выбор объекта и предмета исследования самостоятельно позволяет повысить интерес и лояльность как к рассматриваемому вопросу, так и к дисциплине в целом.

Преподавателям необходимо учитывать специализацию обучающихся. Для этого существует единый учебно-методический комплекс по ОРГ, так и специальные учебные пособия². Стоит обратить внимание, что в ходе проведения занятий по ОРГ студенты факультета биологии и экологии ЯрГУ, например, в рамках семи-

¹ Испытания, победы, герои России: метод. пос. для вузов / авт.-сост. В. М. Марасанова. Ярославль: Индиго, 2023. С. 44–56; Основы российской государственности: практические рекомендации по курсу / авт.-сост. В. М. Марасанова. Ярославль: ОМЦ ЯрГУ им. П. Г. Демидова, 2023. С. 7–8.

² Основы российской государственности: учеб. пос. / Т. В. Евгеньева, И. И. Кузнецов, С. В. Перевезенцев, А. В. Селезнева и др. М.: Дело, 2023. 536 с.; Основы российской государственности: учеб. пос. для студентов / А. П. Шевырёв, В. В. Лапин, С. В. Рогачёв, А. В. Титорский и др. М.: Дело, 2023. 432 с.; Основы российской государственности: учебно-методический комплекс по дисциплине для образовательных организаций высшего образования / В. М. Марасанова, В. Э. Багдасарян, Ю. Ю. Иерусалимский, Л. Г. Титова, С. А. Кудрина. М.: Дело, 2023. 212 с.

нарских занятий по темам «Испытания и победы России», «Герои страны, герои народа», «Россия и глобальные вызовы» и др. в качестве примеров рассматривали различные случаи эпидемий, а в качестве героев выступали врачи и учёные-биологи. Студенты-физики выбирали темы, связанные с выдающимися изобретениями, космосом и т. п. Этот факт доказывает важность возможности корректировки тем с учётом специфики аудитории.

Позитивный эффект имело апеллирование студентов к поиску примеров не только в прошлом нашей страны, но и в современных явлениях. Наиболее ярко это проявилось при подготовке презентаций на тему «Отражение российских ценностей в отечественном кинематографе/живописи и скульптуре/литературе/музыкальной культуре»¹. Обучающиеся всех направлений с большим интересом делились друг с другом любимыми произведениями искусства, анализируя их на предмет традиционных ценностей.

Особое внимание студентов факультетов биологии и экологии, психологии, исторического, физического и института иностранных языков ЯрГУ привлекли темы IV и V блоков, связанные с национальными проектами и актуальными вызовами для России. Учащиеся в докладах отметили, что ряд национальных проектов реализуется даже в их небольших населённых пунктах. Таким образом, происходит повышение интереса студентов к данной теме и поиску возможности личного участия в развитии страны.

Эффективность лекций определяется, помимо всего прочего, наглядностью презентационных материалов. Современные студенты относятся в своём большинстве к поколению «визуалов», поэтому становится сложнее удерживать их внимание традиционной формой проведения занятий. Качественная инфографика, вынесение основных тезисов,

наличие схем, карт, иллюстраций позволяют сосредоточить внимание аудитории на важных аспектах и способствуют лучшему запоминанию материала. Лекционные занятия призваны, в первую очередь, разобраться со сложным для студентов понятийным аппаратом дисциплины, а также на конкретных примерах проиллюстрировать наиболее важные процессы как внутри страны, так и на международной арене.

Безусловно, большую роль в успешном проведении курса ОРГ играет личность преподавателя, его эрудированность и универсальные знания по целому ряду учебных предметов, т. к. ОРГ является интегрированным курсом. Преподавателям, помимо глубокого знания теории, необходимо обладать актуальной информацией для приведения ярких примеров во время чтения лекций и исчерпывающих ответов на вопросы студентов. В этом заключается специфика курса: буквально каждый день существует потребность в обновлении материала. Студенты гораздо лучше усваивают материал, который им интересен и полезен. Кроме того, важно давать возможность каждому обучающемуся высказать свою точку зрения, при этом избегая эмоциональных комментариев, чтобы не спровоцировать агрессию. Очень эффективны статистические данные или примеры из жизни. Теоретические материалы должны быть подкреплены конкретными примерами. При этом есть смысл уходить от категоричных заявлений, аккуратно направляя студента на размышления и анализ полученной информации. Не рекомендуется уходить от ответов на вопросы, в т. ч. и провокационные. В то же время следует соблюдать баланс: нельзя идти за студентами, «заигрывать» с ними, а надо самому вести учащихся за собой.

В целом, можно отметить, что темы семинарских и лекционных занятий вызвали живой интерес и обсуждение у студентов ЯрГУ. Некоторые темы заинтересовали первокурсников настолько,

¹ Багдасарян В. Э., Иерусалимский Ю. Ю. Ценности российской цивилизации: метод. пособ. для вузов. Ярославль: ИПК «Индиго», 2023. С. 61.

что выразились в формате внеаудиторных занятий (организация экскурсий по просьбе студентов, съёмка видеороликов о родном крае и героях, рисование сюжетов презентации). Из «минусов» можно выделить сложность некоторых терминов и формулировок тем, особенно для обучающихся на негуманитарных специальностях, и редкие эпизоды провокационного поведения со стороны студентов в ходе сравнения традиционных ценностей России и стран Запада.

Результаты практики ведения курса ОРГ в ЯрГУ

Для оценки эффективности результатов курса ОРГ было проведено общее анкетирование обучающихся ЯрГУ, а также ряда отдельных студентов разных направлений подготовки.

Обучающимся (789 анкет) было предложено ответить на 22 вопроса. Большинство респондентов – студенты в возрасте от 18 до 22 лет (90%), лишь 10% на момент опроса не достигли совершеннолетия. На вопрос о характере образования в вузе большая часть распределила «бегунок» 10-бальной шкалы следующим образом:

– образование должно быть современным (7,56), практико-ориентированным (7,13) и развивать профессиональные качества (6,18);

– преподаватель должен проявлять живой интерес к жизни студентов (6,59), обладать широким кругозором (5,05) и быть специалистом в конкретной области (4,95).

Больше половины опрошиваемых хотели бы участвовать в волонтерской деятельности, что позволяет говорить о необходимости активного вовлечения первокурсников в поле добровольчества и информирования их о возможности принять участие в данном виде деятельности, как на это указывала В. М. Марасанова в своём учебном пособии¹.

В процессе получения образования для студентов наиболее актуальными оказались практические умения и навыки в профессиональной области (75%), новые знакомства и связи (59%), трудоустройство (49%) и расширение кругозора и повышение общей эрудиции (45%). Наиболее привлекательная работа для студентов ЯрГУ – высокооплачиваемая, дающая карьерные перспективы (74%), с комфортными условиями труда на рабочем месте (55%), с возможностью совмещать карьеру и личную жизнь (53%), дающая возможность развивать свои навыки (41%).

Почти 70% считают, что смогут в полной мере реализовать свои способности и таланты в России. 86% отметили наличие условий для молодых людей в нашей стране для поиска применения своих навыков и возможностей добиться успеха в жизни.

Основными ценностями для себя студенты выбрали:

- права и свободы человека (54%);
- справедливость (53%);
- взаимопомощь и взаимоуважение (50%);
- жизнь (49%);
- крепкую семью (44%).

Обращает внимание тот факт, что 2/3 респондентов наиболее важным для себя считают саморазвитие и личный успех, чем служение и помощь другим. Налицо тенденция, характерная для западного общества – стремление к индивидуализму.

Почти 60% первокурсников отмечают важность изучения общественных наук. Чуть больше половины (52%) считают, что государству необходимо принимать участие в формировании мировоззрения граждан. Однако лишь 44% считают необходимым изучение курса ОРГ.

Россию в будущем большинство студентов видит, используя уже упоминавшуюся 10-бальную шкалу, как комфортную, безопасную и заботливую (7,15), современную и динамично развивающую-

¹ Испытания, победы, герои России: метод. пос. для вузов / авт.-сост. В. М. Марасанова. Ярославль: Индиго, 2023. С. 24.

юся (7,1), справедливую, обеспечивающую равные возможности страну (5,94).

Ценности, соответствующие элементам пентабазиса, студенты расположили следующим образом (в порядке убывания):

- созидание и развитие (человек) – 6,99;
- любовь и доверие (семья) – 6,52;
- согласие и сотрудничество (общество) – 6,51;
- сила и ответственность (государство) – 6,06;
- единство многообразия (страна) – 3,91.

55% отметили, что верят в то, что через 10–15 лет Россия будет соответствовать их идеальному образу. Положительную оценку динамики развития страны дали 52%.

Большинство студентов идентифицируют себя, в первую очередь, как представителя своей семьи (рода) – 25%, гражданина страны – 24%, и представителя своего поколения – 15%. Однако следующим по популярности ответом стала самоидентификация как гражданина мира – 12%, что тоже, в свою очередь, отражает влияние западной идеологии на российскую молодёжь. На вопрос «Кем лично вы себя считаете во вторую очередь?» ответы остались прежними, изменилось лишь процентное соотношение: в качестве представителя своей семьи (рода) себя видят 24%, гражданина страны – 17% и представителя своего поколения – 14%. Третьей характеристикой студенты выбрали снова те же категории: представитель своей семьи (рода) – 17%, гражданин страны – 16%, представитель своего поколения – 13%. Также лидирует категория «представитель мужского/женского пола» – 13%. Это даёт основание полагать, что для большинства опрошиваемых характерны всё же традиционные взгляды на своё место в обществе: заметно влияние семьи, важность преемственности поколений, восприятие себя как представителя страны. Часть респондентов (77%) считают, что большинство

из их окружения имеют возможность влиять на своё будущее; 57% полагает, что их знакомые оптимистично смотрят на своё будущее; 44% ответили, что большая часть их окружения понимает своё будущее.

Таким образом, на основе полученных результатов анкетирования можно сделать вывод о неоднозначном отношении студентов как к традиционным ценностям и процессам, касающимся России в целом, так и к введению в образовательные программы вузов такого важного, с точки зрения формирования мировоззрения, курса, как ОРГ. Особое внимание обращает на себя тот факт, что традиционные для России ценности (крепкая традиционная семья, преемственность поколений, взаимопомощь) в ценностной картине мира соседствуют со стремлением, прежде всего, к индивидуальному успеху, заработку и личным интересам. В связи с этим необходим комплексный подход к изучению содержания дисциплины ОРГ, включающий в себя методы, направленные на углубление знаний студентов, и на их эмоциональное восприятие материала.

Успешное и эффективное преподавание ОРГ в ЯрГУ зафиксировал анонимный опрос студентов, проведённый по инициативе преподавателей дисциплины. Респондентами стали студенты физического и исторического факультетов, факультета психологии, института иностранных языков ЯрГУ. Анкета предполагала 3 вопроса: «Что Вы считаете самым важным в преподавании дисциплины», «Что узнали нового?» и «Что осталось непонятно?». Также у студентов была возможность в свободной форме указать плюсы и минусы преподавания ОРГ, высказать предложения и замечания. Всего были проанализированы 171 опросных листов.

В целом, можно сказать, что оценка студентов в абсолютном большинстве положительная: замечания зафиксированы только в 12 анкетах (около 7%). В каче-

стве недостатков курса отмечается сложность некоторых терминов, опережение лекционных занятий семинарскими, непонимание необходимости предмета в программе. Мнение об отсутствии практической значимости данной дисциплины высказывали студенты физического факультета, что можно объяснить преимущественно прикладным характером направления их подготовки. Все остальные 159 студентов указали важность и необходимость дисциплины в учебной программе. Основными аргументами служили:

- поднятие патриотических настроений;
- расширение знаний о стране в целом и своём регионе;
- возможность глубже разобраться в современных процессах внутри России и её положении на международной арене;
- сформировать своё отношение к данным аспектам на основе новой информации;
- открыть для себя факты из культуры и истории нашей страны, которые вызывают гордость.

52 учащихся (из опрошенных 171) выразили благодарность преподавателям, отметили позитивное отношение к студентам, коммуникабельность, лёгкую и комфортную атмосферу на занятиях, формат работы и возможность открытых дискуссий. Некоторые студенты охарактеризовали ОРГ как «самый комфортный и интересный курс за весь семестр». Отсутствие давления и насаждения «нужных» настроений в ходе занятий позволило получить такие ответы: «и лекции, и практики были моральным отдыхом после давления на других предметах»; «очень понравился курс ОРГ, а главное понравилось отношение преподавателей к курсу и студентам».

Многие анкеты содержат комментарии студентов о форматах работы: обучающиеся высоко оценили возможность лучше узнавать одногруппников (особенно важно для первокурсников), повы-

шать сплочённость внутри коллектива, улучшать навыки публичного выступления. Большинству импонирует тот факт, что темы для докладов и проектов можно корректировать, исходя из их собственных интересов. Развитие навыков и коллективная работа также способствуют повышению интереса к содержанию курса.

Заключение

Содержательное наполнение традиционными ценностями структуры курса «Основы российской государственности» подразумевает их тщательное и глубокое изучение вне зависимости от направления вуза и его географической расположенности. Необходимо выбрать наиболее эффективные методы и форматы работы с разными аудиториями студентов. Интерактивный характер занятий, наглядность информации и непрерывный диалог со студентами – факторы, способствующие постижению студентами традиционных ценностей.

В процессе преподавания наблюдалось повышение лояльности студентов разных направлений подготовки к различным аспектам дисциплины, усиление патриотических чувств, увеличение внимания к традиционным духовно-нравственным ценностям. Повышенное внимание к традиционным ценностям и выбор данного понятия в качестве связующего между изучаемыми блоками курса способствовал успешному внедрению ОРГ в образовательные программы ЯрГУ. Этот факт подтверждается оценкой студентов на основе проведённого анкетирования.

В то же время преобладание, пусть и незначительное, студентов, выбравших для себя основными ценностями права и свободы человека по отношению к традиционным ценностям, напрямую связано с тем, что вкладывали в них эти принципы родители и педагоги поколения 1990-х гг. В 90-е гг. XX в. РФ ориентировалась на Запад со всеми вытекающими отсюда последствиями: отказ от государ-

ственной идеологии; учебники, изданные фондом Сороса; внедрение западной терминологии и методологии в общественные науки и т. д.

Человекоцентричность, прекрасная сама по себе, доведённая до крайности, как в либерализме, так и в выборе главных ценностей права и свободы личности, может привести к атомизации общества, к его распаду. Успешно противостоять этому могут традиционные

ценности: любовь, истина, соборность, служение Отечеству и др. Всё это показывает правильность и своевременность введения курса «Основы российской государственности» в вузовское обучение и важность использования традиционных ценностей не только для преподавания ОРГ, но и для цивилизационного возрождения России.

Дата поступления в редакцию 26.11.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Багдасарян В. Э. Конституция Российской Федерации в сравнительном страновом и историческом анализе. М.: Духовное просвещение, 2019. 296 с.
2. Багдасарян В. Э., арх. Сильвестр (Лукашенко). Педагогические системы: цивилизационно-ценностные основания. Ярославль: Индиго, 2023. 418 с.
3. Багдасарян В. Э., арх. Сильвестр (Лукашенко). Россия и Запад: цивилизационные различия. Ярославль: Специализированный полиграфический комбинат, 2023. 304 с.
4. Багдасарян В. Э., арх. Сильвестр (Лукашенко). Традиционные ценности: стратегия цивилизационного возрождения. Ярославль: СПК, 2022. 256 с.
5. Борзова Т. А. Возвращение к истокам: о подходах к преподаванию курса «Основы российской государственности» в высшей школе // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 4. С. 138–142.

REFERENCES

1. Bagdasaryan V. E. *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii v sravnitel'nom stranovom i istoricheskom analize* [The Constitution of the Russian Federation in comparative country and historical analysis]. Moscow, Dukhovnoye prosveshcheniye Publ., 2019. 296 p.
2. Bagdasaryan V. E., arch. Sylvester (Lukashenko). *Pedagogicheskiye sistemy: tsivilizatsionno-tsennostnyye osnovaniya* [Pedagogical systems: civilizational and value foundations]. Yaroslavl: Indigo Publ., 2023. 418 p.
3. Bagdasaryan V. E., arch. Sylvester (Lukashenko). *Rossiya i Zapad: tsivilizatsionnyye razlichiya* [Russia and the West: civilizational differences]. Yaroslavl, Spetsializirovannyy poligraficheskiy kombinat Publ., 2023. 304 p.
4. Bagdasaryan V. E., arch. Sylvester (Lukashenko). *Traditsionnyye tsennosti: strategiya tsivilizatsionnogo vozrozhdeniya* [Traditional values: strategy for civilizational revival]. Yaroslavl, SPK Publ., 2022. 256 p.
5. Borzova T. A. [Return to the origins: on approaches to teaching the course “Foundations of the Russian Statehood” in higher school]. In: *Mir nauki, kultury, obrazovaniya* [World of Science, Culture, Education], 2023, no. 4, pp. 138–142.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Иерусалимский Юрий Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной средневековой и новой истории Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова; профессор кафедры истории России Государственного университета просвещения; научный руководитель лаборатории военной истории, руководитель Межведомственной рабочей группы по вопросам сохранения российского исторического и культурного наследия в США при ЯрГУ, ведущий научный сотрудник научно-образовательной лаборатории «Россия и Европа: сравнительное изучение доиндустриальных обществ» ЯрГУ, руководитель Центра по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей ЯрГУ; e-mail: osniyar@uniyar.ac.ru

Попова Алина Владимировна – ассистент кафедры новейшей отечественной истории Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова;
e-mail: wwaaww1@rambler.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Yuriy Yu. Ierusalimskiy – Dr. Sci. (History), Prof., Department Head, Department of Medieval and Modern Russian History, P. G. Demidov Yaroslavl State University; Prof., Department of Russian History, Federal State University of Education; Scientific Director, Military History Laboratory; Department Head, Interdepartmental Working Group on the Preservation of Russian Historical and Cultural Heritage in the USA at YarSU, leading researcher, Research and Educational laboratory “Russia and Europe: Comparative Study of Pre-Industrial Societies” of YarSU, head of the Center for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values of YarSU;
e-mail: osniyar@uniyar.ac.ru

Alina V. Popova – Teaching Assistant, Department of Modern Russian History, P. G. Demidov Yaroslavl State University;
e-mail: wwaaww1@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Иерусалимский Ю. Ю., Попова А. В. Значение традиционных ценностей в преподавании курса «Основы российской государственности» // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 1. С. 35–46.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-1-35-46

FOR CITATION

Ierusalimskiy Yu. Yu., Popova A. V. The importance of traditional values in teaching the course “Fundamentals of Russian Statehood”. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 1, pp. 35–46.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-1-35-46

УДК 930

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-1-47-54

ПОВЫШЕНИЕ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММАХ И ПРЕПОДАВАНИИ ЦИКЛА ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН В ШКОЛЕ

Ковригин В. В.*Государственный университет просвещения**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Рассмотреть проблемы, перспективы и методы усиления воспитательного потенциала духовно-нравственных ценностей в образовательных программах и преподавании цикла гуманитарных дисциплин в школе.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляют материалы анализа документов, регламентирующих образовательную деятельность школы. В исследовании применены элементы контент-анализа. Представлено также описание собственного педагогического опыта.

Результаты. Выявлены наиболее значимые проблемы использования воспитательного потенциала духовно-нравственных ценностей в образовательных программах и при преподавании истории, обществоведения и иных гуманитарных предметов. Предложены конкретные методические приёмы для использования на уроке с целью актуализации педагогического значения духовно-нравственных ценностей.

Теоретическая и/или практическая значимость. Материалы исследования могут быть использованы специалистами в области педагогики и образования, школьными учителями при подготовке к урокам.

Ключевые слова: духовно-нравственные ценности, педагогика, национальная школа, образование, воспитание, образовательная программа

INCREASING THE EDUCATIONAL POTENTIAL OF SPIRITUAL AND MORAL VALUES IN EDUCATIONAL PROGRAMS AND TEACHING HUMANITIES COURSES AT SCHOOL

V. Kovrigin*Federal State University of Education**ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To consider the problems, prospects and methods of strengthening the educational potential of spiritual and moral values in educational programs and teaching a spectrum of Humanities subjects at school.

Methodology. The main content of the study consists of the contents of the analysis of documents regulating the educational activities of the school. The study uses elements of content analysis. A description of the author's personal teaching experience is also presented.

Results. Based on the results of the study, the author identified the most significant problems of using the educational potential of spiritual and moral values in educational programs and in teaching history, social studies and other Humanities subjects. Specific methodological techniques are suggested for use in the lesson in order to actualize the pedagogical significance of spiritual and moral values.

Research implications. The research materials can be used by specialists in the field of pedagogy and education and school teachers in preparation for lessons.

Keywords: spiritual and moral values, pedagogy, national school, education, upbringing, educational program

Введение

Воспитание во все времена остаётся одной из главных функций образования. Оно неотделимо от обучения. Как отмечает В. Н. Клепиков, «образование (знания, история, методы, методология и т. д.) само по себе обладает огромным воспитательным (аксиологическим) потенциалом, который накапливался столетиями [2, с. 51].

В педагогической науке уже давно идёт дискуссия о соотношении понятий «воспитание», «обучение» и «образование»¹. В «классической» концепции образование понимается как совокупность процессов обучения и воспитания. Некоторые добавляют к этой модели развитие. Однако немало специалистов в области теоретической педагогики предлагают первоосновой этой концепции считать именно воспитание, поскольку и обучение как процесс усвоения знаний, и образование как усвоение необходимых квалификаций генеральной целью имеют воспитание специалиста, профессионала, патриота, гражданина [1].

Не вдаваясь в дискуссии относительно соотношения этих терминов, отметим, что важнейшей целью образовательного процесса является социализация индивида, которая немыслима без опоры на национальные духовно-нравственные ценности [6, с. 38]. Рассмотрим их место в документах, регламентирующих содержание образования.

Особенности духовно-нравственного воспитания в образовательной программе

Содержание образования разворачивается на разных уровнях. Самый высокий уровень – социальный заказ, субъектами которого могут быть государство, общество, отдельные страты. Нет сомнений в том, что роль духовно-нравственных ценностей в социальном заказе в последние годы многократно возросла. Об этом свидетельствует, например, указ Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»². В данном Указе прямо подчёркивается роль системы образования в сохранении и развитии духовно-нравственных ценностей: «Государственная политика по сохранению и укреплению традиционных ценностей реализуется в области образования и воспитания, работы с молодёжью, культуры, науки, межнациональных и межрелигиозных отношений, средств массовой информации и массовых коммуникаций, международного сотрудничества» (ст. 10 Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей). В многочисленных научных и публицистических работах высказывается мысль о необходимости резкого усиления

¹ Сластёнин В. А. Психология и педагогика: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2023. 541 с.

² Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 06.02.2024).

ния роли духовно-нравственных ценностей России в содержании образования.

Второй уровень развёртывания содержания образования – образовательный стандарт. В соответствии с ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» образовательные стандарты обновляются не реже одного раза в 10 лет и публикуются на официальном портале¹. В новых ФГОС (2021 г.) основного общего и среднего общего образования в сравнении с предыдущим поколением (2010 г.) роль духовно-нравственных ценностей как важнейших скреп воспитания практически не изменилась. Среди целей воспитания (п. 9.1 ФГОС 2010 г.): «воспитание российской гражданской идентичности – патриотизма, уважения к Отечеству, прошлое и настоящее многонационального народа России; осознание своей этнической принадлежности, знание истории, языка, культуры своего народа, своего края, основ культурного наследия народов России и человечества; усвоение гуманистических, демократических и традиционных ценностей многонационального российского общества; воспитание чувства ответственности и долга перед Родиной...»². В новом ФГОС (п. 1) также перечислены данные цели.

Следует заметить, что новый образовательный стандарт, как и стандарт предыдущего поколения, разделяет образовательные цели на личностные, метапредметные и предметные. Первые прописаны более детально и впервые разделены на направления (гражданское, патриотическое, духовно-нравственное, эстетическое, физическое, трудовое, экологическое воспитание). Так, например,

среди целей патриотического воспитания приведены следующие:

- осознание российской гражданской идентичности в поликультурном и многоконфессиональном обществе, проявление интереса к познанию родного языка, истории, культуры Российской Федерации, своего края, народов России;

- ценностное отношение к достижениям своей Родины – России – к науке, искусству, спорту, технологиям, боевым подвигам и трудовым достижениям народа;

- уважение к символам России, государственным праздникам, историческому и природному наследию и памятникам, традициям разных народов, проживающих в родной стране» (п. 42.1.2 ФГОС ОО).

Вместе с тем предметные результаты реализации образовательной программы по каждому предмету стали больше ориентироваться на знания, нежели личностные трансформации. В педагогической науке давно проводится грань между «знаниевоориентированным» и «личностноориентированным» подходами к формированию содержания образования. Приходится констатировать, что предметные результаты в новом ФГОС стали более «знаниевоориентированными». Так, например, в стандарте предыдущего поколения среди целей изучения истории: 1) формирование основ гражданской, этнонациональной, социальной, культурной самоидентификации личности обучающегося, осмысление им опыта российской истории как части мировой истории, усвоение базовых национальных ценностей современного российского общества: гуманистических и демократических ценностей, идей мира и взаимопонимания между народами, людьми разных культур... 4) формирование важнейших культурно-исторических ориентиров для гражданской, этнонациональной, социальной, культурной самоидентификации личности, миропонимания и познания современного общества на основе изучения исторического опыта

¹ Федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) [Электронный ресурс]. URL: <https://fgos.ru> (дата обращения: 06.02.2024).

² Министерство образования и науки Российской Федерации Приказ от 17 декабря 2010 г. № 1897 Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования // ФГОС: [сайт]. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-ooo/> (дата обращения: 06.02.2024).

России и человечества...» (п. 11.2.1 ФГОС 2010 г.).

Новый же федеральный образовательный стандарт среди целей изучения истории, направленных, прежде всего, на воспитание личности, выделяет «приобретение опыта взаимодействия с людьми другой культуры, национальной и религиозной принадлежности на основе национальных ценностей современного российского общества: гуманистических и демократических ценностей, идей мира и взаимопонимания между народами, людьми разных культур; уважения к историческому наследию народов России» (п. 45.6.1 ФГОС 2021 г.).

Формально подход к воспитанию в новом Федеральном образовательном стандарте общего образования стал более комплексным, направленным в целом на развитие воспитательной среды образовательной организации и совершенствование духовного мира личности через реализацию разных направлений воспитательной работы. Об этом говорит и новый документ, появившийся в структуре образовательной программы, – рабочая программа воспитания. Вместе с тем предметные результаты обучения стали более оторванными от задач воспитания, больше ориентирующимися на знания и практические умения. Несмотря на это, ФГОС нового поколения указывает на необходимость единства учебной и воспитательной деятельности, реализуемых совместно с семьёй и иными институтами воспитания (п. 1 ФГОС ОО).

Следует заметить, что высокого уровня конкретизации содержания образования на уровне образовательного стандарта искать не следует. Этот документ лишь задаёт общие требования к целям реализации образовательной программы, её структуре, условиям осуществления образовательной деятельности. Более конкретно содержание образования развёртывается на III уровне – уровне образовательной программы. Данный документ образовательная организация

разрабатывает самостоятельно на основе ФГОС и с учётом требований примерной (федеральной) основной образовательной программы.

Федеральная образовательная программа общего образования утверждена только в 2023 г. (см. реестр образовательных программ¹). Генеральной целью исторического образования в документе заявлено следующее: «формирование и развитие личности обучающегося, способного к самоидентификации и определению своих ценностных ориентиров на основе осмысления и освоения исторического опыта своей страны и человечества в целом, активно и творчески применяющего исторические знания и предметные умения в учебной и социальной практике» (п. 150.2.4). Федеральная программа подробно раскрывает личностные результаты обучения истории (п. 150.8.1): «осознание российской гражданской идентичности в поликультурном и многоконфессиональном обществе, проявление интереса к познанию родного языка, истории, культуры Российской Федерации, своего края, народов России; ценностное отношение к достижениям своей Родины – России, к науке, искусству, спорту, технологиям, боевым подвигам и трудовым достижениям народа; уважение к символам России, государственным праздникам, историческому и природному наследию и памятникам, традициям разных народов, проживающих в родной стране; ...осмысление исторической традиции и примеров гражданского служения Отечеству; готовность к выполнению обязанностей гражданина и реализации его прав; ...представление о традиционных духовно-нравственных

¹ Федеральная образовательная программа основного общего образования (Утверждена приказом Минпросвещения России от 18.05.2023 под № 370) // Министерство просвещения РФ: [сайт]. <https://fgosreestr.ru/poop/federalnaia-obrazovatelnaia-programma-osnovnogo-obshchego-obrazovaniia-utverzhdena-prikazom-minprosveshcheniia-rossii-ot-18-05-2023-pod-370> (дата обращения: 06.02.2024).

ценностях народов России; ориентация на моральные ценности и нормы современного российского общества в ситуациях нравственного выбора; готовность оценивать своё поведение и поступки, а также поведение и поступки других людей с позиции нравственных и правовых норм с учётом осознания последствий поступков».

Заметим, что ФГОС не содержит конкретных инструментов достижения данных целей. Выбор средств и методов осуществления образовательной деятельности осуществляется уже на следующих уровнях развёртывания содержания образования – школьном учебнике и конкретном уроке. Федеральная образовательная программа включает также программу воспитания. В ней представлены требования к содержанию программы воспитания конкретного образовательного учреждения. Но ни ФГОС, ни Федеральные программы не предлагают конкретных инструментов духовно-нравственного воспитания и измерения степени достижения этих целей. Образовательные программы конкретных школ более подробно описывают в т. ч. и инструменты духовно-нравственного воспитания, однако указывать методы оценки достижения целей чаще всего избегают.

Последние 2 уровня развёртывания содержания образования – школьный учебник и конкретный урок. Именно здесь инструменты духовно-нравственного воспитания приобретают свой завершённый вид. Об особой роли этого уровня говорят многие педагоги и исследователи [2, с. 39]. Однако проблемой их стандартизации и достижения приемлемого уровня остаётся отсутствие системы оценки. Предметные, знаниевоориентированные результаты имеют свою, уже сложившуюся систему федеральной оценки – всероссийские проверочные работы, основной государственный экзамен, единый государственный экзамен, иные системы оценки качества образова-

ния. Однако, как показывает практика, система оценки качества воспитательной среды, а также степень достижения целей образовательной организацией в части духовно-нравственного воспитания отсутствуют.

Надо понимать, что объективно оценить знания, умения, навыки, компетенции по истории можно легко разными инструментами. Однако этого нельзя сказать об измерении степени достижения воспитательных целей. Акцент в таком измерении должен быть смещён на качество самой образовательной среды образовательной организации, на оценку понимания духовно-нравственных ценностей учащимися. И такой инструмент оценки учителю предоставить, безусловно, необходимо. В целях сохранения единства образовательного пространства он должен быть единым.

Большой проблемой использования потенциала духовно-нравственных ценностей в школе является трансформация образовательного процесса под нужды ОГЭ и ЕГЭ – инструментов, проверяющих в основном знания, умения и навыки. Часто в ущерб духовно-нравственным ценностям, нравственному и патристическому воспитанию учитель вынужден основное внимание на уроке уделять изучению и повторению дат, событий, причинно-следственных связей между ними, исторических личностей и т. п. без погружения в ситуации нравственного выбора, акцента на духовно-нравственных ценностях России и т. д. [5].

Духовно-нравственные ценности в преподавании истории

Рассмотрим способы повышения воспитательного потенциала отечественных духовно-нравственных ценностей в преподавании истории. Многие педагоги отмечают особую значимость примера в духовно-нравственном воспитании [4, с. 72]. Причём речь идёт не только о примере учителя, наставника, но и исторических деятелей.

Большим потенциалом обладают воспитывающие ситуации нравственного выбора [7]. Школьнику предлагаются разные варианты поведения исторического деятеля в сложной ситуации выбора¹. Поступок необходимо обосновать с точки зрения соответствия нравственности, морали, духовным ценностям России. Огромным потенциалом обладают примеры поступков ныне живущих людей, принимавших участие в исторических событиях. В некоторых школах учителя приглашают на уроки истории героев России, героев Труда и т. д. – личный пример героического исполнения воинского долга, трудового подвига откликается в сердцах учащихся [3, с. 48].

Проблемой, однако, остаётся методическое обеспечение образовательного процесса. История в учебниках чаще всего предстаёт как история государства, отношений стран, реализации внутренней и внешней политики власть предержащих. Исторические деятели чаще всего упоминаются в этих событиях вскользь. В результате у школьника формируется матрица исторического процесса как последовательной смены событий, явлений в их причинно-следственных связях между собой, среди которых – отдельные подвиги некоторых самых ярких исторических личностей. Однако подвиги эти далеко не всегда «оживают» в глазах учащихся, поскольку в матрице исторического процесса отсутствует представление о жизненном пути этих людей.

Добавлять в школьные учебники подробные жизнеописания исторических деятелей, ситуации их нравственного выбора, многочисленные примеры служения народу, стране вряд ли получится – от этого школьная учебная книга станет

только больше по объёму. Но яркое, живое слово учителя с рассказом не только о подвиге, но жизни героя, его нравственного выбора в обычных жизненных ситуациях, несомненно, обладает мощнейшим воспитательным потенциалом. Однако сам учитель к этому не всегда готов. Вряд ли при ярко выраженном хронологическом подходе к изучению истории не только в средней школе, но и в вузе учитель подробно изучил жизнеописание и повседневные подвиги известных исторических деятелей. С целью восполнения этого пробела необходимо издать методическое пособие для учителя с рассказом о повседневности и жизненных подвигах героев.

Заключение

Духовно-нравственные ценности в современной школе обладают мощнейшим воспитательным потенциалом, и сомнению это в педагогической и методической науках никогда не подвергалось. Вместе с тем необходимо искать пути повышения этого потенциала. Среди таких предлагаем:

1. разработку единой системы оценки качества воспитательной среды и воспитательного процесса в образовательных организациях;
2. включение в Федеральную программу общего образования инструментов измерения воспитательного процесса;
3. создание методических пособий для учителя с инструментами использования методических приёмов нравственного выбора, жизненного примера исторических деятелей.

Дата поступления в редакцию 16.12.2023

¹ Ушинский К. Д. Письма о воспитании наследника русского престола. Письмо первое. СПб.: Лань, 2013. 19 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аркова Т. И. Потенциал воспитательной деятельности по формированию духовно-нравственных ценностей в вузовском образовании // Педагогическое образование и наука. 2017. № 2. С. 67–69.
2. Клепиков В. Н. Воспитывающее образование: аксиологическая модель // Школьные технологии. 2020. № 2. С. 51–59.
3. Кудрявцева О. Л. Наставничество как технология формирования духовно-нравственных ценностей // Современное образование: актуальные вопросы и инновации. 2023. № 3. С. 38–40.
4. Оганесян А. Г. Православная цивилизация — вызовы внутренние и внешние // Международная жизнь. 2022. № 8. С. 72–85.
5. Пустовойтов В. Н. Содержание ценностного отношения молодежи к труду и профессиональной самореализации // Современные проблемы науки и образования. 2022. № 6. [Электронный ресурс]. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=32127> (дата обращения: 23.01.2024).
6. Пустовойтов В. Н. Социально-педагогические принципы культивирования у будущих и молодых педагогов ценностей профессиональной деятельности // Социальная педагогика в России. 2023. № 2. С. 38–48.
7. Разбегаев П. В. Патриотизм как ключевой фактор воспитания: нормативно-правовой аспект // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 5. С. 148–150.

REFERENCES

1. Arkova T. I. [Potential of educational activities for the formation of spiritual and moral values in university education]. In: *Pedagogicheskoye obrazovaniye i nauka* [Pedagogical education and science], 2017, no. 2, pp. 67–69.
2. Klepikov V. N. [Education: axiological model]. In: *Shkolnyye tekhnologii* [School technologies], 2020, no. 2, pp. 51–59.
3. Kudriavtseva O. L. [Mentorship as a technology for the formation of spiritual and moral values]. In: *Sovremennoye obrazovaniye: aktualnyye voprosy i innovatsii* [Modern education: current issues and innovations], 2023, no. 3, pp. 38–40.
4. Oganessian A. G. [Orthodox civilization - internal and external challenges]. In: *Mezhdunarodnaya zhizn* [The International affairs], 2022, no. 8, pp. 72–85.
5. Pustovoytov V. N. [The content of youth's value attitude to labor and professional self-realization]. In: *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 2022, no. 6. Abstract at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=32127> (accessed: 23.01.2024).
6. Pustovoytov V. N. [Social pedagogical principles of cultivating values of professional activity among future and young teachers]. In: *Sotsialnaya pedagogika v Rossii* [Social pedagogy in Russia], 2023, no. 2, pp. 38–48.
7. Razbegaev P. V. [Patriotism as a key factor of education: regulatory and legal aspect]. In: *Mir nauki, kultury, obrazovaniya* [World of science, culture, education], 2021, no. 5, pp. 148–150.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ковригин Вадим Валерьевич – кандидат педагогических наук, доцент кафедры методики преподавания истории и обществознания Государственного университета просвещения;
e-mail: letter@vkovrigin.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vadim V. Kovrigin – Cand. Sci. (Education), Assoc. Prof., Department of Methods of Teaching History and Political Science, Federal State University of Education;
e-mail: letter@vkovrigin.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ковригин В. В. Повышение воспитательного потенциала духовно-нравственных ценностей в образовательных программах и преподавании цикла гуманитарных дисциплин в школе // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 1. С. 47–54.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-1-47-54

FOR CITATION

Kovrigin V. V. Increasing the educational potential of spiritual and moral values in educational programs and teaching Humanities courses at school. In: *Federal Bulletin of State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 1, pp. 47–54.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-1-47-54

УДК: 93/94

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-1-55-67

ПОЧЕМУ МУСУЛЬМАНЕ НЕ СТАЛИ ДЛЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ «НЕМЦАМИ – НЕМЫМИ»?

Асонов Н. В.¹, Ежов Д. А.²

¹ *Московский педагогический государственный университет
119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, Российская Федерация*

² *Финансовый университет при Правительстве РФ
125167, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 49/2, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Установить основания для цивилизационного выбора России между Востоком и Западом, исторически обусловленные религиозно-политическим контекстом.

Процедура и методы. Исследование базируется на историческом, ценностно-целевом, витальном, нормативном, текстологическом, сравнительном и культурологическом приёмах анализа. Основными источниками являются русские летописи и зарубежные памятники письменности, содержащие сведения об истории Древней Руси.

Результаты. С учётом исследовательского контекста установлены факты, свидетельствующие о религиозно-политической близости Руси и мусульманского Востока.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты проведённого исследования инициируют дискуссию об этноязыковом значении слова «немцы», семантика которого в Древней Руси после принятия православия подверглась трансформации.

Ключевые слова: Древняя Русь, Запад, Восток, «немцы-немые», ислам, православие, соборность

WHY DID NOT THE MUSLIMS BECOME “GERMANS – DEAF AND DUMB” FOR ANCIENT RUSSIA?

N. Asonov¹, D. Ezhov²

¹ *Moscow Pedagogical State University
Malaya Pirogovskaya 1-1, Moscow 119991, Russian Federation*

² *Financial University under the Government of the Russian Federation
Leningradsky Prospekt 49/2, Moscow 125167, Russian Federation*

Abstract

Aim. To establish the grounds for Russia's civilizational choice between the East and the West, historically determined by the religious and political context.

Methodology. The research is based on historical, value-oriented, vital, normative, textual, comparative and culturological methods of analysis. The main sources are Russian chronicles and foreign written records, containing information about the history of Ancient Russia.

Results. Taking into account the research context, the facts that testify to the religious and political proximity of Russia and the Muslim East have been established.

Research implications. The results of the study initiate a discussion about the ethnic and linguistic meaning of the word “Nemtsy” (“Germans”), the semantics of which underwent transformation in Ancient Russia after the adoption of Orthodoxy.

Keywords: Ancient Russia, West, East, “Germans – deaf and dumb”, Islam, Orthodoxy, conciliarity

Введение

К началу 2020-х гг. отношения России и коллективного Запада достигли наивысшей степени обострения со времён окончания холодной войны и распада биполярной системы. Принимая во внимание исторические предпосылки происходящих процессов в мировой политике, представляется очевидным, что сегодня борьба за Россию сводится к борьбе за сохранение цивилизационно-культурного многообразия и поиску альтернативных моделей миропорядка. Исторически обусловленное восприятие западных ценностей актуализирует проблему цивилизационного поворота на Восток, поиск путей сближения с которым определяется интересами выживания российского государства в условиях перманентной угрозы безопасности, идущей с Запада. Предметная область настоящего исследования характеризуется сосредоточением авторского внимания на изучении религиозно-политических оснований для сближения русского государства с мусульманским Востоком, имеющим исторические предпосылки, которые удалось выявить в ходе анализа источников, на результаты которого в своих последующих суждениях и выводах опирается авторский коллектив.

Актуальность обращения к поставленной проблеме, помимо указанного выше, обуславливается тем обстоятельством, что в подобном ракурсе она не разрабатывалась в научной литературе, что предопределяет элементы новизны. Не умаляя достоинств исследований, посвящённых изучению исторической

ретроспективы противостояния между «Глобальным Севером» в лице Европы, России, Китая и Америкой с мусульманскими сообществами [7] и характеризующихся конфликтностью отношений между европейскими государствами и исламским миром [8], подчеркнём, что в них не делается акцента на религиозно-политические основания, лежащие в основе культурно-политической близости арабо-мусульманской и православно-славянской цивилизаций, соседствующих на территории России с VIII в. В то же время возрастающая на современном этапе роль российской мусульманской общины как составной части глобальной исламской уммы [3] побуждает к всестороннему рассмотрению непосредственных истоков культурно-цивилизационного взаимодействия России и этим регионом Востока, сумевшем оказать заметное влияние на материальную и духовную культуру нашей страны. Не будем забывать и о том, что православие мусульманами Поволжья ставилось выше западного христианства. Именно эти симпатии в итоге повлияли на добровольное вхождение в состав Московского государства тюрок-мусульман, в первую очередь башкир и ногайцев, видящих в православии нравственную основу политической власти и социальной стабильности.

Исторические и идейно-политические предпосылки восприятия образа Запада

Истоки угрозы со стороны Запада в отношении древнерусского государства следует искать в X в., когда Оттон III Сак-

сонский, прозванный *Mirabilia mundi* (Чудом мира), главной идеей своей внешней политики объявил «*renovation imperium Romanorum*» (обновление империи римлян). Утвердившись в «Вечном городе», он решил сделать его столицей мировой державы. Осуществление этого плана дало начало другому грандиозному проекту, связанному с расширением территории Священной Римской империи на восток. Это было то время, когда при содействии Владимира Святого Русь приняла православие, оказавшись главным объектом экспансионистских устремлений западных христиан, возглавляемых германскими государями и папской курией. На тот момент не только Северная, но и Центральная Европа сделали свой выбор в пользу престола святого Петра и включились в общую программу движения на восток. Активное участие норманов-папистов в разжигании княжеских междоусобиц и вторжения польской рати при поддержке германских и венгерских сил на земли Руси, включая захват ими Киева в 1018 г., были звеньями одной политической цепи. Таким образом, вопрос сохранения православия тесно слился с темой независимости, остро проявив себя после окончательного разделения христианского мира в 1054 г. Прямым следствием этого события стало решительное неприятие Запада, заставившее возвести против него «железный занавес».

Главные положения подобных построений были сформулированы в целом ряде религиозно-политических сочинений, ставших одной из основ государственной идеологии Древней Руси. Их общий смысл сводился к трактовке Запада как некоего центра греховной жизни, опираясь на который Сатана пытается соблазнить остальные страны и народы, уводя их от союза с Богом. Например, Феодосий Печерский в «Слове о вере христианской и о латинской», указывая на духовную ущербность Запада, призвал «всякого ученья их бегати, и норова их гнушати», ибо «развращённой погипе-

ли полна вера их. Её же ни жидове творят, то они творят»¹. Позиция Феодосия получила одобрение духовной власти страны, о чём нам свидетельствует «Стязание с латиною» митрополита Георгия, указавшее на 70 главных вин «латины» перед Богом. «И тех ради вин в жидовство явлене впадоша»². В схожем ключе рассуждает, обращаясь к Владимиру Мономаху, и митрополит Никифор.

Эта установка сохранила свою значимость в «Повести временных лет», к которой приложили руку ученики Феодосия. В XIII в. тема неприятия католического Запада, пошедшего по пути иудеев и предавшего союз с Богом ради материальных выгод, попала на страницы поучительной и житийной литературы. Самым ярким памятником этого жанра, демонстрирующим неприятие на Руси Запада, стало «Житие святого князя Александра», составленное «самовидцем» есмь възраста его». Стоит отметить, что во всех текстах католичество не рассматривалось как христианство. Оно подавалось в качестве сознательного ухода от него в сторону языческих или иудейских пороков, т. е. предательства союза с богом, повлекшего за собой отступление от правил семи Вселенских Соборов. Причём в «Житии» немцы фигурируют как «римляны», для которых вся цель военных походов на Русь сводилась к одному: «укоримъ словеньскыи языкъ ниже себе»³. Подобного отношения к себе со стороны восточных народов, надо полагать, на Руси не знали. У нас нет ни одного литературного па-

¹ Феодосий Печерский (игумен). Слово о вере христианской и о латинской // Макарий (Булгаков), Митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Кн. II. М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995. С. 551–552.

² «Стязание с латиною» митрополита Георгия // Митрополит Макарий (Булгаков) История Русской Церкви. Кн. 2 М.: Изд-е Валаамского м-ря, 1995. С. 558.

³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей. Т. III. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 293, 295.

мятника, где бы указывалось на желание какого-либо восточного народа или государства поставить славян «ниже себе».

«Немцы – немые» в исторических источниках

В силу такой идеологической установки расхожее у славян понятие «немцы» (немые), применяемое к тем, кто не понимал их язык [5], постепенно изменило своё смысловое содержание, перейдя из культурно-речевой сферы в религиозно-политическую. «Немцами» стали именовать тех, кто перестал слышать и понимать язык Бога, разучившись общаться с Ним при помощи правильной молитвы и настроя своих мыслей. В документах Древней Руси вплоть до конца XV в. авторы говорят о свейских, англянских, фряжских, гишпанских, франкских немцах, немцах из Рима и даже об «украинах Немецких»¹. В подавляющем большинстве случаев это относилось к тем, кто составлял этническую основу «Священной Римской империи», которой управлял «цесарь немецкий», и потому рассматриваемый у нас как главный враг, главный носитель зла и отступник от Бога. Надо полагать, в сходном ключе этот термин фигурирует и применительно к представителям римского папы («немьци... от папежа», «оть рима немци»)², указывая на духовного вождя католичества как инициатора «развращения» христианской веры.

При этом можно наблюдать отсутствие аналогичного негативного отношения к язычникам и мусульманским народам, речь которых вообще не имела ничего общего с языком славян, а вера противоречила многим базовым христианским установкам. Судя по всему, свою роль здесь сыграли 2 фактора. Первый

был связан с идеологической установкой православной церкви. Она осудила политику Запада, ведущую к созданию мировой державы во главе с «ветхим» Римом, несмотря на то, что он при Константине Великом утратил своё политическое и духовное первенство. Все права на лидерство были переданы «Новому Риму» (Константинополю), сыгравшему главную роль в организации Вселенских Соборов, начиная с 381 г., и утвердивших основы христианской веры и затем постоянно нарушаемых по инициативе папы и союзных ему западных императоров.

Кроме того, духовная власть Руси видела в отступлении от принятых норм веры больший грех, нежели в нормах языческой или исламской религии, ещё не поднявшихся на соответствующий пик духовно-нравственного восхождения и потому сохраняющих для своих последователей путь к совершенствованию и подлинному единению с Богом. Возможно, видя эту перспективу духовно-нравственного роста Азии, на землях которой был оформлен первый союз человека с Господом, и явился Иисус Христос, наши летописцы проводили качественное разграничение между двумя мирами, в тесном соседстве с которыми оказалась тогда Русь: «насади Бог рай на востоце, а на западе муку уготова»³.

Второй фактор исходил из интересов светской власти Руси, некоторые представители которой не прониклись идеалами христианства или отвергли их в силу глубоких расхождений с языческим пониманием добра и зла. Можно предположить, что в ходе военных походов на восток, особенно на территорию Волжской Булгарии в 985–986 гг., ряд князей и знатных дружинников могли проникнуться учением ислама, окончательно утвердившись здесь в 922 г. после прибытия сюда большого посольства багдадского халифа Муктадира. Этому сближению должны

¹ Русский хронограф // Полное собрание русских летописей. Т. XXII. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 227, 535.

² Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. I. М.: Языки русской культуры, 1997. Стб. 85.

³ Летопись по Воскресенскому списку // Полное собрание русских летописей. Т. VII. М.: Языки русской культуры, 2001. С. 213.

были способствовать плотные торговые контакты двух стран. Согласно сочинению персидского учёного Гардизи, написанному в середине X в., русские купцы продавали свои товары булгарам только за золотые «чеканные диргемы». Причём, видя в русах и славянах два народа, он отмечает зависимое положение последних по отношению к первым, совершающим на славян набеги и обращающих их в рабство. Затем невольников «отводят в Хазаран и Булгар и там продают». Кроме того, они «ходят к славянам и насильно берут с них на своё содержание, пока там находятся». Тот же автор обращает внимание на отсутствие у русов «посевов и пашен». Поэтому всё необходимое они добывают своими мечами, причём у них особенно «много сулаймановых мечей»¹. Таким образом, преобладание восточного оружия говорит о тесном общении русов с мусульманскими странами, следствием чего могло стать приобщение некоторых из них к исламу, куда более терпимо относящемуся к войне и торговле, нежели христианство.

Особой строгостью здесь отличалось православие, сделавшее аскетизм своим идейным знаменем. Оно требовало следовать жёсткому правилу: «свет мирянам – иноки, свет инокам – ангелы». Это привело к свёртыванию транзитных торговых путей, пролежавших по землям Руси и приносящим огромные доходы. Так потерял свою значимость знаменитый путь «из варяг в греки», а натуральное хозяйство, ориентированное на библейский принцип «довольствоваться тем, что имеешь», стало занимать господствующее положение в экономике, подрывая благосостояние знати. Тем более что не только Ибн-Фадлан, но и богатый археологический материал указывает на значи-

тельный русский элемент на территории Булгара и Суvara, где находились главные мечети этой страны.

Отечественное летописание, составляемое и редактируемое православным духовенством, должно было обойти подобный факт молчанием, но, как известно, крупный литературный источник способен «проговариваться» и выдавать нежелательную для авторов информацию через описки или недомолвки. Скорее всего, именно к таким опискам следует отнести проявленную Владимиром Святым слабость к рассказам булгарских проповедников о своей вере, которые он «послушаше сладко»². Однако советники убедили князя принять греческую веру, с которой связала свою жизнь его бабка – княгиня Ольга – и с которым они познакомились в Константинополе, поразившись обрядовой стороной богослужения.

Надо думать, что Владимир был не одинок в своих первоначальных симпатиях к исламу. В данной связи сошлёмся на Ал-Марвази, сообщившего о неких русских князьях, пожелавших на рубеже X–XI столетий отказаться от православия и принять учение пророка Мухаммеда. С этой целью, как пишет автор, они направили посольство в Хорезм, считавшийся духовным центром мусульман Поволжья. Вскоре оттуда прибыли учителя, «чтобы обратить в ислам»³ каких-то русских людей. Более того, Муххамад Ауфи ведёт речь о целой группе князей и их подданных, которые после принятия христианства «почувствовали склонность к религии ислама и сделались мусульманами»⁴. Что это были за князья?

² Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. I. М.: Языки русской культуры, 1997. Стб. 85.

³ Ал-Марвази. Природа животных // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. Т. III: Восточные источники. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. С. 60–61.

⁴ Муххамад Ауфи. Сборные рассказы и блестящие предания // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / под ред. Т. Н. Джаксон,

¹ Гардизи. Краса повествований // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. Т. III: Восточные источники. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. С. 58–59.

Скорее всего, они представляли одну из побочных ветвей дома Рюрика или его братьев, будучи потомками Синеуса и Трувора. Их имена, не имеющие аналогов в отечественных летописях, фигурируют в ромейских документах после смерти Святослава как «архонтов росов». Это Несислав, Иерослав и их родственник Зинислав, избранный править какой-то частью росов¹.

Можно предположить, что это могли быть дети и внуки тех, кто «от рода Рускаго» упомянуты как «слы и гостье», «нетии» и бояре, участвовавшие в военных походах князя Игоря на побережье Чёрного и Каспийского морей. Согласимся, что князю нет нужды менять своих ближайших сподвижников в зависимости от географии своих военных экспедиций. В ту пору серьёзные социальные сдвиги, ведущие к резким изменениям в составе знати, почти не происходили, и все должностные обязанности, как правило, передавались с разрешения князя по наследству. Это значит, что знакомство с исламом, его религиозной культурой и арабским языком, без знания которого ислам не мыслим, вполне могло носить наследственный характер как атрибут дипломатических обязанностей, требующихся при заключении торговых или мирных договоров, заключавшихся на территории других государств.

Впрочем, это могли быть и местные уроженцы, согласившиеся служить русскому князю, но не порвавшие своей связи с родиной и её интересами. В частности, среди доверенных лиц князя Игоря, упомянутых в летописи 945 г., наряду с немецкими и славянскими именами мы встречаем Шеберидь Алдана, Свенестирь

Алдана, Тилию и Апубкара². Их имена или прозвища указывают на восточное, видимо, тюркское происхождение. Косвенно об этнокультурной близости политической элиты росов к иранским или тюркским племенам, кочевавшим между низовьями Днепра и Волги, можно судить по ряду упоминаний ромейских (византийских) и мусульманских трактатов, игнорирующих какую-либо этническую связь росов с германцами, но указывающих на их родство со скифами или тюрками. Особый интерес здесь имеет указание Ибн Фадлана, побывавшего с посольской миссией на берегах Волги в 921–922 гг. Исследователи отмечают в его записках одну интересную особенность: о хане волжских булгар он постоянно говорит как о «царе ас-сакалибы (славян)»³.

Некоторые отечественные исследователи полагают, что подобное указание было вызвано, с одной стороны, наличием большой диаспоры славян, давно живших на землях современного Татарстана, с другой стороны, в ханской ставке их могли считать исторически зависимым народом с тех пор, когда в конце в VI в. праболгары утвердились в донских степях [2; 4]. Вскоре они распространили свою власть на земли пеньковской археологической культуры, отождествляемой археологами с восточной ветвью славян. Не исключено, что какой-то вид зависимости, пусть даже формальный, охватил и алано-росов, оказавших решающее влияние на становление «государства Антов», северным форпостом которого был Киев.

Тут есть смысл указать ещё на одну особенность. Древнерусские письменные источники часто используют общий эт-

И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. Т. III: Восточные источники. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. С. 62.

¹ Иоанн Скилица. Обзор истории // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. Т. II: Византийские источники. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. С. 233.

² Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. II. М.: Языки русской культуры, 1998. Стб. 35–36.

³ Ибн Фадлан // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. Т. III: Восточные источники. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. С. 66.

ноним «болгаре» как для дунайских, так и для волжских болгар.

Скорее всего, в них видели один народ, судьба которого тесно переплелась с жизнью славяно-русов, тем более что потомки хана Аспаруха, осев на южных границах Руси, в 865 г. приняли православие, поддерживая контакты с «чёрными болгарями», оставшимися в низовьях Дона. Мы знаем, что после походов Святослава эти земли вместе с крепостью Саркел (Белая вежа) вошли в сферу влияния Руси, а потом Тмутараканского княжества, распространившего свою власть при Мстиславе Ярославиче на огромную территорию от Кубани и Керчи до Переславля и Чернигова, включая донские степи.

Это исторически сложившееся особое отношение между Русью и булгарами на уровне политической власти могло заметно влиять на выстраивание отношений киевских князей по линии Запад-Восток, не позволяя им видеть в предках нынешних чувашей и казанских татар «немцев», даже после распространения в Волго-Камском регионе ислама. Вспомним, что, повествуя о походах Святослава на Восток в 968–969 гг., средневековые авторы обратили внимание на характер его политики с учётом этно-религиозного аспекта. Так, покорив иудейскую Хазарию, которой «служили и платили дань»¹ мусульмане булгары, он уничтожил её как суверенное государство и даже включил особо важные земли бывшего каганата в состав Руси.

Между тем в отношении булгар этого не произошло. Овладев Булгаром, являвшимся опорой хазар на территории Среднего Поволжья, Святослав не стал присоединять эти земли к Киеву и даже избавил жителей от уплаты дани². Дру-

гими словами он освободил булгар от религиозно-политического гнёта хазар, установив с ними мирные отношения. Похожие действия совершил его сын Владимир, напав по неизвестной причине на Булгар и взяв его в 985 г., он отказался обложить его данью и заключил мир. Согласно Лаврентьевской летописи на следующий год князь уже беседовал с их миссионерами о «вере Бохмичей» (магометанской). Находившиеся в сфере культурно-политического влияния булгар и Древней Руси финно-угорские племена вообще не могли рассматриваться в качестве чуждых им жителей Восточной Европы, от которых могла исходить какая-то угроза суверенитету или религиозным устоям двух стран.

К сожалению, дошедшие до нас письменные источники не сохранили информацию о характере религиозных учений ислама, попавших в поле интересов некоторых Рюриковичей, их послов, гостей и бояр. Можно только предположить, опираясь на косвенные данные, что в ту эпоху в кругах знати и рядовых граждан суннитское направление ислама было значительно лучше известно, нежели шиитское. Это объясняется географической близостью Волжской Булгарии, принявшей суннитский толк ислама и сохраняющей прочные религиозные связи с Хорезмом³, а также наличием обширных торговых контактов Руси с арабским миром. Утвердившие с конца XI в. свою гегемонию на Ближнем Востоке тюрки-сельджуки тоже были суннитами.

Территория Черноморского бассейна, к которому в ту эпоху относилась Древняя Русь, оставалась главной контактной зоной двух цивилизаций. Шиитский мир не имел к ней доступа. Торговый путь «в

¹ Ответное письмо хазарского царя Иосифа // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. Т. III: Восточные источники. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. С. 66.

² Ибн Хаукал. Книга путей и стран. 1.6.2.4; 1.6.2.9. // Древняя Русь в свете зарубежных источников:

Хрестоматия / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. Т. III: Восточные источники. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. С. 88, 92–93.

³ История мусульманской мысли в Волго-Уральском регионе / под ред. Л. И. Алмазовой, Г. Г. Идиятуллиной, А. Г. Хайрутдинова. Казань, КГУ, 2015. С. 92–93.

хвалисы», ведущий по Волге в Каспийское (Хвалынское) море и далее в земли современного Азербайджана и Ирана, был более долгим и трудным. И хотя в X в. Русь им активно пользовалась и даже совершала успешные набеги, поднимаясь вверх по р. Куре, как о том повествует персидский чиновник Ибн Мискавайх, служивший при дворе Буидов, правивших в то время на Западе Ирана, в XI в. эта торговая артерия почти заглохла.

Говоря о втором факторе, отражающем интересы светской власти Руси, нельзя обойти молчанием экономический аспект. Некоторые восточные авторы доносят до нас интересную подробность о том, что с принятием православия, а оно крайне негативно относится к войне и любого рода торговым операциям, среди славянской знати возник интерес к исламу. Скорее всего, такая перестройка религиозной ориентации стала следствием более внимательного знакомства княжеско-боярской аристократии с догматами христианства. Так, если исламская религия оправдывала в ряде случаев военные походы как форму борьбы с неверными¹, то христианство требовало от властей «держатъ отчину свою» и не проводить никаких военных походов в миссионерских целях, обращая кого-либо в христианство силой. Между тем для языческой Руси такие походы носили постоянный характер и охватывали огромную территорию от Балтики до Балкан, Малой Азии и Закавказья, позволяя обогащаться благодаря мечу.

Во всяком случае уроженец Бухары Муххамад Ауфи в качестве значимой причины, заставившей некоторую часть политической элиты Древней Руси обратить свои взоры в сторону ислама, указал именно на обогащение в ходе военных походов. Он писал, что русы, приняв христианство в качестве своей новой религии, были вынуждены вложить в ножны мечи, которыми они добывали себе бо-

гатство. Перестав воевать, они потеряли главный источник своего дохода, и их финансовые дела полностью расстроились. Им стало тяжело жить, и они стали проявлять интерес к исламу, разрешавшему воевать за свою религию².

Альтернативные модели политического устройства Древней Руси

Теперь перейдём к политическому аспекту. Дело в том, что Ауфи и другие восточные авторы, говоря об исламском учении, претендующем стать важным атрибутом государственных интересов Древней Руси, ничего не сообщают о том, какая модель политического устройства предлагалась русским князьям мусульманскими учениями. Насколько она отличалась от той теоретической схемы, которая получила поддержку православного духовенства и стала обязательной для Древней Руси с конца X в. Трудно поверить, что такой важный вопрос не интересовал русских князей, испытывающих симпатию к исламу. Значит, есть прямой смысл остановиться на нём подробно и выяснить то, насколько идеологические представления о правильной и удобной Богу власти совпадали с традиционными для русских людей политическими идеями, сохранившимися у них со времён языческого уклада жизни.

Согласно имеющимся в нашем распоряжении источникам, русские люди с глубокой древности идеализировали общинную форму управления. Её ведущим политическим институтом было вече, предусматривающее коллективное, т. е. соборное (совместное) решение значимых социально-политических вопросов. По этой причине они не стремились переходить к авторитарной модели

¹ Коран, Сура 2 Аят 156-189; Сура 4 Аят 76-78; Сура 9 Аят 2.

² Муххамад Ауфи. Сборные рассказы и блестящие предания // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. Т. III: Восточные источники. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. С. 62.

управления, ущемляющей права и свободы всего коллектива в пользу отдельных лиц. Власть князей и старейшин носила выборный характер и была сильно ограничена рамками общественных интересов. То же можно сказать и о духовной власти. Языческие жрецы славян до принятия христианства не обладали в Древней Руси никакой политической силой¹. В итоге прямой вид демократического правления охватывал все стороны социальной жизни [6].

Это обстоятельство могло подтолкнуть какую-то группу сторонников сохранения соборности, имеющую авторитет среди славянских общин, как и некоторых представителей клана Рюриковичей, не желавших мириться с расширением властных полномочий великого князя, искать поддержку у ислама. Однако к тому времени ислам перестал быть единой религией и мог отвечать не только социально-политическим потребностям приверженцев соборного управления, но и тех, кто тяготел к авторитарным принципам управления на Руси.

Чтобы разобраться в данном вопросе, перейдём к анализу религиозно-политических представлений ислама, составивших его идеологический костяк, способный расположить в пользу этой религии сторонников соборности. Как известно, в VIII в. исламский мир раскололся на 2 крупных и даже враждебных друг другу мира шиитов и суннитов, не считая некоторых локальных направлений, например, исмаилитов. Каждое из них считало только себя отражением непорочной истины со своими представлениями о правильной власти. При этом одним из центральных идеологических аспектов всего исламского подхода к политике с самого начала было учение о государстве и власти.

Исламская политическая доктрина, базируясь на текстах Корана, хадисах и

их осмыслении мусульманскими улемами (учёными богословами), выделяла ряд общих принципов. Они сводились к признанию верховенства воли Аллаха как источника истинного нравственного закона, следовать которому требовалось и в деле организации управления людьми. Думается, Г. Джемаль был прав, когда указывал на отрицательное отношение пророка Мухаммеда и его последователей к государству [1]. Оно для традиционной исламской политической мысли никогда не выступало в роли какого-то положительного институционального образования. На государство взирали как на «тагут», т. е. в нём видели то зло, что было придумано без учёта воли Аллаха. Ведь институт государства был разработан порочными людьми для удержания своей власти над обществом, и он всегда был и будет инструментом насилия над людьми. Поэтому его нельзя перестроить в угоду нравственным требованиям ислама.

Вот почему в Коране мы не найдём ни одного слова о государстве [1]. Аллах молчит о нём, потому что оно есть зло. Один раз Коран упоминает только «даул», понимаемый как общинное богатство. На первоначальном этапе развития мусульманского общества его политическая идеология не использовала даже термин «государство». В соответствующих сочинениях той эпохи можно встретить термины «имамат», изначально переводимый как «руководство молитвой», и «халифат», понимаемый с VII в. как «преемственность». Именно они впоследствии стали применяться для обозначения различных форм управления в мусульманских объединениях.

Говоря о близости политических воззрений в этом вопросе раннего ислама и славянских племён, нельзя не обратить внимания на характерное отсутствие в древнерусских документах понятия «государство». Его заменяют совершенно другие слова: «земля», «страна» (сторона) и «народ». Использование данных понятий сохранилось и в монгольский период,

¹ Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1 (I–VI вв.) / отв. ред. Л. А. Гиндин, Г. Г. Литаврин. М.: «Восточная литература» РАН, 1994. С. 183, 369–373, 375.

что, без сомнения, отразило господствующую на Руси идеологическую установку.

В центре исламской политической доктрины лежит представление о том, что Коран и хадисы уже содержат в себе все главные теоретические наработки, необходимые для справедливой организации власти и общества. Так как всё верховное управление на небе и на земле принадлежит Аллаху, то мусульмане обязаны всего лишь выполнять Его волю¹. Следовательно, им нет смысла вдаваться в научные или богословские представления о государстве и создавать сложную систему организации власти, выгодную только небольшой группе людей, вставших во главе неё. Именно эту сложную форму в понимании сторонников общинного уклада жизни в VI–IX вв. сформулировало христианство и сделало её нормой государственной жизни, а «Ветхий Рим» со второй половины VIII в. ещё больше извратил принципы управления, встав на путь безграничного расширения властных полномочий пап, придумав легенду с «Константиновым даром», раскрывая высшую греховность Запада перед Богом.

В этом плане классическая исламская традиция, видящая в концепции «халифата» или «имамата» две ветви правильной власти, явно выигрывала перед тем, что нёс Руси Запад. Уже в первой половине XI в. знаменитый исламский улем Аль-Маварди дал чёткое определение имамата, получившее признание почти у всех суннитских богословско-правовых направлений (мазхабов). В его понимании имамат являет собой законное наследование пророческой миссии, направленной на охрану истинной веры и управление всеми людскими делами на земле². Тогда как понятие «халифат» включало в себя два принципиальных положения. С одной стороны, власть халифа может носить выборный характер. Право его выбора принадлежит только

самым достойным членам общины, но, с другой стороны, он может быть назначен на свою должность и предыдущим халифом, увидевшем в своём преемнике достойный ум и нравственную чистоту.

Кроме того, понятие «халифат» охватывало всех мусульман, которым Аллах, согласно тексту Корана, дал своего наместника из людей³. Выходило так, что любой мусульманин являлся потенциальным наместником Аллаха. Не взирая на своё социальное положение, он мог принимать активное участие в социальной жизни. Община имела законное право вручить самому достойному своему члену право руководства ею или лишить его должности, сохраняя за собой всю полноту верховной власти. Поэтому подчинённое положение халифа общине выражалось в его обязанности следовать нормам ислама, что составляло основу легитимности его власти, а вся полнота абсолютной власти могла быть только у Аллаха. Так решал данный вопрос суннитский мир и этим делал себя ближе к тем, кто был сторонником сохранения на Руси соборно-вечевой модели управления.

Чтобы в этом убедиться, следует вспомнить труд «Правовая политика Шариата» Ибн Таймии и «Трактат о народах и религиях» Ибн Хазма, указывающих, что с позиций ислама любой правитель может быть только старшим в кругу равных⁴. Неслучайно Аллах хвалит своих последователей за их желание совещаться между собой обо всех делах⁵. Эта особенность управления была подмечена у славян и русов ромейскими авторами. В уважительном или негативном контексте они повествуют о господстве у этих племён совещательной формы решения всех

¹ Коран, 5:44; 4:65; 2:40; 43:85.

² Аль-Маварди. Аль-Ахкам ас-султанийава-л-вилаят ад-динийа. Каир, 1973. С. 12.

³ Коран, 2:30

⁴ Бахнасаби С. Демократия и народный суверенитет в Исламе // ИА IslamNews: [сайт]. [17.04.2006]. URL: <https://islamnews.ru/demokratiya-i-narodny-j-suverenitet-v-i> (дата обращения: 06.01.2024).

⁵ Коран, 3:159

«выгодных и невыгодных дел»¹. Причём Л. Диакон указывает на латинское название высшего совета русов, который «носит название “комент”», что отвечает понятию «сходка»², а И. Скилица пишет о характерной для русов X в. системе избрания правителя³.

Получалось, что понятие «шура» как принцип совещательности оказался весьма близок по своей сути традиционной для Древней Руси соборности, где обязательно должно царить единодушие, кстати, сохранившееся в польских сеймах до XVII в. То же было и в исламском мире. С VII в. процессуальная целесообразность шуры осуществлялась в виде иджмы как единодушного мнения духовных авторитетов и соратников пророка. Любой мусульманин, согласно религиозному долгу, имел право принять участие в формировании шуры⁴, в состав которой входили не только видные религиозные деятели, но и светские люди, отличающиеся праведностью, образованием и активной жизненной позицией. Организационно-управленческая близость шуры как политического института славянскому собору можно выявить ещё по одному параметру. Подобно собору, шура могла быть составлена путём избрания или выдвижения представителей от разных групп населения.

Никаких ограничений на данный счёт ислам не предусматривал. Более того, считалось, что если национальная политическая культура или модель управления не противоречат требованиям веры, то нет смысла и запрещать их. Между тем на Западе принцип соборности, ставший одним из символов христианской веры, с VIII в. стал подвергаться гонениям со стороны римских пап, достигнув своего апогея в середине XV в., когда специальной буллой была запрещена всякая апелляция к решениям Вселенских Соборов.

Учитывая данный фактор, русские сторонники соборного управления, отвергающие движение в сторону абсолютизирующегося Запада, имели шанс не только сохранить соборное управление, но и возглавить его как первые русские мусульманине, если бы сумели встать во главе Древней Руси и взять курс на сближение с Волжской Булгарией. Приемлемость этого направления оправдывается тем, что Рюриковичи рассматривали себя в качестве единой политической общины, во владении которой находится вся русская земля. Поэтому соборное управление в виде княжеских съездов и советов для них было столь же естественно, как и для мусульман. В этом случае Древняя Русь, почти не меняя сложившейся политической системы, могла стать одним из джамаатов, понимаемого в контексте настоящего исследования в качестве самоуправляющегося религиозно-политического союза.

Правда, согласно исламской теории, даже если мусульманине составляли явное меньшинство во власти и в обществе, всё равно были обязаны рассматривать себя в качестве составной части уммы – малым джамаатом, имея своих политических руководителей. Но «русский джамаат» не мог жить обособленно от общей мусульманской уммы и обязательно должен быть связан с каким-либо государством, которым, скорее всего, могла являться Волжская Булгария. Выступая в роли религиозно-политического патрона, она должна определять характер всей по-

¹ Прокопий Кесарийский. Войны // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. Т. II: Византийские источники. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. С. 72.

² Лев Диакон. Книга 9 // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. Т. II: Византийские источники. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. С. 209.

³ Иоанн Скилица. Обзор истории // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. Т. II: Византийские источники. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. С. 233.

⁴ Абд аль-Кадир А. Ан-Низам ас-сиясий филь-ислям. б.м., б.г. С. 110–111.

литической жизни «русского джамаата», который был обязан, в первую очередь, действовать в её интересах, а не православной власти Древней Руси.

Характер этих действий должен быть подчинён одному из важнейших теоретических положений ислама, обозначенному понятием «джихад». Он является основной функцией и задачей уммы. Смысл данного понятия можно перевести как «старание, усердие» и «борьба», направленная на распространение и утверждение ислама как внутри общины мусульман, так и во внешнем мире. Можно сказать, Джихад, согласно Муххамеду Ауфи, стал решающей причиной, побудившей русских князей, имена которых нам пока не известны, перейти в ислам. Тем самым официальная власть Древней Руси должна была их рассматривать в качестве врагов православия, действующих в интересах своих зарубежных шейхов (вождей). Рядовых граждан, придерживающихся соборных принципов прямой демократии, учение о джихаде могло расположить к себе защитой идеи социальной справедливости, не допускающей угнетение одного мусульманина другим только потому, что кто-то знатней или богаче¹.

Заключение

В результате проведённого исследования установлены факты, свидетельствующие о религиозно-политической близости Руси и Востока, интерпретация которых позволяет подтвердить предположение, что знакомство с означенными положениями ислама, укрепившееся со времен выбора веры, вполне могло сыграть важную роль в расстановке, где в самом невыгодном свете оказался не Восток, а Запад, ставший для Руси «немецкой землёй».

Полученные в ходе исследования результаты содержательно дополняют дискуссии о пути современной России на фоне беспрецедентного по своему масштабу давления со стороны «западного мира», пытающегося создать иллюзию изоляции и контрастирующего с ним прагматичного подхода со стороны восточных партнёров. Представляется, что направление цивилизационного выбора, предопределённое исторически, приобретает реальные очертания в условиях формирующегося нового мирового порядка.

Дата поступления в редакцию 31.07.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Джемаль Г. Стена Зулкарнайна. М.: Социально-политическая мысль, 2010. 372 с.
2. Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2004. 368 с.
3. Малащенко А. В. Русская мусульманская община в мировой умме // Мировая экономика и международные отношения. 2020. № 3. С. 98–104.
4. Петрухин В. Я., Раевский Д. С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 1998. 384 с.
5. Табейкина Е. К. Восточные славяне в древности: расселение, хозяйство, религиозные верования // Научный аспект. 2015. № 4-1. С. 81–86.
6. Шеппинг Д. О. Мифы славянского язычества. М.: Терра, 1997. 240 с.
7. Polk W. R. Crusade and Jihad: The Thousand-Year War Between the Muslim World and the Global North. Yale University Press, 2018. 656 p.
8. Potočnik D. Zahod in islamski svet skozi zgodovino // Edinost in dialog, 2019, no. 2, pp. 139–159.

REFERENCES

1. Dzhemal G. *Stena Zulkarnajna* [The Zulkarnain Wall]. Moscow, Socialno-politicheskaya mysl, 2010. 372 p.
2. Klyashtorny S. G., Sultanov T. I. *Gosudarstva i narody Evrazijskih stepej. Drevnost i srednevekove* [States and peoples of the Eurasian steppes. Antiquity and the Middle Ages]. St. Petersburg, 2004. 368 p.

¹ Коран, 4:75

3. Malashenko A. V. [Russian Muslim community in the world ummah]. In: *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World economy and international relations], 2020, no. 3, pp. 98–104.
4. Petruhin V. Ya., Raevsky D. S. *Ocherki istorii narodov Rossii v drevnosti i rannem srednevekov'e* [Essays on the History of the Peoples of Russia in Antiquity and the Early Middle Ages]. Moscow, 1998. 384 p.
5. Tabejkina E. K. [Eastern slavs in ancient times: settlement, economy, religious beliefs] In: *Nauchnyj aspekt* [Scientific aspect], 2015, no. 4-1, pp. 81–86.
6. Shepping D. O. *Mify slavyanskogo yazychestva* [Myths of Slavic paganism]. Moscow, TERRA, 1997. 240 p.
7. Polk W. R. *Crusade and Jihad: The Thousand-Year War Between the Muslim World and the Global North*. Yale University Press, 2018. 656 p.
8. Potočník D. Zahod in islamski svet skozi zgodovino. In: *Edinost in dialog*, 2019, no. 2, pp. 139–159.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Асонов Николай Васильевич – доктор политических наук, профессор кафедры политологии Московского педагогического государственного университета;
e-mail: nbassonov@yandex.ru

Ежов Дмитрий Александрович – кандидат политических наук, доцент Департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ;
e-mail: president@lenta.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nikolai V. Assonov – Dr. Sci. (Political Sciences), Prof., Department of Political Science, Moscow State Pedagogical University;
e-mail: nbassonov@yandex.ru

Dmitriy A. Ezhov – Cand. Sci. (Political Sciences), Assoc. Prof., Department of Political Sciences, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation;
e-mail: president@lenta.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Асонов Н. В., Ежов Д. А. Почему мусульмане не стали для Древней Руси «немцами – немymi»? // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 1. С. 55–67.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-1-55-67

FOR CITATION

Asonov N. V., Ezhov D. A. Why did not the Muslims become “Germans – deaf and dumb” for ancient Russia? In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 1, pp. 55–67.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-1-55-67

УДК 930.2

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-1-68-75

ИСТОРИЯ РУССКИХ КАЗАКОВ СЕРЕДИНЫ XVI СТОЛЕТИЯ В ЗЕРКАЛЕ РАЗРЯДНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Володихин Д. М.*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Коррекция источниковой базы раннего периода в истории русского казачества. До настоящего времени в научных исследованиях по истории древнейшего периода в истории русского казачества (XV – середина XVI столетия) учёные в основном опирались на летописные источники. Они составляли базовую, едва ли не уникальную группу источников по теме. Это значит, что редко использовались воинские списки, т. е. разрядные источники. Их введение в указанную исследовательскую тематику необходимо и весьма полезно.

Процедура и методы. Сделан обзор наиболее старых известий о военной деятельности русского казачества по разрядным источникам от начала их создания до середины правления Ивана IV, т. е. за период, когда упоминания казаков очень редки, почти единичны. Позднее они будут встречаться с большей частотой. Эта разновидность источников впервые отмечает появление собственно русских казаков в военных кампаниях Московского царства начала 1550-х гг. (период завоевания Казанского и Астраханского ханств).

Результаты. Расширена источниковая база для исследований по истории раннего казачества. Сделаны важные прагматические выводы: во-первых, на начальном этапе истории русского казачества одновременно с ним в русской армии служит значительный контингент казачества тюркского, т. е., по всей видимости, в основном татарского; во-вторых, казачество попадает на страницы разрядных источников в начале 1550-х гг., поскольку именно к этому моменту оно превращается в значительную военную силу.

Теоретическая и/или практическая значимость. Получена новая, прошедшая научную критику, информация, которая может и должна быть использована в создании интегральной картины ранней истории русского казачества XVI столетия. Итоги исследования представляют собой вклад как в историю казачества, так и в историю Российского государства.

Ключевые слова: история России, летописи, военная история, разрядные источники, служилое казачество, вольное казачество, русское казачество, татарские казаки, исторический источник, походы на Казань, царь Иван IV

RUSSIAN COSSACKS' HISTORY IN THE MIDDLE OF THE XVI CENTURY IN THE MIRROR OF DISCHARGE SOURCES

D. Volodikhin*Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract

Aim. To correct the source base of the early period in the history of the Russian Cossacks. Up until now, in scientific research on the history of the oldest period in the history of the Russian Cossacks

(15th – mid-16th century), the greatest reliance has been placed on chronicle sources. They formed a basic, almost unique group of sources on the topic. This means that military lists, i.e. discharge sources, were rarely used. Their introduction to this research topic is necessary and very useful.

Methodology. The article presents a review of the oldest news about the military activities of the Russian Cossacks according to discharge sources from the beginning of their creation to the middle of Ivan IV's reign, i. e. during the period when the mention of Cossacks is very rare and almost isolated. Later they will occur with greater frequency. This kind of sources marks the first appearance of the proper-Russian Cossacks in the military campaigns of the Muscovite Kingdom of the early 1550s, which refers to the conquest of the Kazan and Astrakhan khanates.

Results. The expansion of the source base for research on the history of the early Cossacks has been made. Important pragmatic conclusions have been drawn: first of all, at the initial stage of the Russian Cossacks' history, a significant contingent of the Turkic Cossacks, i.e., apparently, mainly Tatar, served in the Russian army at the same time; secondly, the Cossacks appeared on the pages of the discharge sources in the early 1550s, since by this point they had turned into a significant military force.

Research implications. New, scientifically credible information that can and should be used in creating an integral picture of the early history of the Russian Cossacks of the 16th century has been gained. The results of the study represent a contribution both to the history of the Cossacks and to the history of the Russian state.

Keywords: History of Russia, chronicles, military history, discharge sources, military Cossacks, free Cossacks, Russian Cossacks, Tatar Cossacks, historical source, campaigns on Kazan, Tsar Ivan IV

Введение

Появление собственно русского казачества на исторической сцене датируется 1444 г.¹ В этот момент и далее, на протяжении долгого периода, его деятельность фиксируется, главным образом, летописными источниками. Однако источниковая база может и должна быть расширена.

Разрядные источники, или, иначе говоря, воинские списки, а также списки русской аристократии, распределяемой на иные (дворцовые, например, или дипломатические) службы, начали составляться в правление великого князя московского Ивана III, приблизительно в середине 1480-х гг. [4, с. 77–78]. Разрядные книги в значительной степени опубликованы на протяжении последней трети XX – начала XXI столетий. И сообщения о казаках раннего периода там имеются. Однако до настоящего времени пользовались ими по данной теме весьма скудно. Есть целый ряд крупных трудов современных исследователей, так или иначе касающихся истории казачества

времён Московского царства, и разряды в них составляют часть источниковой базы [1; 2; 3; 4]. Но ранняя история русского казачества по сию пору изучается фактически без сколько-нибудь серьёзного внимания к разрядным источникам. Между тем разрядный источник, в силу специфики своего происхождения и назначения, всегда и неизменно отражает, в первую очередь, крупные события в военной сфере. И появление казачества на страницах источника подобного типа показывает, что оно выросло в заметную военную силу.

Цель настоящей статьи – дать обзор сообщений из разрядных книг по раннему периоду в истории русского казачества и кратко проанализировать их, что будет означать коррекцию источниковой базы по названной тематике исторических исследований.

Татарские казаки соседствуют с русскими на службе у московских государей XVI столетия

Внимательный просмотр разрядных источников за указанный период убеждает в следующем: на службе у россий-

¹ Патриаршая или Никоновская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 12. М., 2000. С. 62.

ских государей XVI столетия находились не только русские казаки, но и татарские. Более того, на протяжении нескольких десятилетий первой половины – середины XVI в. свидетельства о татарских служилых казаках прослеживаются чаще, чем о русских. Да и появляются несколько раньше.

Прежде всего, ещё в большой кампании 1505 г. под Казанью в русской армии виден крупный контингент служилых татар, притом в разрядах уточняется, что это «казаки» служилых царевичей-чингизидов. Текст разрядной записи даёт увидеть обстоятельства их отправки: «Лета 7014-го сентября в 4 день¹ пришла весть к великому князю, что царь казанский Магмедамин с людьми августа в 30 день, в субботу, возитца Суру за полтора верст от Новгорода от Нижнева. И князь великий послал, а велел быть в Муроме царевичем Салтагану да Зенаю с уланы и со князьми, и со всеми казаки. Да в Муром же послал князь великий воеводу с людьми князя Василья Даниловича Холмского...»². Под 7048 г., сообщая о нападении отряда казанских татар на русскую окраину, разряды отмечают, что часть нападающих – «казаки»³. Они присутствовали, так сказать, по обе стороны фронта.

В 1554 г. в Казанской земле полыхали волнения черемисы. Туда двинулось значительное русское полевое соединение с целью усмирить бунт. В его составе видны и татарские контингенты: «городецкие князи и мурзы, и казаки»⁴.

Их же присутствием отмечена русско-шведская война 1554–1557 гг. «Казанские князи и мурзы, и казаки, и новокрещены»

отправились вместе с русскими полками в большой поход на Выборг⁵.

Летом 1556 г., когда Иван IV вышел с полками под Серпухов «для крымского царя приходу», в его армии среди служилых татар присутствовали те же «городецкие князи и казаки». Значительный их отряд стоял под Тарусой – в том месте, где сосредоточились и 2 русских полка – Передовой и Правой руки. Вот текст соответствующей разрядной записи: «А бояре и воеводы были по полком... а стояли воеводы по разным местам: Большой полк стоял на усть Поротвы; Передовой полк и Правая рука стояли в Торусе; да в Тарусе же царевич Кайбула⁶, а с царевичем Михайла Матвеев сын Лыков. Да з городецкими князи и с казаки, и с царевыми Шиголевыми⁷ людьми Дмитрией Григорьев сын Плещеев. С служилыми татары Игнатей Тимофеев сын Загрязского. На Сенкине стояли воеводы Левые руки. На усть Лопасны стоял сторожевой полк»⁸.

Важный момент: в трудах военных историков, введённых в заблуждение известиями иностранцев о состоянии российских войск, время от времени встречаются утверждения, согласно которым московские государи охотно использовали служилых татар в конфликтах с западными соседями, но старались не применять их в войнах на востоке и юге, т. е. против воинов их веры и этнической принадлежности. Разряды свидетельствуют об обратном: отряды служилых татар, включая и татарских казаков, применялись равно в кампаниях на западе, востоке и юге.

¹ 4 сентября 1505 г.

² Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 36; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. I. М., 1977. С. 87, 90.

³ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. I. М., 1977. С. 288.

⁴ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 148; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. I. М., 1977. С. 478.

⁵ Там же. С. 505.

⁶ «Царевич Кайбула», он же Абдулла Ак-Кубеков: служилый чингизид, на 1554 год – правитель Юрьевского удела, пожалованного Иваном IV.

⁷ «Царь Шигoley» или Шах-Али: служилый чингизид, на 1554 год – правитель Касимовского удела, пожалованного Иваном IV.

⁸ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 156; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. I. М., 1977. С. 511.

1550-е годы: время появления в разрядных источниках известий о русском казачестве

Присутствие на полях сражений и в условиях разного рода иных боевых выходов собственно русского казачества как военной силы прослеживается по разрядным источникам с 1550-х гг. Если говорить точнее, то с грандиозных походов на Казань, возглавленных царём Иваном IV и потребовавших напряжения всех сил, использования всех воинских ресурсов Русского государства.

Совершенно определённо видно участие русских казаков в воинской операции, сопровождавшей строительство Свияжской крепости как форпоста русской силы, противостоящего Казани. В разрядах сообщается следующее: в августе 1551 г. Иван IV распорядился отправить под Казань «в судех» пятиполковую армию под командой князя Юрий Михайловича Булгакова. Это полевое соединение должно было также заняться строительством крепости на Свияге. «Подем», т. е. на конях, к Свиягу дополнительно двинулся отряд князя Дмитрия Ивановича Хилкова. Одновременно «изгоном», т. е. быстро, решая задачу внезапного нападения, из Нижнего Новгорода устремился к казанскому посаду отряд князя Петра Семеновича Серебряного-Оболенского, и вот как раз с ним шли «дети боярские и стрельцы, и казаки». Поскольку нигде не расшифровывается, что это казаки, скажем «городецкие» или каких-нибудь мурз, «царевичей»-чингизидов, ясно, что это отряд русского казачества.

Имеет смысл привести сообщение источника полностью: «Тово же лета августа з 10-го числа государь царь и великий князь¹ отпустил под Казань царя Шиголея Волгою в судех а с ним отпустил государь бояр своих и воевод по росписи по полком, и велел государь тогда на Свияге реке город поставить: В большом полку боярин князь Юрьи Михайлович

Булгаков да боярин и дворецкой Данило Романович Юрьев. А в передовом полку боярин князь Петр Ондреевич Булгаков Куракин да окольничей Иван Федорович Меншой Карпов. В правой руке конюшой и боярин Иван Петрович Федоров Челяднин да окольничей князь Давыд Федорович Палецкой. А в левой руке боярин Григорей Васильевич Морозов да князь Ондрей князь Васильев сын Нагаев Рамодановской. В сторожевом полку боярин Иван Иванович Хабаров да окольничей Долмат Федорович Карпов. А у царя Шиголея Михайло Михайлович Тучков, а с воеводами многие люди дворяне царя и великого князя со многих городов, дети боярские да казанские князи и мурзы, Костров князь да Чапкун, да Бурнаш с товарищи, пятьсот человек, много бо их у государя тогда было. А подем государь велел итти из Мещеры к Свияжскому городу воеводе князю Дмитрею Ивановичу Хилкову, а с ним братья ево князь Петр да князь Ондрей да князь Федор князь Ивановы дети Татеева Хрипунова. Да из Нижнева Новагорода велел государь итти изгоном на казанской посад князю Петру князь Семенову сыну Серебряному, а с ним дети боярские и стрельцы и казаки»². Любопытная картина: князь-Рюрикович высокого рода ведёт отряд, значительную часть которого составляют казаки. И это, судя по тому, что над ними нет собственного атамана (атаманов), служилые, а не вольные казаки.

Годом позднее, когда шла вооружённая борьба за Казань, закончившаяся победой русского воинства, разрядные источники вновь называют казаков участниками большого свершения. Там говорится следующее: «А к приступу Казани ходили головы стрелецкие с стрельцами, и атаманы, и казаки, и боярские и дворянские и детей боярских пешие люди, и самим велел государь всем приступать в приступ»³.

² Разрядная книга 1475-1605 гг. Т. I. Ч. I. М., 1977. С. 399.

³ Там же. С. 441, 430-431.

¹ Имеется в виду царь Иван IV.

Кроме того, стоит отметить, что казаков возглавляют не «головы», а именно «атаманы». Иначе говоря, скорее всего, это не служилые, как в предыдущем эпизоде, а вольные казаки, примкнувшие к армии Ивана IV за плату или в надежде на богатую добычу. Трудно сказать, откуда прибыл названный контингент вольного казачества. Скорее всего, одно из двух: либо с Дона, либо с Волги, где во второй половине XVI столетия были русские вольные казаки. Более правдоподобным представляется вариант именно с вольными волжскими казаками, поскольку они жили и действовали неподалёку от театра военных действий вооружённой борьбы за Казань. Но, конечно же, это не более чем гипотеза.

В 1554 г. состоялся один из самых удачных эпизодов военной истории России не то что в XVI столетии, а, пожалуй, за всё время существования страны. Относительно малыми силами и малой кровью была взята Астрахань. Очевидно, в походе на Астрахань участвовали и казаки (среди прочих воинских контингентов), поскольку отряд казаков после взятия города оставили там как важный элемент гарнизона. Разряды сообщают о военных действиях против Астраханского ханства следующее: «Тово же году¹ в апреле царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси² послал к Астрахани Дербыша царя Алея³, а с ним послал воевод своих князя Юрья Ивановича Шемякина Пронского с товарищи со многими людьми Волгою в судех. И велел государь к Астрахани приступать, сколько бог поможет. И князь Юрьи Иванович сождався в Нижнем Новгороде со всеми людьми и пошел из Нижнева Новгорода в Петров пост. А воеводы были по полком

по росписи: В большом полку воеводы князь Юрьи Иванович Шемякин Пронской да Михайло Петрович. В передовом полку воеводы постельничей Игнатей Михайлов сын Вешняков да Ширий Васильев сын Кобяков. В сторожовом полку Степан Григорьев сын Сидоров да князь Ондрей Булгак князь Григорьев сын Борятинской. А с воеводами царского величества дворяне государева двора и *дети боярские из розных городов выбором да и стрельцы, и казаки*. Да с вятченых⁴ послан к Астрахани же князь Олександр князь Иванов сын Вяземской, а быти ему в большом полку со князь Юрьем Пронским. И князь Юрьи Пронской пришол к Астрахани, и царь астраханской Енгурчей из Астрахани побегал со всеми людьми своими к морю. И государевы воеводы князь Юрьи Пронской с товарищи город, осадя, взяли. И по государеву наказу посадили на царство царя Дербыш Алея. А сам князь Юрьи Пронской пошел за царем к морю и сошел астраханского царя Енгурчю у моря. И Божиею помощию царицы ево взял⁵, а царь побегал в поле. А достальных людей астраханских князь Юрьи Пронской привел к шерти⁶, чтоб служить государю безотступно. И августа в 19 день писал к государю из Астрахани воевода князь Юрьи Иванович Шемякин Пронской с товарищи и прислали к государю с сеунчом: князь Юрьи Шемякин Пронской прислал князя Василья Ивановича Барбашина, а Михайло Головин прислал князя Микиту князь Григорьева сына Гундорова. А из передового полку от Игнатя Вешнякова пригнал князь Иван Федорович Гвоздев Приимков Ростовской; от Ширия Кобякова пригнал Сава Матвеев сын Товарыщов. Из сторожового полку от Степана Сидорова пригнал сын ево Дмитрий. А писал к государю царю и великому князю князь Юрьи Пронской с товарищи, что Астрахань взяли и царя Дербыша

¹ 1554 г.

² Царь Иван IV.

³ Дербыш-Али или Дервиш-Али – служилый чингизид, посаженный русскими войсками на ханский трон в Астрахани, впоследствии решивший, что выгоднее придерживаться не промосковской ориентации, а прокрымской и, по этой причине, изгнанный из Астрахани русскими полками.

⁴ Ратники из Вятской земли.

⁵ Иначе говоря, захватил гарем.

⁶ «Привести к шерти» – заставить принести присягу.

Алея на Астрахани посадили, которова государь с Москвы послал с воеводами, а достальных людей астраханских привели к шерти, что им государю служить неотступно, и у царя в Асторахани *оставили годовать¹ Петра Тургенева, а с ним стрельцов да казаков*. И, устроив царевича на Астрахани и государевых людей по государеву указу, пошол князь Юрий Иванович к государю к Москве Волгою в судех².

«Из городов выбором... казаки» это, конечно же, казак служилые, набранные из разных гарнизонов. Они же остались «годовать» в Астрахани под началом Петра Тургенева.

Наконец, казаки участвовали в знаменитом походе царских войск по Днепру на владения крымского хана, и этот поход помог купировать опасность очередного рейда крымцев на территорию южных областей Российского государства. Иван IV получил известия о реакции хана на превентивный удар: 20 июля 1556 г. писал «...к царю... в Серпухов из Чернигова наместник Иван Иванов сын Очин, что выбежал ис Крыму полонянин черниговец сын боярской Моисейко Дементьев, да того полоненика и самого прислал. И тот полоняник сказывал, что царь крымской ис Крыму с весны выходил и стоял на Овечьих водах шесть недель со всеми людьми, а итти было ему на царевы и великого князя³ украины. И приехал де ко царю⁴ Сенка Жапов, а привёл с собою полоненика с царевы и великого князя украины. И тот полоненик сказывал, что царь и великий князь с Москвы вышел, а стоит со многим собраньем. И царь по-

воротил со всеми людьми на черкасы⁵. И как пришел царь под Азов, и тут за ним ис Перекопи прислали, что царя и великого князя люди идут Днепром к Ислам-Кирмену. И по тем вестем царь в Крым воротился; а пришел царь в Крым перед ним в другой четверг по велице дни, а возился на Тонких водах; а под украину отпустил мурз дву дву или трех с малыми людьми языков добывати и про царя и великого князя проведати. А Моисейко Дементьев побегал ис Крыму спустя после царева приходу неделю, а про царев поход сказал, что походу его нельзя быть никуда, потому что многие люди вымерли повтреем» (т. е. от эпидемической болезни).

Разряды сообщают, что 22 июня 1556 г. Дьяк Ржевский прислал Ивану IV в Серпухов «...з Днепра ис-под Ислам-Кирмени дву казаков, Рослова Тулянина да Якуша Щеголева, з грамотою, а в грамоте писал, что ходили на крымские места, а с ними черкаские казаки, и улусы воевали и под Ислам-Кирменем и на Белогородском поле, и на Очаковском месте были и посады пожгли; и про царя⁶ им те же вести сказывали, что царь крымской со всеми людьми пошёл был на черкасы на пятигорские да воротился, а ныне в Крыме со всеми людми»⁷.

В другом варианте разрядного текста за тот же год известие имеет несколько иной вид, хотя общий смысл тот же: в Серпухов прислали «двух казаков – рославца да туленина Якуша Щеголева з грамотою», а в грамоте писано, что «ходили на крымские места, а с ними черкасы и казаки»⁸. Так или иначе ясно, что 2 посланника – русские служилые казаки из контингента, участвовавшего в походе, и, кроме того, видно участие в кампании на юге также «черкасов» – казаков с территории Малороссии (звучит точно так же,

¹ Годование: старомосковский военно-административный термин. Означал выполнение военной или гражданской службы на протяжении года. В данном случае имеется в виду гарнизонная служба при особе Дербыш-Али.

² Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 144; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. 1. М., 1977. С. 467–470.

³ «Царь и великий князь» – царь Иван IV.

⁴ «Царь» здесь: крымский хан Девлет-Гирей.

⁵ В этом контексте имеется в виду северокавказский народ черкесов. Они же «черкасы пятигорские».

⁶ Имеется в виду всё тот же крымский хан Девлет-Гирей.

⁷ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 157.

⁸ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. 1. М., 1977. С. 513.

как этноним черкесов, различить можно только по контексту).

Летопись подтверждает: в походе большую службу сослужили русские казаки, в т. ч. донцы атамана Михаила Черкашенина, а к ним присоединился отряд из «каневских черкас», т. е. казаков из малороссийского города Канева¹. Для казаков – как донских, так и днепровских – крымский хан являлся, что называется, привычным противником, и для русской армии они, надо предполагать, сыграли роль разведчиков, проводников, лёгких сил, тревожащих врага, нападающих на малые его отряды и разоряющих его селения.

Заключение

Остаётся повторить сделанные на основе углублённого прочтения разрядных источников и уже прозвучавшие выше выводы. Во-первых, значительная часть казачества на российской службе первой половины – середины XVI в. имеет тюркское этническое происхождение. Во-вторых, русские казаки, как служилые, так и вольные, начинают фигурировать в разрядных источниках как значительная (достойная упоминания) ратная сила с начала 1550-х гг., конкретно же – с казанских походов царя Ивана IV.

Дата поступления в редакцию 13.11.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М.: Мысль, 1990. 269 с.
2. Молочников А. М. Военная организация тяглого населения Русского Севера с середины XV до начала XVII века // Грани русского Средневековья: сб. статей / редкол. М. М. Кром и др. М.: Древнехранилище, 2016. С. 210–219.
3. Володихин Д. М. Полководцы Ивана III. СПб.: Петербургское востоковедение, 2017. 222 с.
4. Малов А. В., Никитин Н. И. Российское казачество на заре своей истории (XV–XVII века). М., 2023. 426 с.

REFERENCES

1. Stanislavsky A. L. *Grazhdanskaya vojna v Rossii XVII v.: Kazachestvo na perelome istorii* [The Civil War in Russia of the 17th century: The Cossacks at the turning point of History]. Moscow, Mysl Publ., 1990. 269 p.
2. Molochnikov A. M. [Russian Russian military organization of the draught population of the Russian North from the middle of the XV to the beginning of the XVII century]. In: Krom M. M., ed. *Grani russkogo Srednevekovyia* [Facets of the Russian Middle Ages. Collection of articles for the 90th anniversary of Yu. G. Alekseev]. Moscow, Drevnekhranilishche Publ., 2016. P. 210–219.
3. Volodikhin D. M. *Polkovodtsy Ivana III* [The Commanders of Ivan III]. St. Petersburg, Peterburgskoye vostokovedeniye Publ., 2017. 222 p.
4. Malov A. V., Nikitin N. I. [Russian Cossacks at the dawn of their history (15th–17th centuries)]. Moscow, 2023. 426 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Володихин Дмитрий Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: volodih@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitriy M. Volodikhin – Dr. Sci. (History), Prof., Department of Source Studies, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University; e-mail: volodih@mail.ru

¹ Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 29. М., 1965. С. 246–248.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Володихин Д. М. История русских казаков середины XVI столетия в зеркале разрядных источников // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 1. С. 68–75.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-1-68-75

FOR CITATION

Volodikhin D. M. Russian Cossacks' history in the middle of the 16th century in the mirror of discharge sources. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 1, pp. 68–75.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-1-68-75

УДК 94.(47):351.741:625.1

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-1-76-86

РАЗЫСКНЫЕ ЦИРКУЛЯРЫ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ ПОЛИЦИИ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ШПИОНАЖА НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Колпаков П. А.

*Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Реконструкция исторического опыта организации деятельности штатных служащих и агентов иностранных разведывательных служб в Российской империи на основе сведений, содержащихся в распоряжениях о розыске шпионов, поступавших в адрес жандармской железнодорожной полиции в конце XIX – начале XX вв.

Процедура и методы. Проанализированы ранее неопубликованные делопроизводственные документы Московского, Московско-Камышинского, Петроградского и Финляндского жандармских полицейских управлений железных дорог, отложившиеся в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). При проведении исследования применены хронологический, системный и проблемно-аналитический методы.

Результаты. В научный оборот введены новые фактические данные об организации наблюдения за лицами, подозревавшимися в шпионаже. Проанализированы подходы иностранных разведок к дезинформации российских властей относительно целей пребывания агентов на территории империи. Обоснована значительная роль дипломатов стран Тройственного союза в организации шпионажа в России в годы Первой мировой войны.

Теоретическая и/или практическая значимость. На основе разыскных циркуляров жандармской железнодорожной полиции раскрыты особенности негласного сбора сведений специальными службами иностранных государств. Обновлена проблематика противодействия шпионажу в условиях широкомасштабного вооружённого конфликта.

Ключевые слова: жандарм, железная дорога, железнодорожная полиция, легендирование, Первая мировая война, разведка, шпионаж

SEARCH CIRCULARS OF THE RAILWAY POLICE AS A SOURCE OF STUDYING ESPIONAGE ON THE TERRITORY OF RUSSIA IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURY

P. Kolpakov

*Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
ul. Miklukho-Maklaya 6, Moscow 117198, Russian Federation*

Abstract

Aim. To reconstruct historical experience of organizing the activities of full-time employees and agents of foreign intelligence services in the Russian Empire based on the information contained in the orders on the search for spies received by the gendarmerie railway police in the late XIX- early XX century.

Methodology. The article analyzes previously unpublished office documents of the Moscow, Moscow-Kamyshinsky, Petrograd and Finnish gendarmerie police departments of railways, deposited in the funds of the State Archive of the Russian Federation (SARF). Chronological, systemic and problem-analytical methods were used in the study.

Results. New factual data on the organization of surveillance of persons suspected of espionage have been introduced into scientific circulation. The approaches of foreign intelligence services to the disinformation of the Russian authorities regarding the purposes of the agents' stay on the territory of the empire are analyzed. The significant role of diplomats of the countries of the Triple Alliance in the organization of espionage in Russia during the First World War is substantiated.

Research implications. Based on the search circulars of the gendarmerie railway police, the features of the secret collection of information by special services of foreign states have been revealed. The problems of countering espionage in the context of a large-scale armed conflict have been updated.

Keywords: gendarme, railway, railway police, legendization, First World War, intelligence, espionage

Введение

Развитие железнодорожной сети Российской империи в XIX – начале XX вв. обусловило возникновение проблем обеспечения безопасности в пределах «чугунки». Выполнение функций общей и политической полиции на железнодорожном транспорте было возложено на специальные полицейские управления, первое из которых было учреждено в 1844 г. для охраны порядка во время строительства соединившей 2 столицы Николаевской железной дороги¹.

Начальники жандармских железнодорожных частей и подразделений в ходе своей деятельности получали циркуляры² о розыске не только лиц, причастных к криминалу или деструктивной политической деятельности, но и подозревавшихся в содействии иностранным разведкам. Отправителями этих распоряжений, как правило, являлись штаб Отдельного корпуса жандармов и Департамент полиции МВД. Накануне Первой мировой войны в обязанность жандармских полицейских управлений железных дорог было вменено контрразведывательное обеспечение стальных магистралей, осуществлявшееся

взаимодействием с контрразведывательными отделениями, губернскими жандармскими управлениями и районными охранными отделениями (где таковые не были упразднены) [6, с. 66]. Борьба с военным шпионажем являлась одним из важнейших направлений деятельности железнодорожных жандармов в годы войны [7, с. 109].

Роль жандармов в контрразведке была велика. Возглавлявший с 1913 по 1919 гг. немецкую службу военной разведки Абтейлунг III б Вальтер Николаи следующим образом отзывался о роли полиции государств Антанты в разведывательной и контрразведывательной деятельности: «Их полиция не только боролась с германской разведкой, но и принимала участие в разведке своей страны и существенно её поддерживала. Полицейские чиновники всех степеней были основательно знакомы с сущностью шпионажа» [5, с. 86].

Значительный исследовательский интерес в контексте рассмотрения контрразведывательной работы чинов жандармской железнодорожной полиции представляют разыскные циркуляры. Эти служебные документы содержали сведения о причастных и подозревавшихся в шпионской деятельности лицах, появление которых в полосе железных дорог было ожидаемо в связи с характером выполнявшихся ими задач по сбору информации.

¹ Высочайше утверждённый всеподданнейший доклад Главноуправляющего Путиями Сообщения и Публичными Зданиями. О сокращении штата Полицейского Управления Николаевской железной дороги // ПСЗРИ. СПб., 1857. Собрание II. Т. 31. Ч. 1. № 30046. С. 24–25.

² Циркуляр – письмо группе адресатов.

Актуальность исследования определяется необходимостью анализа и обобщения опыта негласного сбора информации службами военной разведки иностранных государств в пределах объектов транспортной инфраструктуры в мирное и военное время.

Наблюдение за перемещениями шпионов в пределах железных дорог

Осведомлённость о состоянии экономики, вооружённых сил, социально-политической ситуации за рубежом является конкурентным преимуществом страны, эффективно организующей разведывательную деятельность. Российская империя, будучи активно вовлечённым в европейские дела государством, неизменно была объектом шпионского интереса. Такое положение вещей было особенно актуальным в XIX – начале XX вв.

В результате победы над наполеоновской Францией Россия заняла положение регулятора международных отношений в Европе. Лидерство Империи было разрушено коалицией Великобритании, Франции, Османской империи и Сардинского королевства, которой России было нанесено поражение в Крымской войне 1853–1856 гг. В начале XX в. Российская империя оказалась втянутой в кровавый водоворот событий Первой мировой войны, спровоцированной желанием Германии осуществить колониальный передел, и стремлением Австро-Венгрии занять доминирующее положение на Балканах.

Сохранение в тайне сведений, значимых для обеспечения общественной стабильности и обороноспособности Империи, требовало реализации мер наблюдения за лицами, подозревавшимися в шпионской деятельности. Штатные сотрудники иностранных разведок и завербованные ими агенты часто прибывали в Россию железнодорожным транспортом, вследствие чего «чугунка» становилась полем их противостояния с царскими контрразведчиками.

Жандармская железнодорожная полиция наряду с губернскими жандармскими управлениями и контрразведывательными отделениями, выполнявшими руководящую роль в военно-разыскной работе, являлась элементом системы противодействия шпионажу. Контрразведывательная функция была возложена на жандармские железнодорожные части в 1910 г.¹

Разыскные циркуляры, направлявшиеся в адрес жандармских полицейских управлений железных дорог (ЖПУЖД), содержали не только описания внешности и примет шпионов, но и нередко детали их биографий, отношений с иностранными разведывательными службами и даже источники получения документов прикрытия², позволявших снижать вероятность раскрытия при пересечении границы России и во время пребывания на её территории.

Так, например, циркуляр Департамента полиции МВД от 24 июля 1892 г. ориентировал начальников ЖПУЖД в случае въезда в Россию француза Ж. Дюлейрона «подвергнуть багаж его самому тщательному досмотру, выяснить направления избранного им пути и о последующем телеграфировать Департаменту». Примечательна осведомлённость русской разведки о жизненном пути гражданина Французской республики. Проходил службу поручиком во 2-м полку французской морской пехоты, дислоцировавшемся в Бресте. В 1889 г. он, согласно распоряжению военного министерства, в дисциплинарном порядке был уволен. Спустя 3 года начал осуществлять шпионскую деятельность в интересах Австро-Венгрии. 2 июля 1892 г. Дюлейрон выехал из Тулона в Вену, имея паспорт, выданный ему тулонским мэром и визированный в русском вице-консульстве,

¹ ГАРФ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 2. Л. 42–43 об.

² Документ прикрытия – вид служебных документов, изготавливавшихся для обеспечения маскировки проводившихся разведывательных мероприятий.

с намерением, получив задание о сборе сведений, проследовать в Россию¹.

Проблема противодействия тайному сбору сведений, представлявших особую значимость для государства, в значительной степени обострилась для Российской империи в годы Первой мировой войны. На территорию России агентура противника активно засылалась через границу со Швецией. Отличительной особенностью внешнеполитического курса Швеции являлось маневрирование между интересами Антанты и Тройственного союза и извлечение преференций от своего нейтрального статуса. Прогерманские настроения шведской элиты позволяли кайзеровской военной разведке и австрийскому Эвиденцбюро использовать территорию королевства для направления шпионов через Финляндию вглубь России. Ситуация осложнялась нарастанием финского сепаратизма, ставшего ответной реакцией населения национальной окраины на повышение интенсивности политики русификации в начале XX в. «Отделенчество» являлось благодатной почвой для распространения в Финляндии симпатий к Германии, одним из выражений которых стало осуществлявшееся в пользу тайной вербовки в кайзеровскую армию «егерское движение» [3, с. 8].

В Германии и Швеции проживало много финляндских эмигрантов, в среде которых была внушительная прослойка бывших членов активного сопротивления интеграции в культурное, политическое и экономическое пространство Российской империи. Враждебность эмиграции к самодержавию, мечты об образовании независимой Финляндии при опоре на врага России – Германию – создавали предпосылки для сотрудничества с ней [2, с. 22]. Анализ разыскных циркуляров ЖПУЖД Великого княжества Финляндского подтверждает тезис об активности агентов иностранных разве-

док в пределах указанной национальной окраины Российской империи.

Так, подозревавшаяся в шпионаже шведская подданная 1896 г. р. Х.-Т. Ульссон прибыла в Финляндию 3 июня 1915 г. из Гетеборга и поступила на работу официанткой в ресторан «Бар-Кенинг» в Гельсингфорсе, проживала по Анненской ул. в д. 20, кв. 4. В ноябре выехала в г. Або, откуда вернулась в Гельсингфорс 10 марта 1916 г., наняв квартиру (кв. 35) на ул. Крейца, д. 7. В марте выехала из Гельсингфорса, и, отметившись в Выборге, убыла в Швецию. В случае появления в пределах железных дорог жандармам надлежало осуществить её тщательный досмотр и установить место направления². Примечательна детальность информации о местах пребывания Ульссон, что свидетельствует об успешности осуществлявшегося за ней наблюдения. Однако шведская подданная не была задержана, что могло быть связано либо с отсутствием объективных доказательств её причастности к шпионажу, либо с наличием более долгосрочных намерений относительно её разработки (например, для получения сведений о лицах, с которыми Ульссон контактировала).

Имели место случаи, когда поступавшие распоряжения ориентировали железнодорожных жандармов на выявление целых групп германских агентов, следовавших из Швеции. 13 января 1917 г. начальник жандармского полицейского управления Финляндских железных дорог генерал-майор Ю. Э. Фрейберг информировал подчинённых начальников отделений о том, что из Стокгольма выдвинулся агент «Германн» в сопровождении двух лиц, один из которых «итальянец, говорит на многих языках». К циркуляру для ознакомления жандармских унтер-офицеров прилагались фотографические карточки агентов³.

Подозрения в причастности к деструктивной деятельности в пользу ино-

¹ ГАРФ. Ф. 127. Оп. 1. Д. 42. Л. 132.

² ГАРФ. Ф. 495. Оп. 2. Д. 4. Л. 3–3 об.

³ Там же. Л. 1–1 об.

странных государств падали и на видных подданных Российской империи. В октябре 1914 г. жандармские офицеры станций Раумо, Мянтьюлоото, Торнео, Белоостров получили указание в случае проезда проживавшего в Лондоне бывшего члена Государственной думы I созыва А. А. Аладына, который по сведениям Департамента полиции МВД намеревался вернуться в Россию, учредить за ним неотступное наблюдение, сопровождая рядом из унтер-офицеров. Одному из них надлежало сесть в вагон к А. А. Аладину, а двум другим – в соседние вагоны. Экс-депутата предписывалось сопровождать до Петрограда, где его надлежало передать для сопровождения местным чинам, а «ежели наблюдаемый остановится на какой-либо промежуточной станции до Петрограда, то сопровождающим унтер-офицерам выяснить лично его остановку и немедленно телеграфировать соответствующему начальнику отделения для получения дальнейших инструкций»¹.

Интерес в контексте рассмотрения взаимосвязи международных отношений и немецкого шпионажа в Российской империи представляет секретный циркуляр от 5 октября 1914 г., информировавший начальников отделений жандармского полицейского управления Финляндских железных дорог о высылке из Дании группы германских шпионов и провокаторов. Документ содержит комплиментарную характеристику внешней политики этого скандинавского королевства: «... Датское Правительство ... в отношении наций Тройственного союза согласия² и особенно России питает самое благонамеренное доброжелательство, арестовало и выслоло из Дании германских агитаторов-провокаторов, которые направлялись Германским правительством в Финляндию, чтобы поселить в крае смуту и

восстание против Империи». Предполагалось, что агенты не оставят своих попыток проникнуть в Россию для выполнения поставленных задач, вследствие чего железнодорожные жандармы были ориентированы ожидать появления группы на границе со Швецией³.

Для объективного восприятия внешней политики Дании в годы Первой мировой войны необходимо отметить, что «благонамеренное доброжелательство» в отношении России не являлось её доминантой. Как и шведы, датчане лавировали между Антантой и Тройственным союзом. Коалиции получали из Дании сельскохозяйственные и промышленные товары, имели возможность вести широкую транзитную торговлю и приобретать в течение почти всего периода войны необходимое сырьё [4, с. 35].

Разыскные циркуляры железнодорожной полиции раскрывают также примеры сотрудничества России с союзниками по Антанте в борьбе со шпионажем. 24 июля 1916 г. ЖПУЖД получили секретное уведомление Департамента полиции МВД о том, что, по сведениям посольства Великобритании в Петрограде, германским военным руководством принято решение о дестабилизации ситуации в зависимом от англичан Афганистане, для чего на его территорию через Россию и Персию будет направлена партия эмиссаров. Первая группа провокаторов проследовала по маршруту Цзинань – Пекин – Чанчунь и, получив от германского посланника инструкции, 12 июня 1916 г. въехала в Россию. Группу возглавлял австриец Кестенбаум, снабжённый документом прикрытия – американским паспортом. В случае обнаружения Кестенбаума и сопровождавших его лиц железнодорожным полицейским предписывалось «установить за ним неотступное, исключаяющее возможность скрыться наблюдение, до передачи дальнейшим розыскным органам»⁴. Предоставление столь полной

¹ ГАРФ. Ф. 495. Оп. 4. Д. 4. Л. 12.

² В Европе распространённым наименованием союза Российской империи, Великобритании и Франции являлось «Тройственная Антанта» от англ. «Triple Entente».

³ ГАРФ. Ф. 495. Оп. 6. Д. 1. Л. 28.

⁴ ГАРФ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 100. Л. 87.

информации о провокаторах в данном случае, в первую очередь, находилось в интересах англичан, стремившихся предупредить беспорядки в находившемся в сфере их влияния Афганистане.

Информация, поступающая от русских разведчиков и иностранных союзников, не была единственным источником для ориентирования военно-разыскной работы железнодорожных жандармов. Требовавшие внимания и проверочных мер сведения поступали также от бдительных пассажиров, следовавших железнодорожными транспортом. Так, например, 24 июля 1914 г. на станции Седлец Московско-Киевской железной дороги был замечен ксёндз, привлёкший внимание надетым под сутаной статским платьем, а также своим рассказом о недавнем посещении Австрии¹. Документы о результатах работы полиции по этому сообщению обнаружены не были, однако очевидным представляется тот факт, что при передвижении по железным дорогам интерес шпионов, кроме собственно тайного сбора информации, составляла их непривлекательность как для внимания окружающих в целом, так и для царской полиции и контрразведки, в частности.

Использование творческих профессий для легендирования шпионов

Вопрос создания непримечательно-го образа для агента, осуществлявшего сбор сведений, носил сложный характер и, безусловно, не сводился к его внешней маскировке в пути следования. Перед разведывательными службами стояла задача легитимации, т. е. узаконивания пребывания своих шпионов на территории России, таким образом, чтобы повод, по которому они приезжали на территорию империи позволял бы выполнять подлинную шпионскую задачу визита.

Разыскные циркуляры жандармской железнодорожной полиции раскрывают интересную проблему легендирования –

деятельности вражеских разведок, направленной на дезинформацию и создание ложного представления о биографии, роде деятельности и, главное, целях нахождения агента в России.

Нередко в качестве легенды прикрытия своих шпионов немцы и австрийцы использовали участие в зрелищных мероприятиях представителей творческих профессий. Умение петь, демонстрировать фокусы или акробатические упражнения открывали возможности для получения контакта с носителем интересующих сведений или проникновения на внимательно охранявшийся объект.

Делопроизводственная документация жандармской железнодорожной полиции содержит примеры направления в Россию для выступлений и сопровождающего сбора сведений певец.

Так, 15 марта 1916 г. контрразведывательное отделение штаба Киевского военного округа секретным отношением за № 1296 информировало начальника Московского ЖПУЖД о том, что гастролеровавшие до войны в России в качестве шансонетных певиц германские подданные, немки Геди и Берта Менерт, были завербованы австрийской разведкой. Куратором певиц являлся лейтенант Гросс, который осуществлял подготовку группы террористов для совершения диверсий на объектах российских железных дорог и оборонных предприятий. Отметим осведомлённость русской разведки, добывшей сведения даже о том, что сёстры Менерт обосновались в Бухаресте в д. 12 по ул. Бельведер².

С декабря 1917 г. железнодорожная полиция преследовала цель обнаружения баварки Х. Флотовой в случае её перемещения по рельсовой дороге. Перед отъездом с «важным поручением шпионского характера» Флотова, будучи шансонетной певицей, выступала в качестве имитаторши (пародистки) в одном из Стокгольмских варьете. В ходе подго-

¹ ГАРФ. Ф. 76. Оп. 1. Д. 56. Л. 132–132 об.

² ГАРФ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 502. Л. 43.

товки шпионка специально занималась изучением карт, а затем из Стокгольма отправилась в Копенгаген, откуда в ноябре 1916 г. должна была прибыть в Россию с тем, чтобы выступать в каком-либо кафе или варьете. Она хорошо говорила по-русски, что давало основание полицейским предполагать, что Флотова уже бывала в Российской империи. Особенностью её поведения являлось устройство быта, демонстрировавшее высокий материальный достаток: она богато одевалась и останавливалась обычно в лучших гостиницах¹.

Не менее примечательным персонажем, разыскивавшимся жандармами, являлся М. Негер. Под легендой проведения мистических представлений, позиционировавший себя как иллюзионист и «король ловкости», Негер посещал воинские части, где, завязывая на первый взгляд невинные знакомства, получал возможность добывать сведения об обстановке, численности войск, военных перевозках².

Использование творческих профессий в качестве прикрытия для шпионажа не было проявлением единичных случаев. Кроме того, Германия использовала указанный подход не только в России, но и в Великобритании. 28 декабря 1916 г. штаб Отдельного корпуса жандармов уведомил Московское ЖПУЖД о получении информации от английской контрразведки, что немцы активно приобретают агентуру среди артистов-соотечественников, покинувших Германию и натурализовавшихся в других странах, преимущественно в США. Допуская проникновение таких лиц с шпионскими целями в Россию, корпусное командование призывало акцентировать внимание на представителях творческих профессий с американскими паспортами³.

Ещё одной подходящей для прикрытия шпионажа сферой являлась журналистика. По роду деятельности корре-

спонденты газет перемещались к местам интересных публичных событий и стремились извлечь информацию или оценочный комментарий у людей, сведущих в предмете происшествия. Так, 24 декабря 1914 г. ЖПУЖД получили ориентировку на выявление итальянского подданного Ф. Жюстини. По полученным по линии военной разведки и МИДа сведениям Жюстини занимался шпионажем в пользу Османской империи во время итало-турецкой войны, а в 1914 г. обманным путём получил свидетельство корреспондента газеты «*Giornale de Venezia*» и отправился для негласного сбора информации в Россию⁴.

Мобильность и множественность социальных контактов, свойственные представителям творческих профессий и журналистики, использовались иностранными разведывательными службами для маскировки шпионажа.

Коммерческая деятельность как легенда прикрытия шпионажа на территории России

Распространённой формой прикрытия германо-австрийского шпионажа в годы Первой мировой войны являлось придание деятельности агентов внешних атрибутов коммерции. Низшим звеном германской агентурной разведки в России были служащие торгово-промышленных, справочных, страховых и прочих предприятий [8, с. 30]. Например, фирма «Кунст и Альберст», активно занимавшаяся торговлей на Дальнем Востоке, имела в рядах своих сотрудников много офицеров запаса кайзеровской армии. Под вывеской знаменитой «Зингер и Ко» сформировалась целая разведывательная сеть, в которой по территориальному принципу выделялись районы, отделения и депо. Декларируя целью своей работы изучение кредитоспособности предприятий институт Шиммельпфенга собирал информацию о высокопоставленных чи-

¹ ГАРФ. Ф. 75. Оп. 1. Д. 365. Л. 2–2 об.

² Там же. Л. 4–4 об.

³ ГАРФ. 59. Оп. 1. Д. 497. Л. 17.

⁴ ГАРФ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 76. Л. 19.

новниках военных учреждений. Через банк «Дисконто Гезельшафт» финансировалось создание по всей России подконтрольных германской разведке ресторанов и отелей [10, с. 50–51].

На жандармскую железнодорожную полицию в пределах охранявшейся «чугунки» были возложены обязанности по выявлению компаний, которые могли использоваться противником для организации шпионажа. 25 февраля 1915 г. штаб Отдельного корпуса жандармов направил в адрес начальников ЖПУЖД циркуляр с грифом «Срочно. Секретно», согласно которому в целях установления правительственного надзора за деятельностью занимавшихся посредническими операциями комиссионерскими конторами, принадлежавшими подданным Германии, Австро-Венгрии и Османской империи, надлежало в двухнедельный срок направить в штаб корпуса сведения о присутствии такого рода учреждений на вверенном участке с приложением точного их перечня, уставов, указанием места нахождения владельцев (в России или за границей) и приблизительной суммы годового оборота¹. Постановка указанных вопросов перед жандармами имела цель выявить несоответствие между объявляемым положением дел и реальным состоянием коммерческих учреждений. Так, наличие сведений о больших оборотах и полное отсутствие внешних проявлений торговой активности могло свидетельствовать о том, что денежные средства распределялись через комиссионерскую контору для достижения антироссийских целей, и с получением коммерческой прибыли ничего общего не имели.

Засылка вражеских агентов осуществлялась не только под прикрытием лояльных организаций. Для обоснования въезда в Империю использовалась также торговля вразнос. Помещённый в конце 1916 г. в губернскую тюрьму Киева после изобличения в шпионаже в пользу противника

И.-В. Левандовский в ходе допроса сообщил, что распространение в России средства против сифилиса «Сальварсан» является легендой для въезжавших агентов иностранных разведок. В соответствии с циркуляром контрразведывательного отделения штаба Киевского Военного округа железнодорожная полиция была ориентирована на выявление и задержание такого рода торговых агентов².

Таким образом, на основании анализа разыскных циркуляров жандармской железнодорожной полиции допустимо классифицировать «коммерческие» легенды прикрытия на «сотрудников организаций» и «разъездных торговцев».

Участие дипломатов в организации шпионажа на территории России

Рассматривая тему шпионажа на территории Российской империи в годы Первой мировой войны и его отражения в циркулярах жандармской железнодорожной полиции невозможно обойти вниманием роль дипломатов в шпионаже.

Осуществление разведывательной деятельности под прикрытием дипломатического статуса остаётся действенным и широко применимым подходом для современных специальных служб. Высокую актуальность он имел и в период противоборства Антанты и Тройственного союза. Показательным примером является, например, факт того, что намерение Великобритании вступить в войну германское военное руководство узнало от своего военно-морского атташе в Лондоне, который первый передал соответствующую информацию на ул. Королевы Августы, где располагалась штаб-квартира военно-морских сил [9, с. 9].

В России работу немецких дипломатов по сбору информации для военных учили. Уже через 4 дня после вступления России в войну, 5 августа 1914 г. командующий Отдельным корпусом жандармов В. Ф. Джунковский уведомил гене-

¹ ГАРФ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 306. Л. 5.

² ГАРФ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 497. Л. 22.

рал-губернатора Великого княжества Финляндского Ф.-А. А. Зейна о том, что документы, находившиеся при германских консулах, покидавших Россию, будут подлежать досмотру для выявления шифров и представлявшей интерес для военного руководства информации¹.

Разыскные циркуляры, поступавшие в адрес частей жандармской железнодорожной полиции, содержат множество примеров, указывающих на участие консулов в организации деятельности шпионов, засылавшихся на территорию России, и обеспечении их документами прикрытия.

Так, в декабре 1914 г. начальники отделений Петроградского ЖПУЖД были уведомлены о том, что германский консул в Бухаресте осуществлял вербовку агентов среди румынских подданных². В содействии турецкому шпионажу также были замечены персидские консулы. Турецкие и германские агенты развернули в Персии весьма успешную пропаганду «священной войны» против России и Англии, пользуясь сочувствием, а иногда и прямой поддержкой местной жандармерии, находившейся в значительной степени под контролем шведских офицеров-инструкторов [1, с. 7]. Делопроизводственная документация железнодорожных жандармов содержит информацию, что турецкие агенты снабжались паспортами персидским консулом в Константинополе, а также генеральным консулом в Тифлисе³. При этом циркуляр от 19 ноября 1914 г. обращал внимание начальников отделений Петроградского ЖПУЖД на отсутствие в получаемых шпионами в консульстве в Тифлисе подписи виз русских консулов в Персии, что отличало такие документы от подлинных⁴.

Заключение

Анализ разыскных циркуляров жандармской железнодорожной полиции Российской империи даёт основание сделать вывод, что железнодорожные жандармы вносили весомый вклад в контрразведывательное обеспечение вверенных им стальных магистралей. Опорой для осуществления ими военно-разыскных мероприятий являлись обобщавшиеся Департаментом полиции МВД и штабом Отдельного корпуса жандармов сведения о разведывательных намерениях агентов иностранных специальных служб, а также информация от пассажиров и железнодорожных служащих о замеченных подозрительных лицах. Для рассмотренных разыскных циркуляров характерна подробность описаний передвижений шпионов, их биографий и намерений.

В годы Первой мировой войны значимость контрразведки как направления служебной деятельности железнодорожных жандармов возросла. В результате изучения делопроизводственной документации показана особая острота проблематики инфильтрации шпионов на территорию России через границу со Швецией, в т. ч. посредством въезда железнодорожным транспортом. Такое положение вещей объяснялось сильными прогерманскими настроениями шведской политической элиты, реализацией Швецией курса политического маневрирования между интересами Антанты и Тройственного союза, а также распространением сепаратистских настроений в Великом княжестве Финляндском.

Содержание разыскных циркуляров жандармской железнодорожной полиции раскрывает подходы вражеских разведок к легендированию своих агентов, т. е. информационному прикрытию их намерений и деятельности по негласному сбору сведений в интересах военного руководства в Российской империи. Шпионы въезжали в Россию под личиной пе-

¹ ГАРФ. Ф. 495. Оп. 9. Д. 1. Л. 2.

² ГАРФ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 75. Л. 245.

³ ГАРФ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 76. Л. 10, 14.

⁴ Там же. Л. 14.

виц, иллюзионистов, корреспондентов. Свойственная творческим профессиям мобильность, а также возможность заводить знакомства с носителями интересующих знаний создавали условия для эффективной работы иностранных шпионов.

Наряду с творческими профессиями для дезинформации царской контрразведки и полиции специальными службами стран Тройственного союза в качестве легенды прикрытия использовалась коммерческая деятельность. Шпионы прибывали и находились на территории Российской империи под личиной сотрудников иностранных компаний или торговых агентов.

Разыскные циркуляры жандармской железнодорожной полиции содержат сведения об участии немецких, австрий-

ских и турецких дипломатов в организации шпионажа, в частности, ими велась активная деятельность по снабжению агентов документами прикрытия.

Таким образом, делопроизводственная документация ЖПУЖД, в частности, распоряжения о розыске подозревавшихся в шпионаже лиц, представляет собой ценный источник для изучения подходов к организации вражескими разведывательными службами шпионажа на территории России. Содержание циркуляров раскрывает широкий спектр вопросов, связанных с негласным сопровождением подозревавшихся лиц наблюдением, их легендированием, а также участием дипломатов в организации негласного сбора сведений.

Дата поступления в редакцию 11.08.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Айрапетов О. Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917): 1916 год. Сверхнапряжение. М.: Кучково поле; Военная книга, 2015. 384 с.
2. Власов Л. В. Междоусобная война в Финляндии на фоне революционных событий 1918 года. СПб.: Европейский Дом, 2009. 304 с.
3. Ильинский Я. С. Финляндия. М.: Госполитиздат, 1942. 72 с.
4. Кудрина Ю. В., Рогинский В. В. История Дании. XX век. М.: Наука, 1998. 379 с.
5. Николай В. Тайные силы: Интернациональный шпионаж и борьба с ним во время мировой войны и в настоящее время / пер. с нем. под ред. К. К. Звонарева. Киев: Мария, 2015. 589 с.
6. Потёмкин И. А. Контрразведывательная деятельность полиции в структуре безопасности государства накануне и в годы Первой мировой войны // Российская полиция: три века служения Отечеству: сб. статей / под ред. В. Л. Кубышко. 2019. С. 55–70.
7. Потёмкин И. А. Основные направления деятельности и взаимодействия жандармских полицейских управлений железных дорог в годы Первой Мировой войны // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2019. № 4. С. 103–112.
8. Старков Б. А. Охотники на шпионов. Контрразведка Российской империи 1903–1914 гг. М.: Вече, 2022. 608 с.
9. Фалиго Р., Коффер Р. Всемирная история разведывательных служб: Т. 1: 1870–1939 / пер. с фр. А. Чекмарева. М.: ТЕРРА, 1997. 528 с.
10. Шидловский Л. Д. Российская контрразведка накануне и в Первой мировой войне // Академический вестник войск национальной гвардии Российской Федерации. 2019. № 4. С. 50–56.

REFERENCES

1. Airapetov O. R. *Uchastie Rossijskoj imperii v Pervoj mirovoj vojne (1914–1917): 1916 god. Sverhnaprjazhenie* [Participation of the Russian Empire in the First World War (1914–1917): 1916. Overstrain]. Moscow, Kuchkovo pole Publ.; Voennaja kniga Publ., 2015. 384 p.
2. Vlasov L. V. *Mezhdousobnaja vojna v Finljandii na fone revoljucionnyh sobytij 1918 goda* [Internecine war in Finland against the background of the revolutionary events of 1918]. St. Petersburg, Evropejsky Dom Publ., 2009. 304 p.
3. Ilyinsky Ya. S. *Finljandija* [Finland]. Moscow, Gospolitizdat, 1942. 72 p.

4. Kudrina Yu. V., Roginsky V. V. *Istorija Danii XX vek* [History of Denmark. XX century]. Moscow, Nauka Publ., 1998. 379 p.
5. Nicolai V. *Secret Forces: Internationale Spionage und deren Bekämpfung während des Weltkrieges und heute* (Rus. ed.: Zvonarev K. K., transl. *Tajnye sily: Internacional'nyj shpionazh i borba s nim vo vremja mirovoj vojny i v nastojashchee vremja*. Kiev, Marija Publ., 2015. 589 p.)
6. Potemkin I. A. [Counterintelligence activity of the police in the security structure of the state on the eve and during the First World War]. In: *Rossijskaja policija: tri veka sluzhenija Otechestvu*. [Russian police: three centuries of service to the Fatherland], 2019, pp. 55–70.
7. Potemkin I. A. [Principal areas of the activity and cooperation of gendarme departments during the First World War]. In: *Vestnik Vserossijskogo instituta povysenija kvalifikacii sotrudnikov MVD Rossii* [Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2019, no. 4, pp. 103–112.
8. Starkov B. A. *Ohotniki na shpionov. Kontrrazvedka Rossijskoj imperii 1903–1914 gg* [Spy hunters. Counterintelligence of the Russian Empire 1903–1914]. Moscow, Veche Publ., 2022. 608 p.
9. Faligo R., Koffer R. *Vsemirnaja istorija razvedyvatel'nyh sluzhb. T. 1: 1870–1939* [The World History of Intelligence services: Vol. 1: 1870–1939]. Moscow, TERRA Publ., 1997. 528 p.
10. Shidlovsky L. D. [Russian counterintelligence before and during the First World War]. In: *Akademicheskij vestnik vojsk nacionalnoj gvardii Rossijskoj Federacii* [Academic Bulletin of the troops of the National Guard of the Russian Federation], 2019, no. 4, pp. 50–56.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Петр Александрович Колпаков – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы;
e-mail: 1kolpakov1@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Petr A. Kolpakov – Cand. Sci. (History), Senior Lecturer, Department of Russian History, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba;
e-mail: 1kolpakov1@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Колпаков П. А. Разыскные циркуляры железнодорожной полиции как источник изучения шпионажа на территории России в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 1. С. 76–86.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-1-76-86

FOR CITATION

Kolpakov P. A. Search circulars of the railway police as a source of studying espionage on the territory of Russia in the late 19th – early 20th century. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 1, pp. 76–86.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-1-76-86

УДК: 9.93/94

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-1-87-96

ФИНАНСОВЫЕ ОСНОВЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЯРОСЛАВСКОГО ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В 1870 – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1914 ГГ.

Пуневский Я. В.*Государственный университет просвещения**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Изучение финансовой составляющей деятельности органов ярославского городского самоуправления в 1870 – первой половине 1914 г., расходов и доходов городского бюджета

Процедура и методы. Исследование городского бюджета предполагает использование статистических методов исследования, составление сравнительных таблиц, показывающих соотношение тех или иных отраслей бюджета города. В основе исследования лежит изучение отчётов ярославской городской управы, делопроизводственной документации, периодической печати. В работе применялись историко-системный, хронологический и сравнительно-исторический методы.

Результаты. В статье раскрыта структура доходной и расходной части городского бюджета, выявлены некоторые особенности бюджета ярославского городского самоуправления в сравнении с бюджетами городов других регионов центральной России. Сделан вывод о том, что, несмотря на дефицитный характер городского бюджета, органы городского самоуправления смогли выделять довольно значительные суммы на социальные направления своей деятельности.

Теоретическая и/или практическая значимость. Выявление особенностей бюджета органов ярославского городского самоуправления, одного из самых малоизученных регионов, в отношении истории городского самоуправления в России в 1870–1917 гг. позволяет расширить представления о самоуправлении в городах центральной России в этот период. Материалы исследования могут быть использованы в образовательной и просветительской деятельности.

Ключевые слова: городское самоуправления, бюджет, доходы, расходы, благоустройство, народное образование, общественное призрение

FINANCIAL FOUNDATIONS OF YAROSLAVL CITY SELF-GOVERNMENT FUNCTIONING IN 1870 – THE FIRST HALF OF 1914

Ya. Punevsky*Federal State University of Education**ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To study the financial component of the activities of Yaroslavl city self-government in 1870 – the first half of 1914, including the expenditure and received revenue parts of the city budget.

Methodology. The study of the city budget involves use of statistical research methods, compilation of comparative tables showing the ratio of certain sectors of the city income and expenditure estimates. The research is based on the study of the reports of Yaroslavl city council, office documentation, periodicals. Historical-systemic, chronological and comparative-historical methods were used in the work.

Results. The article reveals the structure of the revenue and expenditure part of the city budget, and identifies some features of Yaroslavl city government budget in comparison with the city budgets in other regions of central Russia. It is concluded that despite the deficit of the city budget, the city self-government was able to allocate significant amounts of money for social areas of their activities.

Research implications. The identification of the features of Yaroslavl city self-government budget, one of the most poorly studied regions in relation to the history of urban self-government in Russia in 1870–1917, allows us to expand the understanding of self-government in the cities of central Russia during this period. The research materials can be used in educational activities.

Keywords: city self-government, budget, income, expenses, improvement, public education, public charity

Введение

Финансовая составляющая деятельности городского самоуправления в России привлекает внимание исследователей своей значимостью. По мнению Р. Н. Каукиной, финансовая политика – одна из важнейших составляющих самоуправления [6, с. 35]. С этим утверждением трудно не согласиться. Е. Л. Шилкина выделяла финансы как важнейший ресурс самоуправления наряду с политическим и правовым ресурсами [15, с. 8]. Е. Н. Емельянов обратил внимание на «самодостаточность органов местного самоуправления» как способ для активации их деятельности. Такую самодостаточность мог дать хороший бюджет [5, с. 35].

Целью настоящей статьи является изучение финансовых основ деятельности ярославского городского самоуправления в 1870 – первой половине 1914 гг. Для достижения цели исследования необходимо изучить доходную и расходную части бюджета городского самоуправления, используя сравнительно-исторический подход выявить общее и особенное в ситуации в области городских финансах в Ярославле и других городах европейской России. Хронологические рамки исследования обусловлены сложившейся в историографии традицией комплексного рассмотрения самоуправления российских городов в 1870 – первой половине 1914 гг. Хронологические рамки начала исследования обуславливаются введением в действие «Городового положения» 1870 г., финальные хронологические рамки детерминированы началом Первой миро-

вой войны, самоуправление в период которой в историографии рассматривается как совершенной иной этап [12, с. 21; 14, с. 35].

Состояние бюджетов российских городов в 1870 – первой половине 1914 гг.: общероссийские тенденции и местная специфика

По наблюдению М. М. Шумилова, «хотя быство многих городов к 60-м гг. XIX в. пришло в состояние полного застоя» [16, с. 25]. Поэтому городская реформа 1870 г., предоставившая органам городского самоуправления собственные источники дохода с правом расходовать их на собственные нужды, была актуальной и необходимой. Однако и после проведения реформы бюджеты подавляющего числа российских городов были небольшими. По данным В. А. Нардовой, ко времени издания очередного «Городового положения» в 1892 г. совокупный доход 625 городов европейской части России равнялся 62 236 897 руб., причём 3/4 этой суммы (75%) приходилось на 45 городов [9, с. 49]. В начале XX в. известный журнал «Городское дело» называл финансы «больным местом» городского самоуправления¹. Ограниченность средств заставляла городские думы искать новые источники дохода: кредиты, эксплуатация городских предприятий, повышение доходности капиталов в городских общественных банках и другие [1, с. 129; 4, с. 97].

¹ Городское дело. 1909. № 1. С. 10. Городское дело. 1914. № 2. С. 67.

В то же время расходы крупных городов ощутимо выросли: в Петербурге – почти в 10 раз с 1873 по 1912 гг. [8, с. 65; 10, с. 74]. В провинции рост расходов бюджетов не был столь значительным [4, с. 89–103; 13, с. 99]. Структура и динамика доходов городского самоуправления в России коррелировалась в региональной специфике. В. Ю. Виноградов, изучивший данные большого числа губерний, ведущее место среди налоговых поступлений городского самоуправления отводит оценочному сбору [3, с. 221–222]. В. А. Нардова, обобщившая материалы по многим городам, а также Р. Н. Каукина, ориентируясь на источниковый материал Саратовской губернии, называют в качестве наиболее доходных статей городского бюджета сдачу в аренду городских земель, акциз с трактирных заведений, доход с городских имуществ, оброчных статей и городских предприятий [6, с. 33; 9, с. 54]. Нужно иметь в виду, что даже в пределах отдельно взятой губернии на протяжении рассматриваемого перио-

да структура городских бюджетов могла быть достаточно вариативной [11, с. 11].

**Доходная часть бюджета
Ярославского городского
самоуправления**

Отметим, что до 1894 г. в отчётной документации Ярославской городской управы все доходы, кроме оброчных статей, объединялись в статью «разные доходы» (включая оценочный сбор с недвижимых имуществ). Поэтому для изучения структуры доходной части бюджета ярославского городского самоуправления пришлось дифференцировать категорию «разные доходы» на наиболее значительные её составляющие: сбор с торговых и промысловых документов (включавший в себя сбор со свидетельств и билетов и сбор с патентов на выделку и продажу питей, акциз с трактирных заведений и постоянных дворов, сбор с явки контрактов), оценочный сбор с недвижимых имуществ, доходы от городских предприятий и сооружений (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Доходы Ярославского городского самоуправления 1874–1912 гг., руб., в % соотношении в доходной смете / Revenues of Yaroslavl city government in 1874–1912, in % ratio in the revenue estimate

Статьи доходов / год	1874	1880	1886	1892	1897	1904	1910	1912
Оброчные статьи (аренда городских земель и зданий)	50966 (33,92%)	64824 (48,37%)	102234 (57,61%)	114426 (58,19%)	139181 (48,42%)	151061 (29,21%)	169201 (16,06%)	195001 (20,45%)
Оценочный сбор с недвижимых имуществ	5667 (2,86%)	4502 (3,35%)	9084 (5,11%)	13627 (6,93%)	17270 (5,98%)	90496 (16,88%)	125990 (12,56%)	145399 (15,25%)
Сбор с торговых и промысловых документов	56098 (37,33%)	36460 (27,21%)	42829 (24,11%)	42500 (21,61%)	43550 (15%)	41520 (8%)	54014 (5,33%)	57182 (5,99%)
Доход от городских предприятий и сооружений (водопровод, скотобойня, ассенизационный обоз)	11900 (7,98%)	12321 (9,19%)	20610 (11,61%)	24157 (12,28%)	74447 (25,8%)	101487 (19,6%)	141897 (14,01%)	142103 (14,9%)

Источник: составлено автором по: Отчёты Ярославской городской управы за 1874–1912 гг. Ярославль, 1874–1912

Выделенные группы доходов обладали довольно существенной корреляцией на протяжении рассматриваемого периода. Если в 1870-е–1890-е гг. в структуре бюджета преобладали оброчные статьи и сборы с торговых и промысловых документов, то с начала XX в. повышается удельный вес оценочного сбора и сбора с городских предприятий. Эти данные в целом соответствуют ситуации в других регионах империи [4, с. 104; 8, с. 67–72].

Однако некоторые из выявленных закономерностей идут вразрез с общероссийскими тенденциями развития бюджетов городов в рассматриваемый период. Так, совокупная доля оброчных статей в бюджете российских городов находилась в рамках 15–25% и постоянно росла¹. А по данным журнала «Городское дело», доля оценочного сбора в структуре городских бюджетов в среднем составляла всего 3,13%². Вместе с тем оценочный сбор являлся перспективным доходом. К примеру, в г. Петербурге и на Вятке оценочный сбор долгое время являлся основным доходом городского самоуправления [1, с. 87; 8, с. 61].

Оценочный сбор рассчитывался городской управой исходя из так называемой доходности имения, которая исчислялась исходя из валового дохода имения за вычетом суммы городских повинностей, необходимого ремонта и страхования по капитализации из расчёта 7% от чистого дохода³. В случае недоимки имение передавалось в залог городскому общественному банку⁴. Налог, не внесённый к 1 октября текущего года, считался недоимкой. Сведения о неплательщиках сообщались в полицейское управление, их имущество в установленном законом порядке могло быть продано, более того, назначалось пени за неуплату налога в размере 1% в месяц, которое рассчитывалось не по чис-

лу просроченных дней, а за полные месяцы – с 15 числа каждого месяца)⁵.

В ряде случаев получение оценочного сбора было затруднено. Делопроизводственная документация Ярославской городской управы сохранила большое количество просьб различных лиц об уменьшении оценки имений. Одни обыватели ссылались «на незаконченность постройки», другие – на «бедное положение», третьи считали оценку своего имения «весьма высокой против других», четвёртые – ссылались на «грязную местность и улицу, называемую тупиком»⁶. В 1885 г. с просьбой об уменьшении оценки обратились даже наследники Н. А. Вахромеева, которые просили «уменьшить оценку фабрики с 40 000 до 35 000 руб. на том основании, что «табачная фабрика Дунаева оценена только в 280 000 руб., между тем вырабатывает не менее нашей и расположена в более благополучной части города»⁷. В случае отказа Городской управы в уменьшении оценки их имения была возможность подачи жалобы губернатору⁸.

На протяжении 1870 – первой половины 1914 гг. доходная часть бюджета Ярославского городского самоуправления показывает довольно значительный рост. Например, доходная часть бюджета 1910 г. в 6,8 раз превышала доходы 1874 г.⁹ Тенденция стремительного роста городских бюджетов была общероссийской. Так, совокупные доходы всех городов империи в 1913 г. составили 276 млн руб., что более чем в 13 раз превысило совокупный доход городов в 1871 г.¹⁰ В 1904 г. среди большинства городов империи доходная часть бюджета г. Ярославля находилась на 10 месте, хотя отставание от Москвы исчислялось более чем в 40 раз¹¹.

⁵ ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.1. Д. 2639. Л. 140б.

⁶ ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.2. Д. 2543. Л. 25–38. Д. 2573. Л. 13. Д. 2594. Л. 1.

⁷ ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.1. Д. 2544. Л. 5–6.

⁸ ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.1. Д. 2550. Л. 8.

⁹ Отчёт Ярославской городской думы за 1910 год. Ярославль, 1911.

¹⁰ Городское дело. 1914. № 3–4. С. 197.

¹¹ Рассчитано автором по данным справочника: Го-

¹ Городское дело. 1914. № 3–4. С. 199.

² Городское дело. 1913. № 21. С. 1411. Городское дело. 1909. № 3–4. С. 99.

³ ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.1. Д. 2555. Л. 170–170 об.

⁴ ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.1. Д. 2636. Л. 60.

Однако уже в 1910–1913 гг. Ярославль не вошёл в 13 городов с доходом от 1 до 2 млн руб., ещё 10 городов имели доход более 2 млн руб. Всё же учитывая, что, по данным журнала «Городское дело», бюджет 38% российских городов составлял в 1913 г. менее 25 000 руб., финансовая обеспеченность Ярославского городского самоуправления в сравнении с другими городами представляется неплохой¹.

Дефицит был большим местом бюджетов российских городов. Провинциальная газета «Голос», подшучивая над ограниченностью городских финансов, писала: «при сведении баланса городской сметы оказалось излишек 5 руб. 37 коп. Воспитанные на хронических дефицитах городские деятели не верили своим глазам и для проверки пригласили всех бухгалтеров города ... избрана комиссия для решения вопроса, что делать с этим излишком»².

При рассмотрении всех доходных и расходных смет городского бюджета за 1874–1912 гг. (за исключением 1882, 1888–1889 гг., документы по которым не сохранились) выяснилось, что за 1874–1912 гг.

10 бюджетов были сведены с дефицитом, который составил от 63 руб. в 1883 г. до 64 307 руб. – в 1909 г. Самый большой профицит бюджета был зафиксирован в 1911 г. – 114 190 руб.

Большая часть бюджетов всё-таки сводилась с некоторым профицитом. Излишки средств городская управа аккумулировала следующими способами: срочные вклады в ярославском общественном банке, 5% билеты государственного банка, текущий счёт в ярославском отделении государственного банка, наличные средства в кассе управы³.

Большой проблемой для городского общественного управления были недоимки [4, с. 88]. «Никакой усиленный контроль со стороны городского управления не мог бы предотвратить уклонения от уплаты положенных сборов», отмечали комментаторы «Городового положения» 1870 г.⁴ Недоимки накапливались из года в год, постепенно достигая внушительных размеров. Например, к 1881 г. совокупный размер недоимок в г. Ярославле достиг 39,3% от доходной сметы городского бюджета⁵ (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Недоимки Ярославской городской думы в 1874–1912 гг., руб. / Arrears of Yaroslavl City Duma in 1874–1912 , in roubles

Год	Размер городского бюджета, руб.	Размер недоимки, % от общего бюджета
1874	150253	15698 (10,44 %)
1884	155140	11063 (7,13 %)
1894	240989	17342 (7,19 %)
1904	517827	40287 (7,5 %)
1912	953361	85651 (8,98 %)

Источник: составлено автором по: Отчёты Ярославской городской управы за 1884–1912 гг.

рода России в 1904 году. СПб., 1904.
¹ Городское дело. 1914. № 3–4. С. 203.
² Голос. 1909. 11 января.

³ Отчёт Ярославской городской управы за 1876 год. Ярославль, 1877. С. 3.
⁴ Высочайше утвержденное городовое положение с комментариями. СПб., 1873. С. 121.
⁵ Отчёт Ярославской городской управы за 1881 год. Ярославль, 1882.

**Расходная часть бюджета
ярославского городского
самоуправления**

Городские думы и управы имели право расходовать средства своего бюджета на определённые направления деятельности, отнесённые к его компетенции (табл. 3), за исключением обязательных расходов, которые устанавливались ст. 139 «Городового положения» 1870 г.¹. К числу обязательных расходов относились [2, с. 409]:

1. издержки по отправлению воинского постоя и других воинских потребностей;
2. участие в расходах на содержание чинов полиции, снабжение их провиантом, вооружением и квартирами;
3. устройство и наём помещения для местного полицейского управления с отоплением и освещением;
4. производство пособий разным учреждениям и ведомствам и другие расходы.

Кроме того, городское управление было вынуждено выделять пособие государственному казначейству на усиление средств уездных судов и центральных управлений министерства внутренних дел, правда, в очень незначительном раз-
мере².

Наиболее обременительными для Ярославского городского самоуправления были расходы на содержание полиции. Отметим тенденцию к сокращению доли обязательных расходов в бюджете: в 1912 г. – более чем в 2 раза меньше, чем в 1874 г. Напротив, доходы всех российских городов на содержание разных правительственных учреждений, полиции и пожарной части возрастали и в 1909 г. составили более 152% от уровня 1884 г.³ О тяжести обязательных расходов для городских самоуправлений говорит тот факт, что за 1905–1913 гг. поступило 18 ходатайств об освобождении городов

Таблица 3 / Table 3

Обязательные расходы Ярославской городской думы в 1874–1912 гг., руб., % соотношение об общей расходной сметы / Mandatory expenses of the Yaroslavl City Duma in 1874–1912, roubles, % ratio of the total cost estimate

Предмет расходов / год	1874	1884	1894	1904	1912
Содержание полиции	18560 (18,09%)	21046 (14,09%)	28399 (11,78%)	37149 (7,04%)	69733 (7,41%)
Содержание тюремного замка	3870 (3,77%)	3773 (2,52%)	3543 (1,47%)	–	–
Расходы по отправлению воинского постоя	6080 (5,92%)	5902 (3,95%)	7639 (3,16%)	23655 (4,48%)	41761 (4,43%)
Содержание пожарной команды	15060 (14,68%)	23755 (15,90%)	26189 (10,86%)	31790 (6,02%)	53609 (5,69%)
ИТОГО	43571 (42,48%)	54440 (36,45%)	65770 (27,25%)	92594 (17,55%)	165103 (17,55%)

Источник: составлено автором по: Отчёты Ярославской городской управы за 1874–1912 годы.

¹ ПСЗ. Собрание второе. Т. 45. Отделение 1. С. 837.
² Отчёт Ярославской городской управы за 1876 год. Ярославль, 1877. С. 72–73.
³ Рассчитано автором по данным: Городское дело. 1909. № 1. С. 13.

от тех или иных обязательных расходов¹. Первый Всероссийский съезд специалистов по городскому благоустройству, состоявшийся 14 сентября 1910 г. в Одессе, призвал «освободить города от несения обязательных расходов общегосударственного характера» [11, с. 47].

Среди других составляющих расходной смете Ярославской городской управы наиболее значимыми были расходы на благоустройство города, медицинскую, ветеринарную и санитарную части, народное образование и общественное призрение (табл. 4).

Среди выделенных статей расходов наибольший удельный вес имели расходы на благоустройство города, наименьший – расходы на медицинскую, ветеринарную и санитарную части, которые

увеличиваются лишь к началу XX в. С начала XX в. наблюдается рост доходной и расходной смет бюджета города. Однако расходы на социокультурные направления и благоустройство не всегда поспевали за ростом общих расходов города. Например, в 1910 г. наблюдается спад расходов на выделенные нами сферы деятельности, в то время как бюджет 1910 г., составивший 960 157 руб., почти в 2 раза превышал бюджет 1906 г., который равнялся 482 935 руб.². В целом размер расходов Ярославской городской думы вполне сопоставим с доходами других городов империи. По данным «Городского дела» в 1909 г. расходы 50 городов российской империи составили: народное образование, общественное призрение и медицина – 43 117 руб. (26% от обще-

Таблица 4 / Table 4

Расходы Ярославской городской думы на благоустройство города, медицинскую, ветеринарную и санитарную части, народное образование и общественное призрение в 1871–1914 гг., руб. / Expenses of the Yaroslavl City Duma for the improvement of the city, medical, veterinary and sanitary parts, public education and public charity in 1871–1914, roubles

Год	Благоустройство города (в % от общей сметы)	Медицинская, ветеринарная и санитарная часть (в % от общей сметы)	Народное образование (в % от общей сметы)	Общественное призрение (в % от общей сметы)
1874	18,84%	0,38%	6,05%	4,81%
1878	6,9%	0,57%	3,7%	3,65%
1886	15,91%	0,57%	5,83%	6,22%
1890	15,61%	0,81%	4,71%	8,5%
1894	13,17%	0,59%	6,19%	4,9%
1897	12,93%	2,01%	7,98%	4,62%
1902	9,26%	4,29%	6,21%	6,16%
1906	11,4%	8,06%	9,03%	5,16%
1910	6,35%	5,47%	5,5%	5,11%

Источник: составлено автором по: Отчёты Ярославской городской управы за 1874–1912 годы. Ярославль, 1874–1912.

¹ Городское дело. 1913. № 17. С. 1116.
² Отчёты Ярославской городской управы за 1906 год. Ярославль, 1907. С. 112. Отчёты Ярославской городской управы за 1910 год. Ярославль, 1911. С. 306.

го числа расходов)¹. Расходы на благоустройство в относительных цифрах за 1880–1884 гг. по всем городам империи приведены Л. В. Кошман. В Ярославле они равнялись 19,6%. По этому показателю Ярославль опережали только 5 городов [7, с. 108].

Ограниченность городских бюджетов обуславливала большое количество долгов и кредитов. Источники для получения кредитов российскими городами были лимитированы. Основная задолженность городов приходилась на облигационные займы [9, с. 51]. Долги ряда городов к 1911 г. превысили сумму 30 млн руб. Задолженность более 1 млн руб., которая считалась крупной, была у 27 городов. Общая же задолженность всех городов империи составляла 420 млн руб. в 1911 г.² Схожая ситуация наблюдалась и в Ярославле. Например, на 1 января 1904 г. задолженность городских властей составляла 606 057 руб., среди которой были долги частным лицам, обществу взаимного страхования от огня недвижимых имуществ, заём на расширение водопровода, учреждений народного образования города и др.³ Отметим, что сумма этого долга превышала доходную часть сметы 1903 г. (536 827 руб.)⁴.

Заключение

Ситуация с бюджетами городского общественного управления была трудной. Доходная часть бюджетов городов была весьма ограничена, в то время как расходная часть бюджета – обременена большим количеством обязательных расходов. Рассмотрение бюджета Ярославского городского управления позволило выявить ряд его характерных особенностей в контексте общероссийской ситуации. Так, обязательные расходы Ярославского городского общественного управления имели тенденцию к уменьшению. На протяжении 1870 – первой половины 1914 гг. лидировавшие в структуре доходной части бюджета оброчные статьи уступили своё место оценочному сбору с недвижимых имуществ и доходам с городских предприятий. Несмотря на то, что на протяжении 1874–1912 гг. бюджет сводился Ярославской городской управой с дефицитом или небольшим профицитом, городские власти смогли выделять довольно существенные суммы на финансирование важнейших социальных направлений деятельности и городского благоустройства.

Дата поступления в редакцию 09.03.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Блудов А. М. Городское самоуправление в России на рубеже XIX–XX вв. (на материалах Тамбовской губернии). Тамбов: Изд-во Тамбовского государственного университета, 2003. 413 с.
2. Велихов Л. А. Основы городского хозяйства: Общее учение о городе, его упр., финансах и методах хозяйства. М.: Наука, 1996. 466 с.
3. Виноградов В. Ю. Становление и развитие системы городского самоуправления в пореформенный период Российской империи: 1870–1914 гг.: дис. ... док. ист. наук. М., 2005. 403 с.
4. Галямова В. Городское самоуправление второй половины XIX – начала XX вв. (по материалам Вятки). Елабуга: Изд-во ЕГПУ, 2006. 191 с.
5. Емельянов Н. А. Местное самоуправление: международный опыт. Тула: ГМРИП “Левша”, 1996. 111 с.
6. Каукина Р. Н. Деятельность органов городского самоуправления России во второй половине XIX – начале XX века (на материалах г. Саранска). Саранск: МГПУ, 2022. 118 с.
7. Кошман Л. В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: социальные и культурные аспекты. М.: РОССПЭН, 2008. 446 с.

¹ Городское дело. 1912. № 11–12. С. 734–735.

² Городское дело. 1910. № 10. С. 808–809.

³ ГАЯО. Ф.509. Оп. 1.1. Д. 1003. Л. 21–22.

⁴ Отчет Ярославской городской управы за 1903 год. Ярославль, 1903.

8. Местное самоуправление в России. Опыт Петербурга. Вторая половина XIX – начало XX века / отв. ред. В. А. Нардова. СПб.: Фонд «Спас», 2014. 541 с.
9. Нардова В. А. Самодержавие и городские думы в России в конце XIX – начале XX вв. СПб., 1994. 157 с.
10. Нардова В. А., Сухорукова А. С., Чистиков А. Н. Городское хозяйство Петербурга. XIX – начало XX века. СПб.: Фонд «Креатив», 2014. 399 с.
11. Сергиенко М. А. Деятельность органов городского самоуправления провинциальной России в конце XIX – начале XX вв. (на материалах Курской губернии). Белгород: ООО «Эпицентр», 2016. 204 с.
12. Судавцов Н. Д. Земское и городское самоуправление в России в годы Первой мировой войны. М., Ставрополь: Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2001. 718 с.
13. Ташлыков А. Ю. Астраханская городская дума в пореформенный период (1870–1918 гг.): опыт функционирования городского общественного управления. дис. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2011. 198 с.
14. Чудаков О. В. Городское самоуправление Сибири в годы Первой мировой войны, период социальных катаклизмов (июль 1914 – первая половина 1918 гг.). Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2013. 422 с.
15. Шилкина Е. Л. Местное самоуправление: история и современность. Шахты: изд-во РГПУ, 2002. 195 с.
16. Шумилов М. М. Новгородское городское самоуправление в 60–80-е гг. XIX века // Местное самоуправление в России: история и современность: материалы региональной научно-практической конференции / сост. Б. Н. Ковалев. Новгород, 1997. С. 25–30.

REFERENCES

1. Bludov A. M. *Gorodskoe samoupravlenie v Rossii na rubezhe XIX–XX vv. (na materialakh Tambovskoi gubernii)* [Urban self-government in Russia at the turn of the 19th–20th centuries (based on the materials of the Tambov province)]. Tambov, Izd-vo Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2003. 413 p.
2. Velikhov L. A. *Osnovy gorodskogo khoziaistva: Obshchee uchenie o gorode, ego upr., finansakh i metodakh khoz-va* [Fundamentals of urban economy: General teaching about the city, its management, finances and methods of household]. Moscow, Nauka Publ., 1996. 466 p.
3. Vinogradov V. Iu. *Stanovlenie i razvitie sistemy gorodskogo samoupravleniia v poreformennyi period Rossiiskoi imperii: 1870–1914 gg.: dis. ... dok. ist. nauk* [Formation and development of the city self-government system in the Post-Reform Period of the Russian Empire: 1870–1914: Dr. Sci. thesis in Historical Sciences]. Moscow, 2005. 403 p.
4. Galiyeva V. *Gorodskoe samoupravlenie vtoroi poloviny XIX – nachala XX vv. (po materialam Viatki)* [Municipal self-government of the second half of the 19th – early 20th centuries. (based on the materials of Vyatka)]. Elabuga, Izd-vo EGPU Publ., 2006. 191 p.
5. Emelianov N. A. *Mestnoe samoupravlenie: mezhdunarodnyi opyt* [Local self-government: international experience]. Tula, GMRIP “Levsha” Publ., 1996. 111 p.
6. Kaukina R. N. *Deiatel'nost' organov gorodskogo samoupravleniia Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka (na materialakh g. Saranska)* [Activity of the municipal self-government bodies of Russia in the second half of the 19th – early 20th century (based on the materials of Saransk)]. Saransk, MGPU Publ., 2022. 118 p.
7. Koshman L. V. *Gorod i gorodskaya zhizn v Rossii XIX stoletii: sotsialnye i kulturnye aspekty* [The city and urban life in Russia of the 19th century: social and cultural aspects]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008. 446 p.
8. Nardova V. A., ed. *Mestnoe samoupravlenie v Rossii. Opyt Peterburga. Vtoraia polovina XIX – nachala XX veka* [Local self-government in Russia. The experience of St. Petersburg. The second half of the 19th – the beginning of the 20th century]. St. Petersburg, Fond «Spas» Publ., 2014. 541 p.
9. Nardova V. A. *Samoderzhavie i gorodskie dumy v Rossii v kontse XIX – nachale XX vv.* [Autocracy and City councils in Russia in the late 19th –early 20th centuries]. St. Petersburg, Izd. Firma Publ., 1994. 157 p.

10. Nardova V. A., Sukhorukova A. S., Chistikov A. N. *Gorodskoe khoziaistvo Peterburga. XIX – nachalo XX veka* [Urban economy of St. Petersburg. 19th – early 20th century]. St. Petersburg, Fond “Kreativ” Publ., 2014. 399 p.
11. Sergienko M. A. *Deiatelnost organov gorodskogo samoupravleniia provintsialnoi Rossii v kontse XIX – nachale XX vv. (na materialakh Kurskoi gubernii)* [Activity of municipal self-government bodies of provincial Russia in the late 19th – early 20th centuries (based on the materials of the Kursk province)]. Belgorod, OOO «Epitsentr» Publ., 2016. 204 p.
12. Sudavtsov N. D. *Zemskoe i gorodskoe samoupravlenie v Rossii v gody Pervoi mirovoi voyny* [Zemstvo and city self-government in Russia during the First World War]. Moscow, Stavropol, Izd-vo Stavropol. gos. un-ta Publ., 2001. 718 p.
13. Tashlykov A. Iu. *Astrakhanskaia gorodskaiia дума v poreformennyi period (1870–1918 gg.): opyt funktsionirovaniia gorodskogo obshchestvennogo upravleniia. dis. ... kand. ist. nauk* [Astrakhan City Duma in the post-reform period (1870–1918): the experience of functioning of urban public administration: Cand. Sci. thesis in Historical Sciences]. Astrakhan, 2011. 198 p.
14. Chudakov O. V. *Gorodskoe samoupravlenie Sibiri v gody Pervoi mirovoi voyny, period sotsialnykh katastrof (iiul 1914 – pervaiia polovina 1918 gg.)* [Urban self-government of Siberia during the First World War, the period of social cataclysms (July 1914 – the first half of 1918)]. Omsk, Izd-vo Omskogo gos. un-ta Publ., 2013. 422 p.
15. Shilkina E. L. *Mestnoe samoupravlenie: istoriia i sovremennost'* [Local self-government: history and modernity]. Shakhty, Izd-vo RGPU Publ., 2002. 195 p.
16. Shumilov M. M. [Novgorod city self-government in the 60–80s of the XIX century]. In: Kovalev B. N., ed. *Mestnoe samoupravlenie v Rossii: istoriia i sovremennost: materialy regionalnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Local self-government in Russia: History and Modernity: materials of the regional scientific and practical conference]. Novgorod, 1997, pp. 25–30.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пуневский Ярослав Викторович – аспирант кафедры истории России средних веков и нового времени факультета истории, политологии и права Государственного университета просвещения; e-mail: moskva221090an@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yaroslav V. Punevsky – Postgraduate Student, Department of the History of Russia of the Middle Ages and Modern Times, Faculty of History, Political Science and Law, Federal State University of Education; e-mail: moskva221090an@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Пуневский Я. В. Финансовые основы функционирования Ярославского городского самоуправления в 1870 – первой половине 1914 гг. // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 1. С. 87–96.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-1-87-96

FOR CITATION

Punevsky Ya. V. Financial foundations of Yaroslavl city self-government functioning in 1870 – the first half of 1914. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 1, pp. 87–96.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-1-87-96

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94 (3)

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-1-97-107

ЭТНОГЕНЕЗ БАЛТИЙСКИХ ПЛЕМЁН В КОНТЕКСТЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

Алексеев К. А.

*Тверская государственная сельскохозяйственная академия
170100, г. Тверь, ул. Василевского, д. 7, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Определить исходный ареал и временные границы миграции носителей балтских диалектов на территорию Прибалтики.

Процедура и методы. Проведён анализ данных палеогенетики с выявлением митохондриальных компонент, маркирующих балтский этнический пласт генофонда Прибалтики.

Результаты. Сделан вывод о прибытии древнейших балтов на исторические места обитания из ареала среднеднепровской культуры, первоначально в бассейн Западной Двины. В дальнейшем балты расселялись в направлении Немана и Вислы, прививая свой язык населению жуцевской (приморской) культуры.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обобщены новейшие данные палеогенетики, которые позволяют определить место балтийской группы диалектов в системе нордической макро-группы индоевропейской семьи и сделать системные выводы о первичном ареале обитания носителей культур шнуrowой керамики (включая славян и германцев).

Ключевые слова: балты, жуцевская культура, индоевропейцы, культура шнуrowой керамики, митохондриальные гаплогруппы, среднеднепровская культура

ETHNOGENESIS OF THE BALTIC TRIBES IN THE CONTEXT OF THE INDO-EUROPEAN PROBLEM

K. Alekseev

*Tver State Agricultural Academy
ul. Vasilevskogo 7, Tver 170100, Russian Federation*

Abstract

Aim. To determine the initial area and time boundaries of migration of Baltic dialects speakers to the territory of the Baltic region.

Methodology. An analysis of paleogenetic data was carried out to identify those mitochondrial components that mark the Baltic ethnic layer of the Baltic gene pool.

Results. Based on the results of the study, it was concluded that the ancient Balts arrived in their historical habitats from the area of the Middle Dnieper culture, initially the Western Dvina basin.

Subsequently, the Balts settled in the direction of the Neman and Vistula, instilling their language into the population of the Zhutsev (Seaside) culture.

Research implications. The latest paleogenetics data are summarized, which make it possible to determine the place of the Baltic group of dialects with the system of the Nordic macro-group of the Indo-European family and to draw systematic conclusions about the primary habitat of the carriers of the Corded Ware cultures (including the Slavs and Germans).

Keywords: Balts, Zhutsevo culture, Indo-Europeans, Corded Ware culture, mitochondrial haplogroups, Middle Dnieper culture

Введение

Проблема этногенеза балтов, как, в прочем, и любой другой диалектной группы индоевропейской семьи, сводится к определению времени и места начала самостоятельного бытия конкретной диалектной группы, уже обособившейся от любых промежуточных языковых общностей.

С подачи американской исследовательницы литовского происхождения М. Гимбутас устоялась точка зрения, что балты как сепаратная диалектная группа начали своё бытие в рамках жуцевской культуры (по эпонимному памятнику Rzucewo близ польской Гдыни) бронзового века [3, с. 56]. Другие наименования той же культуры – *висло-неманская* или *приморская* – достаточно точно очерчивают ареал её распространения.

Анализ генофонда населения Прибалтики в бронзовом и железном веках

Мы ставили своей задачей на основе новейших данных палеогенетики описать состав древнейшего генофонда населения Прибалтики в бронзовом и железном веках, выявить те митохондриальные гаплогруппы (MtHg), которые могут маркировать собственно балтский этнический кластер и, наконец, определить откуда (из ареала какой археологической культуры) и когда носители этих генов могли прибыть в Прибалтику (табл. 1).

В ходе анализа установлено, что генофонд населения Прибалтики распадается на несколько хронологических пластов и этнических кластеров внутри них:

Таблица 1/ Table 1

Состав генофонда древнего населения Прибалтики / Composition of the gene pool of the ancient population of the Baltic region

Митохондриальная гаплогруппа	Место	Дата
1. U5a1b	могильник Звейниеки, Лимбажский край Латвии	4280±60 BP (Ua-19811)
2. U5a1c1	Kivutkalns, устье Западной Двины, Латвия	805–515 calBCE
3. H4a1a1a3	Turlojiske, Литва	1010–800 calBCE
4. H10a	Kivutkalns	730–400 calBCE
5. H28a	Kivutkalns	800–545 calBCE
6. H1b1	Kivutkalns	810–560 calBCE
7. H1b2	Kivutkalns	730–390 calBCE
8. H1c	Kivutkalns	790–535 calBCE
9. T1a1b	Kivutkalns	800–545 calBCE
10. J1b1a1	Kivutkalns	405–230 calBCE

Источники: [28; 29]

– *нулевой пласт*: гаплогруппа U5a1c1 (10% популяции) – автохтонная, мезолитическая, точные совпадения: Железные Ворота (Сербия, 5365 г. до н. э.), но гораздо важнее, что предковый субклад – U5a1c – встречается в самой Латвии дважды в том же самом могильнике (один датирован 5575 г. до н. э.) [28, sarr.tab. 1].

– *первый пласт*: гаплогруппа H28a (10% популяции) ранее в Прибалтике не обнаруживалась, зато встречается в культуре шаровидных амфор в Польше (2440 г. до н. э.) [28, sarr.tab. 1]. Аналогично происхождение гаплогрупп H1b2 и H1b2 (ещё 20% популяции) – ранее в Прибалтике не обнаруживались, в чистом виде аналогий также не удалось обнаружить, однако предковый субклад – H1b – встречается на том же памятнике КША в Польше, что и MtHg H28a [28, sarr.tab. 1].

Таким образом, около 30% популяции будущих балтов – это носители культуры шаровидных амфор. В силу этого вполне можно согласиться с мнением Э. Зальцмана, что именно носители КША сформировали жуцевскую культуру (наиболее ранние её древности, ещё не имевшие шнурового облика) [10, с. 22; 11]. Они ассимилировали, вероятно, малочисленный автохтонный субстрат Висло-Неманского междуречья (в отношении 3:1), но ещё не были собственно балтами, хотя вполне могли быть какой-то тупиковой ветвью индоевропейцев, учитывая происхождение КША от Ленгиеля [15, с. 80], и этнический статус Ленгиеля как западной ветви индоевропейской семьи [1]. По этому же основанию гаплогруппу H10a (10% популяции) мы можем отнести к наследию КША. Группа очень редкая, прямых аналогов мы ей не нашли, а предковый субклад H10 единственно встречается в неолитической культуре Сопот в Хорватии [28, sarr.tab. 1]. Если согласиться с мнением В. А. Сафронова о том, что культура Сопота участвовала в формировании культуры Ленгиель [16, гл. 6], то выстраивается вполне логичная

цепочка: Сопот – Ленгиель – КША – Жуцево.

Проникновение носителей КША в Прибалтику и формирование *протофазы* жуцевской культуры датируется 2520 г. до н. э. (Ki-11352, поселение Приморское, быв. Вальдбург в Восточной Пруссии) – 2470 г. до н. э. (Lod-290, Жуцево) [9, с. 115, 124].

Модель многофазного формирования жуцевской культуры предполагает, что в некоторый момент истории в ареал уже существовавшей культуры мигрируют носители шнуровой керамики и именно они прививают местному населению балтский язык; Жуцевская культура становится собственно балтской.

С этой второй (*классической*) фазой развития культуры связан *второй пласт генофонда*. Однако проблема заключается в том, что этот второй пласт генофонда распадается на несколько кластеров, каждый из которых имеет оригинальное происхождение и мог принести балтский язык в Прибалтику.

Тюрингский кластер назван так в силу гипотезы Л. Килиан о происхождении Жуцевской культуры от тюрингского варианта культуры шнуровой керамики, что подтверждается частым нахождением амфор тюрингского типа (А-амфор) на поселениях Прибалтики [9, с. 18, 26]. Действительно, гаплогруппа J1b1a1 (10% балтской популяции) подтверждает приход носителей шнуровой керамики из Германии (точный аналог встречается в Тифбрюнне, Бавария, 2144 г. до н. э.) [28, sarr.tab. 1].

К тюрингскому кластеру возможно отнести группу H1c. Как и во многих других случаях, прямых аналогов мы не встретили, однако предковый субклад – H1 – обнаруживается в культуре Рёссён (Ангальт, около 3700 г. до н. э.) [23, р. 356, 369, tab. 11.2]. Правда, аналогичный предковый субклад H1 мы обнаруживаем и в Деревке на Днепре (4045 г. до н. э.) [28, sarr.tab. 1], а это заставляет нас разделить вероятность отнесения гаплогрупп

пы Н1с в равных долях к тюрингскому и днепровскому кластерам.

Аналогичная ситуация с гаплогруппой T1a1b – точных аналогов нет, зато предковый субклад – T1a1 – встречается в германских культурах Северного Круга, но происходит с Днепра [2, с. 158, 164]. Встречаемость этого субклада в Малой Польше и Баварии [25, tab. S3] позволяет проследить путь носителей шнуровой керамики по Европе, но это не входит в предмет настоящего исследования.

Время появления тюрингского кластера в Прибалтике определяется необходимостью носителям культуры шнуровой керамики на своём пути из Центральной Германии миновать ареал великопольско-мазовецкой группы культуры шнуровой керамики (предположительно, праславянской). Появление в польской Куявии древностей из Центральной Германии синхронизируется с памятником Siniarzewo близ Вроцлавека (4180±40 BP, 2230 г. до н. э.) [24, р. 39, 41, taf. 63]. Только после этой даты носители тюрингских амфор могли появиться в Висло-Неманском междуречье, в ареале Жуцевской культуры. Наиболее явственно присутствие КШК обнаруживает себя в материалах поселения Швянтойи 1А (А-топор, А-амфора, сосуды с налечами), имеющего самую раннюю дату 4120±80 BP (ТА-246, 2170 г. до н. э.) [8, с. 52].

Днепровский кластер назван так в силу гипотезы Х. А. Моора о происхождении Жуцевской культуры от среднеднепровской культуры шнуровой керамики [14, с. 16–17]. И хотя современный специалист по приморской культуре Эдвин Зальцман безапелляционно и категорично отрицает участие среднеднепровской культуры [9, с. 26], однако палеогенетические данные доказывают ошибочность подобных суждений. Гаплогруппа U5a1b (10% популяции) ранее в Прибалтике не встречалась, зато многократно отмечена в неолитической Дереевке на Днестре (4350, 4260 гг. до н. э.) [2, с. 163]. Её появление в Прибалтике следует датировать

2330 г. до н. э., т. е. на столетие раньше тюрингского кластера.

В системной связи с палеогенетикой оказываются данные археологии – покойный носитель гаплогруппы U5a1b был погребён в овальной могильной яме в Звейниекки [22, с. 52]; такая форма устройства погребений была присуща среднеднепровской культуре на среднем этапе её развития [22, с. 39].

Анализируя культурные влияния на Жуцево, Э. Зальцман отмечает *очень много черт сходства* между приморскими древностями и материалами культуры Злота [9, с. 26]. Этот вывод находит подтверждение в данных палеогенетики, в силу чего мы выделяем *кластер Злота*. К нему, вероятно, относится гаплогруппа H4a1a1a3 (последние 10% популяции). Точных аналогий нами не обнаружено, однако предковый субклад – H4a1a1a – встречен в культуре воронковидных кубков (Święcica близ Сандомира, в ареале будущей культуры Злота) [25, tab. S1]. Учитывая участие воронковидных кубков в формировании Злоты [4, с. 202], воронковидный субстрат, несомненно, мог передать свои гены мигрантам из Злоты, позднее пришедшим в Прибалтику. Время их появления на поселениях жуцевской культуры определяется обнаружением амфоры культуры Злота в горизонте 12 поселения Ушаково-3 (Калининградская область) [10, с. 18, рис. 11:8]. Датировки горизонта 12 не проводились, но его расположение между горизонтом 11 (3510±90 BP) и горизонтом 13 (4430±60 BP) [10, с. 35] даёт среднюю дату 2020 г. до н. э., что на столетие позднее появления тюрингского кластера.

Результаты анализа генофонда древнего населения Восточной Прибалтики представлены в таблице 2.

В своё время О. Н. Трубачев проанализировал существующие лингвистические концепции происхождения балтских диалектов [21, с. 134]. Все они распадаются на 2 большие группы: одни исследователи (Т. Лер-Сплавинский, В. Пизани,

Таблица 2 / Table 2

Кластерный анализ генофонда населения Прибалтики в бронзовом и железном веках / Cluster analysis of the gene pool of the Baltic population in the Bronze and Iron Ages

Пласт или кластер	Составляющие группы	Время появления в Прибалтике	Доля в генофонде
Нулевой пласт	U5a1c1	автохтонная	10%
Пласт КША	H28a H1b2 H1b2 H10a	2520 г. до н. э. 2470 г. до н. э.	40%
Тюрингский кластер КШК	J1b1a1 H1 (½) T1a1b (½)	2230 г. до н. э. 2170 г. до н. э.	20%
Днепровский кластер КШК	H1 (½) T1a1b (½) U5a1b	2330 г. до н. э.	20%
Кластер Злота	H4a1a1a3	2020 г. до н. э.	10%
Итого			100%

Источник: составлено автором

Б. В. Горнунг, В. Н. Топоров, В. В. Иванов, В. В. Мартынов, В. В. Седов) с разными модификациями развивали идею изначального сатемного балто-славянского единства как промежуточной фазы истории обеих групп после выделения из индоевропейской семьи. В качестве доказательства приводится свыше 1600 сепаратных балто-славянских изоглосс. Другие лингвисты (А. Мейе, В. Шмид, Г. Майер, О. Н. Трубачев) говорили о независимом параллельном развитии балтского и славянского, с вероятной вторичной конвергенцией, в ходе которой и возникли многочисленные изоглоссы.

Подчеркнём, что ни одна из этих концепций не предполагала наличия некоего промежуточного балто-германского единства, что неудивительно при наличии всего 22 балто-германских изоглосс [12, с. 167] против 1600 балто-славянских. Таким образом, с точки зрения лингвистики как отправной базы для всего индоевропейского дискурса, мы должны исключить любую возможность совместного, сепаратного проживания балтов и германцев в одном ареале в не-

который момент истории. Мы также исключаем возможность происхождения носителей балтских диалектов (жуцевской культуры) из того же ареала (из Тюрингии), из которого происходят носители германских диалектов (культуры одиночных погребений и других культур Северного круга).

В силу этого имея прямое генетическое доказательство прихода около 2200 г. до н. э. носителей тюрингских амфор в ареал уже возникшей и длительное время существовавшей жуцевской культуры (2520–2230 гг. до н. э.), мы должны признать, что тюрингский кластер не мог быть носителем балтских диалектов, но вероятно, был носителями какой-то тупиковой ветви германского. Эти германцы были ассимилированы насельниками жуцевской культуры, хотя сильно повлияли на внешний (материальный) облик культуры Прибалтики.

Заведомо исключив тюрингский кластер из числа вероятных носителей балтских диалектов, мы должны сосредоточиться на 2 других кластерах культуры шнуровой керамики – днепровском и

Злота. При этом мы полагаем, что численность и время появления в Прибалтике принципиального значения не играют – даже самая поздняя волна миграции (из ареала Злота, 2020 г. до н. э.), чья доля в генофонде составила лишь 10%, вполне могла стать элитой общества и навязать ему свой язык. Аналогичным образом самая ранняя волна миграции, а это была днепровская (2330 г. до н. э.), соотношение с местным населением 2:5 в момент появления в Прибалтике, могла стать элитой, привить свой язык и ассимилировать обе последующие волны: как тюрингскую (безусловно ассимилированную), так и злотскую.

Единственным критерием, на наш взгляд, для разрешения данной исторической инвариантности является основание длительной культурной традиции. В частности, древности могильника Селга (4165±60 BP, Саулкрастский край Латвии) обнаруживают сходство с материалами Звейниекы [26, р. 313]. Кроме того, те носители шнуrowой керамики, которые были погребены в могильнике Звейниекы (и с т. зр. палеогенетики, несомненно, происходили с Днепра), пользовались браслетами со специфическим орнаментом, каковые в дальнейшем встречаются в могильнике Абора-1 (1920–1820 гг. до н. э.) на Лубанской равнине [22, с. 52, 56]. Таким образом, носители днепровского кластера генофонда основали культурную традицию, которая длилась более 400 лет.

О культурном влиянии Злоты тако-го сказать нельзя, скорее наоборот: существует вероятность того, что это жуцевская культура оказывала влияние на Злоту, в которой обнаруживается немало изделий из балтийского янтаря [9, с. 26]. Всё это создаёт видимость торгового и культурного обмена между равными контрагентами, что исключает возможность культурного доминирования одного из них и, соответственно, навязывания своего языка.

В целом же и Х. А. Моор и И. И. Артеменко предельно правильно определили

метод, которым можно установить факт и степень участия среднеднепровской культуры в сложении висло-неманской культуры – *«этот вопрос может быть уяснен после того, как будут изучены памятники в Белоруссии»* [14, с. 16], *«в междуречье Верхнего Днепра и Немана»* [22 с. 42], и будут найдены связующие звенья между двумя культурами.

В последние годы пограничье Белоруссии, Смоленщины и Псковщины достаточно интенсивно изучается археологами [6; 27]. Здесь был выделен локальный вариант культурно-исторической общности шнуrowой керамики – *северо-белорусская культура* [18, с. 221; 19]. При этом было установлено, что на поселении Сертея II (близ Велижа на Западной Двине) имеется несомненно пришлая (по терминологии авторов – импортная) керамика, которую характеризует примесь дресвы и лоскутная техника (преобладают в постройке № 3) [13, с. 239, 240; 27]. Данные керамические «импорты» петербургская исследовательница Е. С. Ткач определяет как происходящие из среднеднепровской культуры [17, с. 165].

Присутствие среднеднепровской культуры на Ксендзовой Горе близ Быхова несомненно и синхронизируется с поселением той же культуры Прорва-4 близ Рогачева [30]. Прорва-4 имеет 2 даты: 4299±110 BP (SPb-1992), 4200±120 BP (SPb-1774) [5]. Таким образом, проникновение носителей среднеднепровской культуры на Верхний Днепр мы, безусловно, должны приурочить к 2349 г. до н. э. Вопрос следующий: проникают ли носители среднеднепровской культуры далее на север и переходят ли на Западную Двину в соответствии с данными археологии?

Мы критически относимся к вероятности того, что *сосуды горшечников* могли быть предметом торговли или культурного обмена. Мы полагаем, что появление любого столь хрупкого и массового предмета может быть связано только с миграцией некоторой группы населения,

которая на новом месте жительства сохраняет и воспроизводит традиционную керамическую технологию.

В силу этого мы убеждены, что носители среднеднепровской культуры действительно переходят с Днепра в бассейн Западной Двины и проникают на поселение Сертея II. Этот момент определяется по датировкам постройки № 3: 4280 ± 160 BP (Ле-6197), 4200 ± 120 BP (SPb-1179) [7, с. 79, 81], что синхронно с датировками Прорвы-4 и Ксендзовой Горы. Спускаясь вниз по Двине, носители среднеднепровских генов (гаплогруппы U5a1b) проникают в Латвию (Звейниекы, 2330 г. до н. э.). Таким образом, археологические и палегенетические данные оказываются в системной связи друг с другом, причём археология позволяет проследить путь носителей днепровских генов: Прорва-4 – Ксендзова Гора – Сертея II – Звейниекы.

Заключение

Перед нами ряд неоспоримых фактов:

1. носители среднеднепровской культуры действительно около 2330 г. до н. э. присутствуют на поселении Сертея II в бассейне Западной Двины;

2. митохондриальные гаплогруппы (U5a1b и другие), бытовавшие на Среднем Днестре со времён Неолита (Деревка) действительно обнаруживают себя в Латвии (Звейниекы) синхронно с появлением днепровцев на Западной Двине – около 2330 г. до н. э.;

3. культурные традиции Звейниекы получают продолжение в Абора-1 (1920 г. до н. э.), когда население Латвии уже несомненно говорило на балтских диалектах.

В силу этого мы можем утверждать следующее:

- около 2330 г. до н. э. имела место миграция носителей среднеднепровской культуры шнуровой керамики в Латвию, которые по лингвистическому статусу были прото-балтами;
- численность носителей среднеднепровской культуры (прото-балтов), вероятно, составляла паритет с мест-

ным населением (1:1). В силу этого носители среднеднепровской культуры оказали ключевое влияние на возникновение латышского варианта культуры шнуровой керамики (ладьевидных топоров), привив все-му местному населению балтский диалект индоевропейского языка;

– территория современной Латвии стала центром распространения традиций культуры ладьевидных топоров и балтских диалектов. Носители шнуровой керамики (балты) проникают отсюда на север – в Эстонию и Финляндию, но там их влияние сказывается только в материальной культуре, тогда как в духовном (лингвистическом) аспекте балты оказываются ассимилированы финно-уго-ским субстратом, который сумел сохранить свой язык до настоящего времени;

– проникновение балтов из Латвии в направлении Немана и Вислы оказалось более продуктивно. На поселении Цедмар А (датируется 3690 ± 110 BP, Ле-1320) в Восточной Пруссии (современная Калининградская область России) обнаруживаются изделия из кости, аналогичные, найденным в могильнике Селга в Латвии (2215 г. до н. э.), относящимся к кругу памятников типа Звейниекы [20, с. 86, 93]. Это доказывает, что культурные традиции, принесённые балтами среднеднепровской культуры в Звейниекы, продолжают бытовать не только на территории самой Латвии (в Абора-1), но проникают вплоть до Восточной Пруссии и прочно удерживаются там.

В Восточной Пруссии и в Литве балты встречаются с этническим конгломератом жуцевской культуры шнуровой керамики, в котором участвовали автохтонные элементы, а также мигранты из тюрингского ареала шнуровой керамики и носители культуры шаровидных амфор. До появления балтов в жуцевском конгломе-

рате, начиная с 2200 г. до н. э., доминировал тюрингский кластер (некоторая тупиковая ветвь германцев). Соотношение жуцевского (германо-язычного) субстрата и пришлого латышского (балто-язычного) суперстрата составляло, предположительно, 6:3. Тем не менее балтский (латышский) суперстрат к 1740 г. до н. э., когда в Цедмаре А проявляют себя латышские культурные традиции, полностью ассимилировал жуцевский субстрат, и таким образом вся Прибалтика от Вислы до Западной Двины и границы с Эстонией стала говорить на балтских диалектах индоевропейского языка.

Представленная модель распространения балтских языков не может считаться окончательной, пока не будет установлено, что другие модели (в частности, злотская) не обладают достаточной объясняющей силой. Кроме того, необходимо установить более точные сроки проникновения балтских диалектов в ареал висло-неманской культуры, а главное – системно объяснить наличие балтских топонимов вдоль всего южного побережья Балтики от польского Поморья до Нижней Саксонии, т. е. за пределами исторической области обитания балтов (к востоку от Вислы).

Дата поступления в редакцию 19.10.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев К. А. К вопросу о происхождении индо-иранцев и тохар в свете новейших данных генетики // *Genesis: исторические исследования*. 2020. № 12. С. 34–43.
2. Алексеев К. А. Происхождение нордической группы индоевропейцев в свете новейших данных палеогенетики // *Известия Смоленского гос. университета*. 2022. № 2. С. 156–172.
3. Гимбутас М. Балты. М.: Центрполиграф, 2004. 223 с.
4. Григорьев С. А. Миграции степных племен в Европу в конце IV–III тыс. до н. э. и формирование культур шнуrowой керамики // *Уфимский археологический вестник*. 2022. Т. 22. № 2. С. 194–210.
5. Езепенко И. В., Езепенко И. Н. Новые данные абсолютного датирования поселений неолита – раннего периода эпохи бронзы Верхнего Поднепровья // *Культурные процессы в циркумбалтийском пространстве в раннем и среднем голоцене: доклады науч. конф.* / Гло ред. А. А. Выборного. СПб.: Музей Этнографии и Антропологии РАН. 2017. С. 116–119.
6. Езепенко И. Н. Мультидисциплинарные исследования на стоянке Небышино 1 в верховьях Березины в 2018–2019 годах // *Camera Praehistorica*. 2021. № 1. С. 120–140.
7. Зайцева Г. И., Кулькова М. А., Мазуркевич А. Н. Радиоуглеродная хронология неолита Днепро-Двинского междуречья // *Археология озерных поселений IV–II тыс. до н. э.: хронология культур и природно-климатические ритмы: мат-лы конф.* СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа и РАН, 2014. С. 65–86.
8. Зальцман Э. Б. Проблемы хронологии памятников культуры шнуrowой керамики Юго-Восточной Прибалтики // *Вестник Российского государственного университета им. И. Канта*. 2009. Вып. 12. С. 52–56.
9. Зальцман Э. Б. Поселения культуры шнуrowой керамики на территории Юго-Восточной Прибалтики. Тверь, 2010. 114 с.
10. Зальцман Э. Б. К проблеме происхождения приморской культуры (по материалам раскопок поселений Прибрежное и Ушаково-3) // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2016. № 1. С. 6–38.
11. Зальцман Э. Б. «Аморфный» компонент в восточной группе Приморской культуры (2800–2200 гг. до н. э.) // *Краткие сообщения Института Археологии РАН*. 2022. № 269. С. 49–69.
12. Кузьменко Ю. К. Ранние германцы и их соседи: Лингвистика, археология, генетика. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2011. 266 с.
13. Динамика культурных изменений — локальные традиции и импорты в керамическом производстве свайных поселений (памятник Сертея II, Смоленская обл.) / А. Н. Мазуркевич, Е. В. Долбунова, М. А. Кулькова, М. Режер, А. Мазуй // *Археология озерных поселений IV–*

- II тыс. до н. э.: хронология культур и природно-климатические ритмы: мат-лы конф. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа и РАН, 2014. С. 238–247.
14. Моора Х. А. О древней территории расселения балтийских племен // Советская Археология. 1958. № 2. С. 9–33.
 15. Мэллори Дж. П. Индоевропейские прародинны // Вестник древней истории. 1997. № 1. С. 61–82.
 16. Сафронов В. А. Индоевропейские прародинны. Горький, 1989. 400 с.
 17. Ткач Е. С. Распространение традиций культур шнуровой керамики в верховьях Западной Двины в III тыс. до н. э. // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6. № 3. С. 163–171.
 18. Ткач Е. С. Распространение традиций культур шнуровой керамики в верховьях Западной Двины: вопросы хронологии и культурной атрибуции // Культурные процессы в циркумбалтийском пространстве в раннем и среднем голоцене: сб. докладов науч. конф. СПб.: Музей Этнографии и Антропологии РАН, 2017. С. 220–224.
 19. Ткач Е. С. Модели распространения культур шнуровой керамики в Верхнем Подвинье // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: История, 2019. Т. 64. № 2. С. 621–638.
 20. Ткач Е. С., Малютина А. А., Кулькова М. А. Материалы культур шнуровой керамики на памятнике Цедмар А, Юго-Восточная Прибалтика // Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований. 2022. № 2. С. 84–96.
 21. Трубаев О. Н. Языкознание и этногенез славян. Древние славяне по данным этимологии и ономастики // Трубаев О. Н. К истокам Руси. М.: Алгоритм, 2013. С. 121–150.
 22. Археология СССР: Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Ж. В. Андреева, И. И. Артеменко, О. Н. Бадер и др. М.: Наука, 1987. 472 с.
 23. Brandt G. Beständig ist nur der Wandel! Die Rekonstruktion der Besiedelungsgeschichte Europas während des Neolithikums mittels paläo- und populationsgenetischer Verfahren: Dissertation. Mainz, 2014. 367 p.
 24. Furholt M. Die absolutchronologische Datierung der Schnurkeramik in Mitteleuropa und Südkandinavien. Bonn, 2003. 282 p.
 25. Juras A., et al. Maternal genetic origin of the Late and Final Neolithic human populations from present-day Poland // American Journal of Physical Anthropology. 2021. № 176. P. 223–236.
 26. Macâne A., Nordqvist K. More than just Zvejnieki: an overview of Latvian Stone Age burial // European Journal of Archaeology. 2021. № 24. P. 299–323.
 27. Maicher C., et al. First Contribution of Paleoparasitology to the Study of Coprolites from the Neolithic Site Serteya II (NW Russia) // Journal of Archeological Science. Reports. 2021. Vol. 38. P. 93–103.
 28. Mathieson I., et al. The Genomic History of Southeastern Europe // Nature. 2018. № 555. P. 197–203.
 29. Mittnik A. et al. The Genetic History of Northern Europe [Электронный ресурс]. URL: <https://www.biorxiv.org/content/10.1101/113241v1.full.pdf> (дата обращения: 06.01.2024).
 30. Крывальцэвіч М. Мохаў-IV і перспектыва вылучэння асобнага тыпу паселішчаў сярэднядняпроўскай культуры на Верхнім Падняпроўі // Vir Bimaris: Archaeologia Bimaris. Poznań. 2019. Vol. 5. P. 719–736.

REFERENCES

1. Alekseev K. A. [To the question of origin of Indo-Iranians and Tocharians in light of the newest genetic data]. In: *Bytiye: istoricheskiye issledovaniya* [Genesis: historical research], 2020, no. 12, pp. 34–43.
2. Alekseyev K. A. [Origin of the Nordic group of Indo-European group in the light of the latest paleogenetics data]. In: *Izvestiya Smolenskogo gos.universiteta* [Izvestia of Smolensk State University], 2022, no. 2, pp. 156–172.
3. Gimbutas M. *Balty* [Balty]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2004. 223 p.
4. Grigoriev S. A. [Migrations of the steppe tribes to Europe in the late 4th–3rd millennium BC and formation of the Corded Ware cultures]. In: *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik* [Ufa Archaeological Herald], 2022, vol. 22, no. 2, pp. 194–210.
5. Yazepenko I. V., Yazepenko I. N. [New data on absolute dating of Neolithic – Early Bronze Age settlements in the catchment of the Upper Dnieper River]. In: Vybornov A. A., ed. *Kulturnyye protsessy v tsirkumbaltiyskom prostranstve v rannem i srednem golotsene* [Cultural processes in the Circum-Baltic space in the early and middle Holocene]. St. Petersburg, Muzei Etnografii i Antropologii RAN, 2017, pp. 116–119.

6. Yazepenko I. N. [Multidisciplinary researches of Nebyshino 1 site at the upper reaches of the Berezina river in 2018–2019]. In: *Camera Praehistorica*, 2021, no. 1, pp. 120–140.
7. Zaiceva G. I., Kulkova M. A., Mazurkevich A. N. [Radiocarbon chronology of Neolithic of Dnepr-Dvina region]. In: [Archeology of lake settlements of the IV-II millennium BCE: chronology of cultures and natural-climatic rhythms: materials of the conference]. St. Petersburg, Muzei Etnografii i Antropologii RAN, 2014, pp. 65–86.
8. Salzman E. B. [Problems of the chronology of monuments of the Corded Ware culture of the South-Eastern Baltic]. In: *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta* [Bulletin of I. Kant Baltic Federal University], 2009, vol. 12, pp. 52–56.
9. Saltsman E. B. *Poseleniya kultury shnurovoy keramiki na territorii Yugo-Vostochnoy Pribaltiki* [Settlements of the Corded Ware culture in the South-Eastern Baltic region]. Tver, 2010. 114 p.
10. Saltsman E. B. [On the problem of the origin of coastal culture (based on materials from excavations of the settlements of Pribrezhnoye and Ushakovo-3)]. In: *Vestnik Baltiyskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki* [Bulletin of I. Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social sciences], 2016, no. 1, pp. 6–38.
11. Saltsman E. B. [The Amphora component in the eastern group of the Pomeranian culture (2800–2200 BC)]. In: *Kratkiye soobshcheniya Instituta Arkheologii RAN* [Brief communications of the Institute of Archeology], 2022, no. 269, pp. 49–69.
12. Kuzmenko Yu. K. *Ranniye germantsy i ikh sosedi: Lingvistika, arkheologiya, genetika* [Early Germans and their neighbors: Linguistics, archeology, genetics]. St. Petersburg, Institut lingvisticheskikh issledovaniy RAN, 2011. 266 p.
13. Mazurkevich A. N., Dolbunova E. V., Kulkova M. A., Reger M., Mazuy A. [Dynamics of cultural changes - local traditions and imports in the ceramic production of pile settlements (monument to Sertey II, Smolensk region)]. In: *Arkheologiya ozernykh poseleniy IV–II tys. do n. e.: khronologiya kultury i prirodno-klimaticheskiye ritmy* [Archeology of lake settlements of the 4th–2nd millennium BCE: chronology of cultures and natural-climatic rhythms]. St. Petersburg, zd-vo Gosudarstvennogo Ermitazha i RAN, 2014, pp. 238–247.
14. Moora H. A. [About the ancient territory of settlement of the Baltic tribes]. In: *Sovetskaya Arkheologiya* [Soviet Archeology], 1958, no. 2, pp. 9–33.
15. Mallory J. P. [Indo-European ancestral homelands]. In: *Vestnik drevney istorii* [Bulletin of ancient history], 1997, no. 1, pp. 61–82.
16. Safronov V. A. *Indoevropeyskiye prarodiny* [Indo-European ancestral homelands]. Gorky, 1989. 400 p.
17. Tkach E. S. [Distribution of the Corded Ware cultures traditions in the upper Western Dvina region in the III millennium BC]. In: *Samarskiy nauchnyy vestnik* [Samara Journal of Science], 2017, vol. 6, no. 3, pp. 163–171.
18. Tkach E. S. [Distribution of the Corded Ware Cultures traditions in the Upper Western Dvina region: questions of chronology and cultural attribution]. In: *Kulturnyye protsessy v tsirkumbaltiyskom kulturnom prostranstve v rannem i srednem golotsene* [Cultural processes in the Circum-Baltic space in the early and middle Holocene]. St. Petersburg, Muzei Etnografii i Antropologii RAN, 2017, pp. 220–224.
19. Tkach E. S. [Models of the Corded Ware culture distribution in the Upper Western Dvina River]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya: Istoriya* [Vestnik of St. Petersburg University. History], 2019, vol. 64, no. 2, pp. 621–638.
20. Tkach E. S., Malyutina A. A., Kulkova M. A. [Corded Ware culture materials at Zedmar A site, South-Eastern Baltic]. In: *Pervobytnaya arkheologiya. Zhurnal mezhdistsiplinarnykh issledovaniy* [Prehistoric Archaeology. Journal of Interdisciplinary Studies], 2022, no. 2, pp. 84–96.
21. Trubachev O. N. [Linguistics and ethnogenesis of the Slavs. Ancient Slavs according to etymology and onomastics]. In: Trubachev O. N. *K istokam Rusi* [To the origins of Rus]. Moscow, Algorithm Publ., 2013, pp. 121–150.
22. Bronze Age of the forest belt of the USSR. M.: Nauka, 1987. 472 p.
23. Brandt G. *Beständig ist nur der Wandel! Die Rekonstruktion der Besiedelungsgeschichte Europas während des Neolithikums mittels paläo- und populationsgenetischer Verfahren: Dissertation*. Mainz, 2014. 367 p.
24. Furholt M. *Die absolutchronologische Datierung der Schnurkeramik in Mitteleuropa und Südsandinavien*. Bonn, 2003. 282 p.

25. Juras A. et al. Maternal genetic origin of the Late and Final Neolithic human populations from present-day Poland. In: *American Journal of Physical Anthropology*, 2021, no. 176, pp. 223–236.
26. Macâne A., Nordqvist K. More than just Zvejnieki: an overview of Latvian Stone Age burial. In: *European Journal of Archaeology*, 2021, no. 24, pp. 299–323.
27. Maicher C. et al. First Contribution of Paleoparasitology to the Study of Coprolites from the Neolithic Site Serteya II (NW Russia). In: *Journal of Archeological Science. Reports*, 2021, vol. 38, pp. 93–103.
28. Mathieson I. et al. The Genomic History of Southeastern Europe. In: *Nature*, 2018, no. 555, pp. 197–203.
29. Mitnik A. et al. *The Genetic History of Northern Europe*. Abstract at: <https://www.biorxiv.org/content/10.1101/113241v1.full.pdf> (accessed: 06.01.2024).
30. Крывальцэвіч М. Мохай-IV і перспектыва вылучэння асобнага тыпу паселішчаў сярэднядняпроўскай культуры на Верхнім Падняпроўі. In: *Vir Bimaris: Archaeologia Bimaris. Poznań*, 2019, vol. 5, pp. 719–736.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алексеев Константин Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных наук Тверской государственной сельскохозяйственной академии;
e-mail: alekseev.k@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Konstantin A. Alekseev – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Department of Humanities, Tver State Agricultural Academy;
e-mail: alekseev.k@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Алексеев К. А. Этногенез балтийских племён в контексте индоевропейской проблемы // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 1. С. 97–107.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-1-97-107

FOR CITATION

Alekseev K. A. Ethnogenesis of the Baltic tribes in the context of the Indo-European problem. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 1, pp. 97–107.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-1-97-107

УДК 27, 93, 94

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-1-108-122

ХРОНОЛОГИЯ ОТКРЫТИЯ И ОСВОЕНИЯ ФЛОРИДЫ В XVI В. ЧАСТЬ 4: ТРЕТИЙ ЭТАП ОТКРЫТИЯ И ОСВОЕНИЯ ФЛОРИДЫ (НАЧАЛО ЭПОХИ ПРАВЛЕНИЯ КАРЛА V И ПРОДОЛЖЕНИЕ ОСВОЕНИЯ ФЛОРИДЫ 1520–1522 ГГ.)

Ашрафьян К. Э.*Независимый исследователь**г. Москва, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Статья является продолжением публикации полной хронологии открытия и освоения Испанской Флориды в XVI в.¹. В данном исследовании рассматриваются экспедиции с 1520 по 1525 гг.

Процедура и методы. В статье используются архивные документы, карты и материалы научных исследований, доступные на 2022 г. Методологической основой исследования являются принципы историзма, объективности и системности.

Результаты. Результатом данной работы стала построенная в хронологическом порядке история попыток освоения «Испанской Флориды», базирующаяся на причинно-следственных связях процессов, происходивших в Новом Свете и Старом Свете между 1520 и 1525 гг.

Теоретическая и/или практическая значимость. В российской исторической науке и на постсоветском пространстве впервые так подробно представлена хронология событий по открытию, освоению и христианизации Флориды в XVI в. через причинно-следственных связи событий, происходивших в разных частях мира. Данная работа будет полезна при составлении спецкурса по открытию и освоению Флориды.

Ключевые слова: Флорида, Испанская Флорида, Хуан Понсе де Леон, Диего Колумб, племена Флориды, Карл I, Карл Гентский, Карл V, Диего Веласкес, Антон де Аламинос, калуса, серебряный век пиратства, Франциско Гордильо

Благодарности. Хотелось бы выразить благодарность Джону Ворсу из Университета Флориды, Джеральду Миланичу и Вильяму Марквардту за их огромную работу в вопросе изучения открытия и освоения Флориды и за их взаимодействие со мной и рекомендации, а также поблагодарить Дугласа Пека, который разрешил использовать работы своего отца – Дугласа Т. Пека.

© СС Ашрафьян К. Э., 2024.

¹ См.: Ашрафьян К. Э. Хронология открытия и освоения Флориды в XVI в. Часть 1: Введение в хронологию открытия, освоения и христианизации Флориды в XVI в. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2023. № 2. С. 86–98; Ашрафьян К. Э. Хронология открытия и освоения Флориды в XVI в. Часть 2: Первый этап открытия и освоения Флориды с 1513 по 1516 гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2023. № 3. С. 65–78; Ашрафьян К. Э. Хронология открытия и освоения Флориды в XVI в. Часть 3: Второй этап открытия и освоения Флориды с 1516 по 1520 гг. // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2023. № 4. С. 53–69.

CHRONOLOGY OF THE DISCOVERY AND DEVELOPMENT OF FLORIDA IN THE XVI CENTURY. PART 4: THE THIRD STAGE OF THE DISCOVERY AND DEVELOPMENT OF FLORIDA (THE BEGINNING OF THE REIGN OF EMPEROR CHARLES V AND THE CONTINUATION OF THE EXPLORATION OF FLORIDA 1520–1522)

K. Ashrafyan

Independent researcher

Moscow, Russian Federation

Abstract

Aim. To continue the publication on the complete chronology of the discovery and exploration of Spanish Florida in the 16th century. This research focuses on expeditions from 1520 to 1525.

Methodology. The article utilizes archival documents, maps, and materials from scientific research available as of 2022. The research is based on the principles of historicism, objectivity, and systematic analysis.

Results. The outcome of this study is the constructed chronological history of the attempts to colonize “Spanish Florida”, based on cause-and-effect relationships between the processes occurring in the New World and the Old World between 1520 and 1525.

Research implications. The chronology of events on the discovery, development and Christianization of Florida in the XVI century is presented in such detail through causal relationships of events that took place in different parts of the world, for the first time in Russian historical science and in the post-Soviet space. This work will be of use in compiling a special course on the discovery and development of Florida.

Keywords: Florida; Spanish Florida, Juan Ponce de Leon, Diego Columbus, Florida tribes, Charles I, Karl of Ghent, Charles V, Diego Velazquez, Anton de Alaminos, Calusa, Silver Age of Piracy, Francisco Gordillo

Acknowledgments. I would like to express my gratitude to John Worth, Jerald T. Milanich and William H. Marquardt for their extensive work on the study of the history of Florida, interaction with me and recommendations, and express thankfulness to Douglas Peck for his permission to use scientific works his father – Douglas T. Peck.

Введение

В 1519 г. престол Священной Римской Империи после смерти императора Максимилиана I перешёл по завещанию к его 19-летнему внуку – Карлу Гентскому. Молодой Карл Гентский под именем Карл I уже 3 года правил Королевством Арагон, трон которого он получил в 1516 г. после смерти деда – короля Фердинанда II Арагонского. Получив известие, Карл отправился в Дувр для принятия титула императора Священной Римской Империи¹, оставив наместником королевства

Кастилия и Леон Адриана Утрехтского (Адриана Флоренсзоона Буйенс ван Утрехта). Однако в июле 1520 г. против управления иностранцем выступили кортесы² нескольких городов королевства, и вскоре сложилась коалиция кастильских городов, известная как «Святая Хунта», которая сформировала своё войско. Так началось противостояние в

своей властью Германию, Нидерланды, все Королевства Испании, Сицилию, Неаполь, а также мог претендовать на Милан и Бургундию, окружая со всех сторон Францию и сводя на «нет» все ее предыдущие победы в Италии.

¹ Прим.: Получая Корону Священной Римской империи, молодой Карл Гентский мог объединить под

² Прим.: Кортесы – сословно-представительные собрания в Испании в XVI в.

испанских королевствах между кортесами и центральной властью – «восстание комунерос», длившееся с 1520 по 1522 гг.¹

Надежды восставших на то, что мать молодого Карла и номинальная соправительница королевства Кастилия и Леон Хуана I Кастильская (Безумная) поддержит восставших и возглавит королевство, не оправдались – Хуана отказалась ограничивать власть своего сына.

Ситуация усугубилась ещё и тем, что французский король Франциск I рассчитывал получить корону Священной Римской Империи после смерти императора Максимилиана I и стать правителем всей Европы. Однако императорская корона досталась молодому Карлу I Арагонскому, коронованному 23 октября 1520 г. в Ахене под именем Карл V, и в 1521 г. Франциск I с армией вторгся в Наварру².

Природа антагонизма в отношениях между метрополией и местной администрацией Вест-Индии.

Установление «Серебряного Века» пиратства в Атлантике и Новом Свете

В водовороте событий, которые потрясли Испанские королевства и всю Европу, в Вест-Индии ещё больше обострилась борьба между лояльными испанской короне конкистадорами и местными губернаторами и администраторами за право освоения Флориды.

В 1518 г. молодой король Карл I подтвердил политику своего деда Фердинанда II Арагонского и поддержал права Хуана Понсе де Леона как единственного легитимного Аделантадо³ Флориды, ко-

торый имеет право осваивать и заселять земли, открытые им в 1513 г. После насильственного препровождения в 1515 г. Диего Колумба в Испанию⁴ посты генерал-губернатора вице-королевства Индии занимали Кристофер Леброн (1515–1518 г.) и Людовик Фигероа (1516 – 1519). А после ухода в 1519 г. иеронимитов из Вест-Индии генерал-губернатором стал Родриго де Фигероа (licenciado Rodrigo de Figueroa)⁵, который массово отпускал индейцев «для свободной жизни» [1].

Но в 1520 г. при продолжающемся противостоянии между кастильской аристократией и королевской властью суд Кастильского Королевства был вновь использован в политических целях борьбы: суд в Ла-Коруньи вынес вердикт о возобновлении полномочий Д. Колумба как генерал-губернатора Вест-Индии, который снова заявил свои претензии на управление землями в Новом Свете, открытых его отцом Х. Колумбом [2, с. 143–156]. Приехав в Санто-Доминго, Диего попытался утвердить там своё влияние, опираясь на местную администрацию и судей, назначенных им из своих приверженцев ещё в годы его предыдущего правления (1508–1515 гг.), и стал продвигать своих людей на первые должности в новые и уже существующие суды с целью устранения «роялистов». Д. Колумб вернул старую практику захвата индейцев с других островов для работы на энкомьендах и плантациях Эспаньолы и Кубы, а также организовал массовый завоз чёрных рабов из Африки для работы на сахарных

земель, лежащих за пределами испанских владений, приблизительно соответствует губернатору.

¹ Ведюшкин В. А. Комунерос восстание // Большая российская энциклопедия. Т. 14. М., 2009. 718 с.

² Итальянские войны начались как спор за престол Неаполитанского Королевства ещё в 1494 г. и вылились в серию военных действий между Папской областью, Испанскими Королевствами, Францией, Англией и Священной Римской Империей, Швейцарией, Венецией, Генуей и другими городами-государствами, а также с вовлечением в конфликт Османской Империи за гегемонию в Средиземном море.

³ В Испании XVI в. титул конкистадора, который на правлялся королём на исследование и завоевание

⁴ Лас Касас Б. де. История Индии / отв. ред. Д. П. Прицкер, Г. В. Степанов и др. Л., 1968. С. 303.

⁵ CDI – Colección de documentos inéditos relativos al descubrimiento, conquista y colonización de las posesiones españolas en América y Oceanía: sacados de los Archivos del Reino, y muy especialmente del de Indias: T. 1-42 / Bajo la dirección de los Sres. D. Joaquín F. Pacheco y D. Francisco de Cárdenas y D. Luis Torres de Mendoza; Archivo General de Indias. Madrid, 1864–1884 [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/coleccindedocu02madruoft/page/284/mode/2up> (дата обращения: 06.11.2023).

плантациях, бурный рост которых начался в Новом Свете. Местные губернаторы, судьи, начальники крепостей и поселений старались связать свою власть и положение через браки своих семей друг с другом и, таким образом обезопасить себя от любых судебных, административных и финансовых санкций со стороны метрополии, выдавливая «роялистов» из всех веток власти.

Ввиду высоких налогов, идущих в метрополию, и ради собственного обогащения местной администрации Вест-Индии экономически выгодно было вести нелегальную торговлю с французскими пиратами – в этом случае доходы не учитывались, а поступали напрямую «в карман» местной администрации [9]. Французские пиратствующие суда из огромного торгового флота французского судовладельца «нормандца» Ж. Анго¹ ещё активнее стали развивать нелегальную торговлю и повсеместно нападали на суда и поселения испанцев и португальцев в Новом Свете и Атлантике².

В силу перечисленных «разнополярных» целей местная администрация Вест-Индии и королевская власть находились в бескомпромиссном антагонизме друг с другом по всем финансовым, юридическим, административным, военным и другим вопросам. Никакие рекомендации испанской короны не исполнялись. Это подтверждает расследование судьи Королевской Аудиенции Санто-Доминго Хуана де Вадилья, проводимое на Кубе в 1535 г. [3, с. 203].

Именно такое положение дел между местной властью и метрополией и обусловило процветание нелегальной торговли и пиратства со стороны французов, освоивших пути следования испанских торговых судов в Новый Свет [5]. Наступил

«Серебряный век» пиратства в Атлантике и Карибском бассейне [6; 9].

В этих условиях продолжение освоения Флориды, открытой в 1513 г. «роялистом» Хуаном Понсе де Леоном, столкнулось с острым желанием Диего Колумба не допустить освоения Флориды королевскими исследователями.

1521 г. Вторая экспедиция Понсе де Леона во Флориду

В период 1513–1520 гг. состоялось несколько экспедиций со стороны Дома Колумбов, что привело к открытию п-ова Юкатан. В 1519 г. по указанию губернатора Ямайки Гарая экспедиция под командованием А. Пинеды исследовала побережье к северу от Пануко в поисках прохода на запад, что позволило выяснить, что Флорида является полуостровом. К 1521 г. границы Флориды были определены территорией, контролируемой Э. Кортесом, и названные впоследствии «Новой Испанией»³, по границе р. Пануко (по другой версии границей была современная р. Миссисипи – *Rio de Espirito Santo* или *River of the Holy Spirit*) [12, p. 2].

Испанская корона была заинтересована в расширении владения империи и в новых территориях для заселения. После успешной экспедиции Хуана Понсе де Леона и открытия им Флориды в сентябре 1514 г. королём Фердинандом II ему был пожалован титул *аделантадо*⁴ открытых земель Бимини и Флориды, а также дан фамильный герб. Но в связи с разными обстоятельствами новая экспедиция Понсе де Лиона отправилась к берегам Флориды только в феврале 1521 г.

¹ Graveir G. Jean Ango Viconte de Dieppe. Rouen. 1903. 38 p.; Daniels, G. C. Le Moyné's Florida Indians.

² Guenin E. Ango et ses pilotes d'après des documents inédits tirés des archives de France, de Portugal et D'Espagne. Paris: Paris Imprimerie Nationale, 1900. 314 p.

³ Название «Новая Испания Моря-Океана» впервые появляется во втором письме Кортеса Карлу V от 30 октября 1520 г. Кортес предлагает так назвать землю, которую он «открыл» и собирается завоевать (прим. – к. и. н. Калюта А. В.) [3].

⁴ Аделантадо – в колониальной Испании титул конкистадора, который направлялся королём на исследование и завоевание земель, лежащих за пределами испанских владений.

Затягивание вопроса освоения земель Флориды было связано с тем, что с мая 1515 г. по 1516 г. Понсе по условиям договора с испанской короной вёл войну с индейцами караибскими и освободил многих индейцев племён таино и араваков из плена [4, с. 349]¹. После смерти короля Фердинанда II Арагонского в 1516 г. новый король Карл I должен был подтвердить свои права, поэтому с конца 1516 г. до середины 1518 г. Понсе находился в Испании. А в 1519 г. умерла супруга Понсе де Леона Леонора, и он был занят её похоронами [4, с. 350].

Накануне экспедиции, 10 февраля 1521 г., Понсе написал королю: «Я возвращаюсь на этот остров (имеется в виду Флорида – прим. К. А.), если будет угодно Божьей воле, чтобы заселить его...»². 15 февраля 1521 г. он написал и епископу г. Тортосы Андриану Утрехтскому о своём намерении отправиться во Флориду [13].

Понсе де Леон должен был самостоятельно финансировать свои экспедиции [11, р. 39–46]. По условиям договора он был обязан взять с собой для поселения во Флориде 500 колонистов и выставить 3 корабля. Однако из-за финансовых проблем он смог набрать только 200 чел. и снарядить 2 корабля.

Подготовка экспедиции обошлась в 6 тысяч песо. Корабли и всё необходимое были куплены в порту Сальвалеона де Хигуэй (Salvaleón de Higüey), откуда они прибыли в Сан-Жерман (San Germán). Запасы еды и воды на несколько месяцев были загружены в трюмы на Сан-Хуане. Понсе де Леон самолично нанимал команду, специалистов для починки оружия, ремонта кораблей и строительства поселения (кузнецов, плотников), поку-

пал корабли, лошадей и съестные припасы. Но солдаты и поселенцы обязаны были самостоятельно вооружиться и обзавестись доспехами [11, р. 28, 40].

Итак, на 2 кораблях разместились 200 человек команды и будущих поселенцев (табл. 1), 1 священник (*secular or diocesan priests*)³ для обращения индейцев в христианство и для основания миссии, 50 лошадей, домашние животные. В трюмах был запас огнестрельного оружия, пороха, арбалетов и другого оружия [11, р. 29]. Для освоения территории везли агрокультурные семена и растения.

26 февраля 1521 г. из порта Сан-Херман⁴ (*San Germán*) Пуэрто-Рико [11; 13] в путь отправилась вторая экспедиция Понсе де Леона для заселения открытых им в 1513 г. земель Флориды и Бимини⁵.

До Кубы экспедиция следовала маршрутом 1513 года [11].

Путешествие обернулось полной катастрофой. Понсе и его люди высадились в западном берегу Флориды (вероятно, в Шарлотта Харбор – *Charlotte Harbor*) – точное место неизвестно⁶ и является предметом многочисленных споров. Начав

³ Существует 2 вида священников: светские священники (*secular priests*) и епархиальные (*diocesan*) или рядовые священники (*regular priests*). В данном случае были епархиальные священники (*regular priests*).

⁴ Gannon M. The cross in the sand: the early catholic church in Florida, 1513–870. Gainesville: University Press of Florida, 1965. 210 p.

⁵ О заселении Хуан Понсе писал в письме королю Карлу V 10 февраля 1521 г. [Shea J. G. The Catholic Church in the colonial days... P. 604. [3]; также 15 февраля 1521 г. Хуан Понсе написал ещё епископу Тортосы (см. Приложение № 2.13), будущему Папе Римскому Адриану VI (Адриану Флоренсоону Буйенсу ван Утрехту) о том, что он собирается вернуться к открытым им островам, чтобы заселить их [Browne Ayes J. J. Juan Ponce de Leon... P. 41.: [3].

⁶ Прим: Произошло большое изменение береговой линии западной части юга Флориды. Вся прибрежная полоса в XX в. оказалась в зоне строительства стратегической дороги № 41 (*Tamiami Trail*), поэтому при её прокладке на многие артефакты никто не обращал внимания, и они были уничтожены. Понятно, что высадка произошла в удобной бухте, чтобы оба корабля, участвующие в экспедиции, всё время находились рядом с поселением.

¹ Ober F. A. Juan Ponce de Leon. New York: Happer & brothers Publishers, 1908. 288 с.; Heroes of American History: MacNutt F. A. De Orbe Novo: Vol. 1 (of 2) / Pietro Martire d' Anghiera; trans. by Francis Augustus MacNutt. Salt Lake City, 2004. P. 229.

² Archivo General de Indias. [Documento] ES. 41091. AGI/PATRONATO,176,R.9: Juan Ponce de León: descubrimiento de la Florida y otras islas [Fecha de creación] 10 de febrero 1521.

Таблица 1 / Table 1

Список некоторых участников экспедиции Хуана Понсе де Леона в 1521 г. /
List of some members of the expedition of Juan Ponce de Leon in 1521

La lista de los participantes en la expediciyn de Juan Ponce de Leyn de 1521	Список участников экспедиции Хуана Понсе де Леона 1521 г.
Juan Ponce de León, comandante de la expedición Antonio de Álzaga, sobresaliente "San Cristóbal" (de un barco del tipo Nao) Francisco de Arévalo, soldado Francisco Calderón, soldado Miguel de Castañeda, soldado Diego de Cedeño, soldado Juan de Céspedes, soldado Diego de Chaves, soldado Juan de la Cruz, soldado Francisco de Escobar, soldado Alonso Esteban, soldado Bartolomé de Florencia, soldado Juan Rodríguez Flores, soldado Hernando de Guevara, soldado Diego Hernández, soldado Juan de León, soldado Alfonso Velázquez de León, soldado Francisco Linares, soldado Juan López, soldado Francisco López de Cuéllar, soldado Martín López, soldado Alonso Martín, soldado Juan Martín, soldado Francisco Martínez, soldado Diego Martínez de Valencia, soldado Francisco Meléndez, soldado Diego de Morales, soldado Pedro Moreno, soldado Gonzalo de Ocampo, soldado Alonso Ortiz, soldado Juan de Padilla, soldado Francisco Pérez, soldado Juan Ramírez, soldado Diego Hernández de Serpa, soldado Diego de Silveira, soldado Juan de Torres, soldado Bartolomé de Torres, soldado Juan de Valderrama, soldado Diego de Valencia, soldado Juan Velázquez, soldado Antonio de Vera, soldado	Хуан Понсе де Леон, глава экспедиции Антонио де Альсага, выдающийся лоцман судна «Сан-Кристобаль» (тип нао) Франсиско де Аревало, солдат Франсиско Кальдерон, солдат Мигель де Кастанеда, солдат Диего де Седеньо, солдат Хуан де Сеспедес, солдат Диего де Чавес, солдат Хуан де ла Крус, солдат Франсиско де Эскобар, солдат Алонсо Эстебан, солдат Варфоломей Флорентийский, солдат Хуан Родригес Флорес, солдат Эрнандо де Гевара, солдат Диего Эрнандес, солдат Хуан де Леон, солдат Альфонсо Веласкес де Леон, солдат Франсиско Линарес, солдат Хуан Лопес, солдат Франсиско Лопес де Куэльяр, солдат Мартин Лопес, солдат Алонсо Мартин, солдат Хуан Мартин, солдат Франсиско Мартинес, солдат Диего Мартинес де Валенсия, солдат Франсиско Мелендес, солдат Диего де Моралес, солдат Педро Морено, солдат Гонсало де Окампо, солдат Алонсо Ортис, солдат Хуан де Падила, солдат Франсиско Перес, солдат Хуан Рамирес, солдат Диего Эрнандес де Серпа, солдат Диего де Сильвейра, солдат Хуан де Торрес, солдат Бартоломе де Торрес, солдат Хуан де Вальдеррама, солдат Диего де Валенсия, солдат Хуан Веласкес, солдат Антонио де Вера, солдат

Источник: составлено автором по: Archivo General de Indias de Sevilla (España). Audiencia de Santo Domingo. Legajo 87 BIS. “Autos y expedientes sobre la Florida”

строить дома и часовню¹, испанцы встретили яростное сопротивление со стороны местных индейцев племени калусов². Через несколько месяцев постоянных вооружённых нападений поселенцы вынуждены были спешно погрузиться на корабли и покинуть негостеприимный берег.

Роковое решение о высадке Понсе на западном берегу Флориды объясняется наличием хорошей гавани в Шарлотта Бэй. Путешественники не знали, что в этом районе – Маунд-Ки (Mound Key) – находилась столица индейцев племени калуса. Кроме того, в тех же местах селились и индейцы, имигрировавшие с Кубы, островов Лукайос, о. Эспаньола и со всех близлежащих островов [3; 11, р. 31].

Об экспедиции практически не осталось сведений, т. к. в ней не было хрониста. Однако Гонсало Фернандо де Овьедо и Вальдес (*chronicler Gonzalo Fernandez de Oviedo y Valdes*) описал битву с местными индейцами. Хуан Понсе Леон «зашёл далеко от поселения и попал в засаду», где испанцы были атакованы «рослыми индейцами» племени калуса «с полутораметровыми луками, силы которых намного превосходили его небольшой отряд» [11, р. 29]. Многие испанцы погибли, а Понсе де Леон получил смертельное ранение в бедро³.

Один из двух кораблей с раненым аделантадо направился в Вест-Индию. На борту был и племянник Хуана Понсе де Леона, получивший тяжёлое ранение и скончавшийся прямо на корабле и похороненный в море [11, р. 29].

Поселенцы, оставшиеся в живых, понимали, что никакой помощи от губернаторов соседних земель они не получают, т. к. местные власти окрестных земель не были заинтересованы в освоении Флориды Понсе де Леоном: на ближайшей к Флориде земле, Кубе, правил наместник

губернатора Кубы и личный враг Понсе – Диего Веласкес де Куэльяр. Помощь из Испании нужно было ждать долгие месяцы. Было решено на втором корабле отправиться к Эрнандо Кортесу⁴, находящемуся в оппозиции с Веласкесом и осаждавшему в это время г. Мешико (совр. Мехико, Мексика). Поселение во Флориде было оставлено⁵.

О прибывшем в Вера-Крус в июле 1521 г. корабле мы узнаём из записей очевидца, что во время 93-дневной осады Мешико «одно время у нас совсем не было пороха, но, к счастью, прибыл корабль в гавань Вера Круса с большим количеством пороха, арбалетов и солдат, и мы снова воспрянули»⁶.

Корабль с тяжелораненым Хуаном Понсе де Леоном прибыл на Кубу, где через несколько дней первооткрыватель Флориды скончался [11, р. 29; 13, р. 68], оставив много неразгаданных вопросов: почему его привезли именно на Кубу, в логово личного врага конкистадора, а не домой в Пуэрто-Рико? Кто лечил раненого и какова была их квалификация? как лечившие врачи были связаны с губернатором Д. Веласкесом и Д. Колумбом?

Так, в июне 1521 г. бесславно закончилась первая попытка испанцев организовать поселение на территории Флориды⁷. Из-за сильного сопротивления племён юга Флориды испанцы больше не пытались высаживаться на этой территории и обходили опасное место стороной.

Смерть Хуана Понсе де Леона вызвала достаточно острый вопрос о том, кто станет будущим аделантадо Флориды.

⁴ Кастильо Б. Д. дель. Правдивая история завоевания Новой Испании = *Historia verdadera de la conquista de la Nueva España* / сост., пер. с исп. А. Захарьян. М., 2000. С. 399.

⁵ Shea J. G. *The Catholic Church in the colonial days. Book II. 1521–1763.* New York: John G. Shea, 1885. P. 103.

⁶ Кастильо Б. Д. дель. Правдивая история завоевания Новой Испании = *Historia verdadera de la conquista de la Nueva España* / сост., пер. с исп. А. Захарьян. М., 2000. С. 399.

⁷ Shea J. G. *The Catholic Church in the colonial days. Book II. 1521–1763.* New York: John G. Shea, 1885. P. 103.

¹ Shea J. G. *The Catholic Church in the colonial days. Book II. 1521–1763.* New York, 1886. P. 604.

² Shea J. G. *The Catholic Church in the colonial days. Book II. 1521–1763.* New York, 1886. P. 103.

³ Лас Касас Б. История Индий. Л.: Наука, 1968. 471 с.

Перед смертью Понсе де Леон дал указания своему доверенному лицу, чтобы корабли и товары были перевезены к Э. Кортесу в Новую Испанию и там проданы, а вырученные деньги переданы его наследникам¹. Но Д. Веласкес вошёл в сговор с получателем товаров в Гаване, конфисковал судно Х. Понсе, всё продал

и, проигнорировав завещание покойного, присвоил деньги себе [3; 11, р. 29–30].

Останки наместника Флориды и Бимины были перевезены в Пуэрто-Рико только в 1559 г. [11, р. 29], о чём свидетельствует надпись на его могиле в Сан-Хуане (рис. 1).

Перевод надгробной плиты

Хуану Понсе де Леону в Сан-Хуане, Пуэрто-Рико. Перевод выполнен автором.

ПУЭРТОРИКАНСКИЙ ИНСТИТУТ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ (I.N.D.)

ПРИ ПОНТИФИКАТЕ ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВА ПАПЫ ПИЯ X

И ЗАНИМАЮЩЕГО ЕПИСКОПАЛЬНУЮ КАФЕДРУ ПУЭРТО-РИКО

МОНСЕНЬОРЕ ГИЛЛЕРМО ДЖОНСЕ (GUILLERMO JONES),

В ЭТУ СОБОРНУЮ ЦЕРКОВЬ ИЗ МОНАСТЫРЯ СВ. ФОРМЫ АКВИНСКОГО (ST. TOMAS DE AQUINO)

(СЕГОДНЯ САН-ХОСЕ), ГДЕ ОНИ РАНЕЕ ХРАНИЛИСЬ С 1559 ГОДА,

БЫЛИ ПЕРЕНЕСЕНЫ ОСТАНКИ

ХУАН ПОНСЕ ДЕ ЛЕОНА

(УРОЖЕНЦА ЗЕМЛИ КАМПОС), ИЗ РОДА ИДАЛЬГО, КОТОРЫЙ БЫЛ ЧИСТ В СВОИХ ДЕЯНИЯХ,

СОЛДАТА В ГРАНАДЕ, КАПИТАНА НА ЭСПАÑОЛЕ, КОНКИСТАДОРА И ГУБЕРНАТОРА

НА САН-ХУАНЕ В БОРИКЕНЕ (**СОВР. ПУЭРТО-РИКО – К.А.**).

ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЯ И ПЕРВОГО ЗАВОЕВАТЕЛЯ ФЛОРИДЫ: ХРАБРОГО ИСКУШЕННОГО В ВОЕННОМ ДЕЛЕ

ВОЕНАЧАЛЬНИКА, ВЕРНОГО ВАССАЛЬНОГО ПОЛКОВОДЦА,

ПРИМЕРНОГО АДМИНИСТРАТОРА, ЛЮБЯЩЕГО ОТЦА И ТРУДОЛЮБИВОГО И НЕУТОМИМОГО ПОСЕЛЕНЦА.

ОН ОТДАЛ ДУШУ БОГУ И ТЕЛО БЫЛО ПОХОРОНЕНО НА ЗЕМЛЕ В ГАВАНЕ (ИЮНЬ 1521 Г.)

В ПОЧИТАНИЕ ЕГО ПАМЯТИ И ЗА ЕГО СТРЕМЛЕНИЕ В ЗАЩИТУ ХРИСТИАНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ЗА ЕГО СТОЙКУЮ

ХРАБРОСТЬ И ЗА ЕГО ДОБРОСОВЕСТНЫЕ ДЕЯНИЯ, ПОЛУЧИВШИЕ ШИРОКОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ

НА ЭТОЙ ПЛОДОРОДНОЙ ПУЭРТОРИКАНСКОЙ ЗЕМЛЕ МЫ ОТДАЕМ ЕМУ ДАНЬ УВАЖЕНИЯ.

КЛУБ ЭСПАÑОЛА В САН-ХУАНЕ.

1909 ГОД

((A.D.I. 909 – это старый способ записи дат с первой буквой i, то есть «от Иисуса... лет».

Летоисчисление велось от XI века нашей эры. Затем после XVIII века, эти даты были заменены на привычные сегодня обозначения, где вместо букв I уже используется цифра 1 = единица) – К.А.)

Рис. 1 / Fig. 1. Плита Хуану Понсе де Леону в Сан-Хуане, Пуэрто-Рико (пер. с исп. К. Э. Ашрафьяна и О. Гусмана / Tomb of Juan Ponce de Leyn in San Juan and translate of sign by K. Ashrafyan and O. Guzman

Источник: фото взято из альбома А. Ашрафьяна «Поездка в Сан-Хуан» с его согласия

¹ Archivo General de Indias. [Documento] ES.41091.AGI/26//INDIFERENTE,420,L.9,F.163R-163V: Justicia sobre los bienes del adelantado Juan Ponce de León. [Fecha de creación] 07 de marco 1523, Valladolid.

1521 г. Экспедиция Франциско Гордильо и Пэдро де Кэхо

В июне 1521 г. с о. Эспаньола отправились 2 экспедиции – капитана Франциско Гордильо (*Francisco Gordillio*) и капитана Пэдро де Кэхо (*Pedro de Quejo*) – для захвата индейцев на соседних землях для работы на Эспаньоле.

Корабли встретились на о. Лукаонеке (*Island of Lucayoneque*) (совр. о. Большой Абако – *Grand Abaco*) в северной части Багамских островов, и капитаны приняли решение дальше идти вместе, т. к. выяснилось, что Пэдро де Кэхо является родственником Алонсо Фернандеса Сотилия (*Alonzo Fernandez Sotil*), пилота экспедиции Г. Алонсо [10, р. 184]. Корабли пошли дальше на север ещё на 110–115 лиг (352–368 морских миль) [10, р. 184].

Промежуточная остановка экспедиции, вероятно, состоялась на мысе Канаверал (*Cape Canaveral*, пер. «тростник»), который появляется с этого момента на испанских картах. Здесь произошла стычка испанцев с индейцами племени айс, которые обстреляли их стрелами из тростника¹.

24 июня 1521 г. в день праздника Святого Иоанна Крестителя (*St. John the Baptist*) корабли бросили якорь у р. Иордан (*Jordan River*) недалеко от современного г. Джорджтауна. Это река известна сейчас как широкая и глубокая р. Ваккамо (*Waccamaw River*), впадающая в Залив Винью (*Winyah Bay*) к югу от пляжа Миртл-Бич (*Myrtle Beach*) в штате Южная Каролина (*South Carolina*). По другой версии р. Иордан – это р. Санти (*Santee River*), в которую можно было зайти через тот же залив Винья (*Winyah Bay*) [4; 7; 8; 10, р. 184].

¹ Эта версия была выдвинута Марджори Стоунман Дуглас (См.: *Histic Brevard* [Электронный ресурс]. URL: https://www.brevardfl.gov/docs/default-source/historical-commission-docs/not-508-historical-landmarks/2016-brevard-county-landmark-guide.pdf?sfvrsn=8b794af4_4 (дата обращения: 01.02.2024)).

«Де-факто» местность принадлежала индейцам из группы катобанцев² – племенам чикорана (*Chicorana*) или шакори (*Shakori*) и духаре (*Duhare*) (рис. 2). От индейского племени шакори и произошло испанское название всей земли – Чикора³. «Де-юре» это место было территорией Флориды, которая на тот момент охватывала восточное побережье и прилегающие районы суши от открытий Кабота на севере до юга полуострова Флорида и от Атлантики до берега Пануко в Мексиканском заливе, ограниченного завоеваниями Э. Кортеса в Мексике [3].

В июле (августе) 1521 г. корабли вернулись на Эспаньолу, в Санто-Доминго.

Корабль под командованием Ф. Гордильо был снаряжён судьей Королевской Аудиенции Санто-Доминго (Эспаньола) Лукасом Васкесом де Айльоном⁴ (*Lucas Vázquez de Ayllón*), который был возвращён королём Карлом V из Испании в 1521 г. и восстановлен в должности. «Роялист» Айльон противостоял Д. Колумбу, вернувшему свой пост генерал-губернатора Вест-Индии в 1520 г.

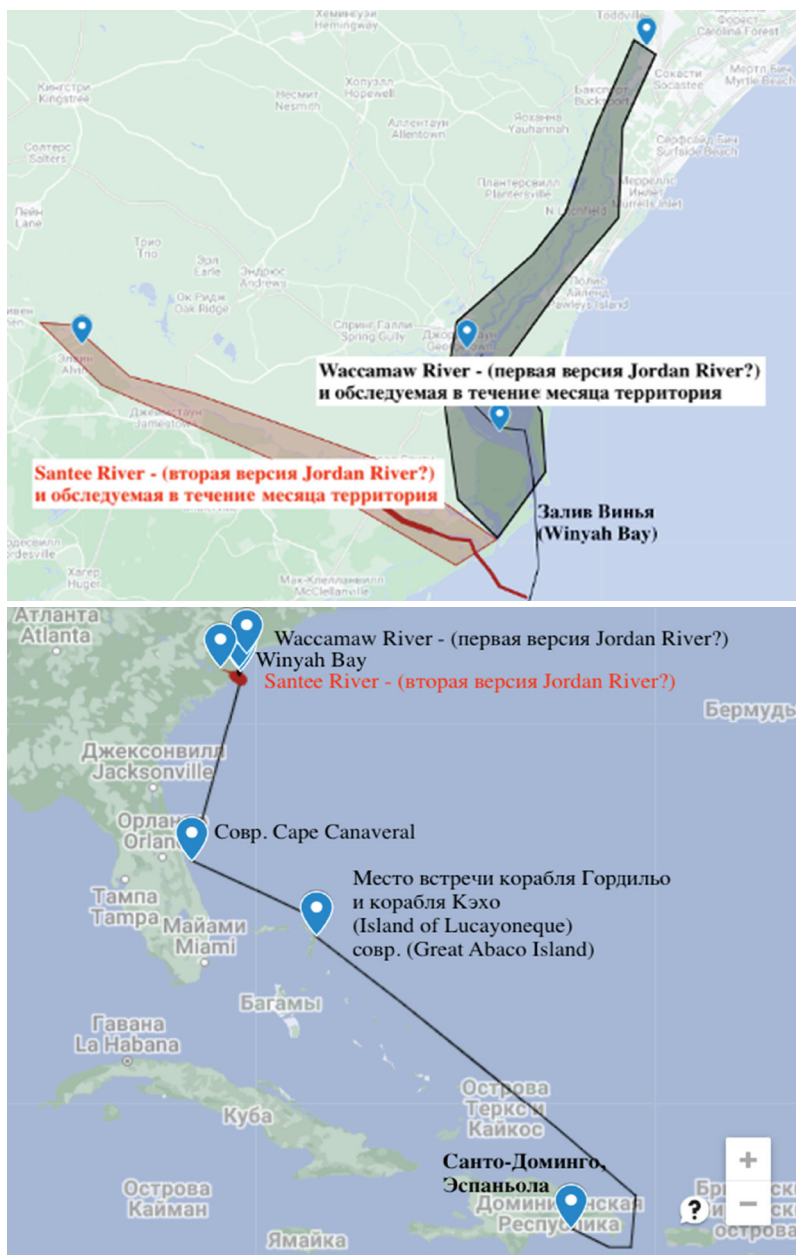
Айльон нанял корабль и Ф. Гордильо с целью захвата индейцев на Багамах. Это было необходимо для поддержки экономики вследствие нехватки рабочей силы на Эспаньоле.

В период правления монахов-иеронимитов («власть четырёх» иеронимитов в Вест-Индии длилась с 1516 по 1519 гг.) было рекомендовано привозить чёрных рабов. 18 августа 1518 г. король Карл I

² Этнограф Джон Свантон предположил, что страна Чикора и её население принадлежали к группе индейцев катобанцев (См.: Swanton J. Reed texts Early history of the Creek Indians and their neighbors. Washington, D.C.: Washington: G.P.O., 1922. С. 492).

³ Quattlebaum P. The Land Called Chicora. Gainesville: University of Florida Press, 1956. P. 11–12.

⁴ Лукас Васкес де Айльон – испанский мореплаватель, родился в Толедо, выходец из богатой аристократической семьи. В 1519 г. в отряде Кортеса участвовал в завоевании страны ацтеков. В начале 20-х годов XVI в. обследовал побережье Флориды [Хроники открытия Америки. Новая Испания. Книга I: Исторические документы. Т. 1. М.: Академический проект, 2000. 496 с.].

Условные обозначения:

черная область – область р. Ваккамо (Waccamaw River), впадающая в Залив Винья (Winyah Bay)

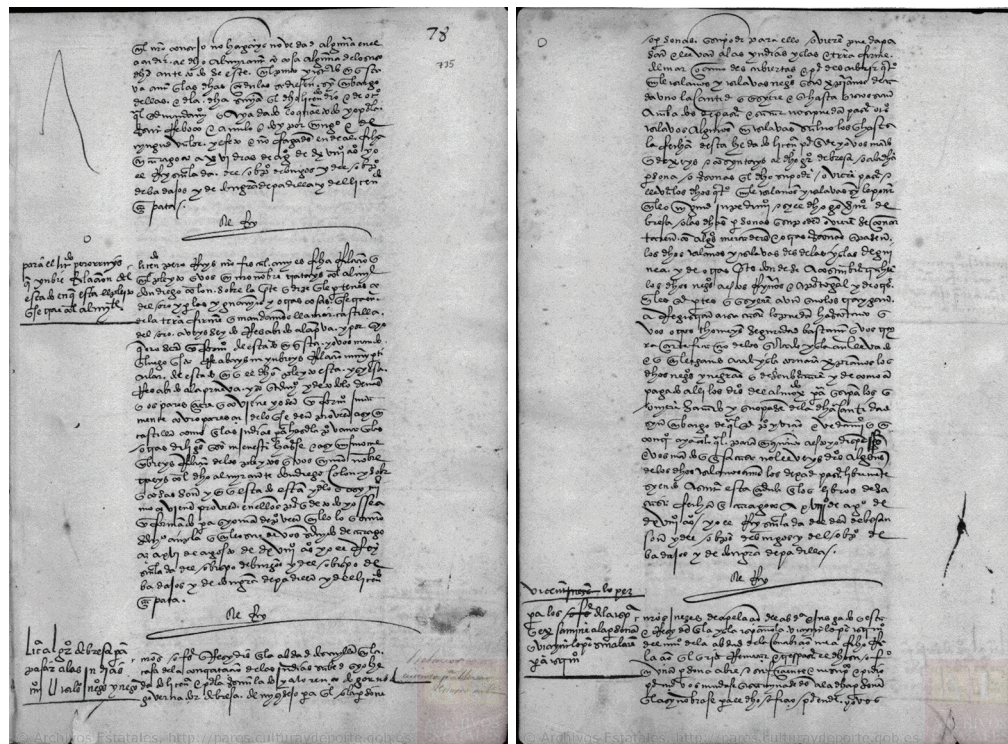
красная область – область р. Санти (Santee River), в которую можно было зайти через тот же залив Залив Винья (Winyah Bay).

Рис. 2 / Fig. 2. Совместная экспедиция капитана Гордильо и капитана Кэхо 1521 г. на современной карте, с обозначением 2 возможных областей контакта с индейцами племени чикора (или шакори) и духаре / Joint expedition of Captain Gordillo and Captain Kehoe of 1521 on a joint map, with the designation of 2 possible areas of contact with the Indians of the Chikora (or Shakori) tribe and Duhare

Источник: рисунок автора

приказал довести до сведения служащих «Торгового Дома» в Севилье (Каса-де-Контратасьон, исп. *Casa de Contratación de Sevilla*), что Лоренцо де Горреводу (Lo-

renzo de Gorrevod) получил лицензию – *Licencia de cuatro mil esclavos a Lorenzo de Gornod* – на ввоз в Америку 4 тысяч чёрных рабов и рабынь (рис. 3), «которые

Перевод краткого описания документа. Выполнен автором.

Лицензия для Лоренцо де Горно (Lorenzo de Gornod)

на четыре тысячи рабов 1518 г.

Королевский Указ уполномочивает должностных лиц Дома Торговли пропустить Лоренцо де Горно Горреводу (**ориг. Lorenzo de Gornod [Gorrevod]**), губернатора Бресса, с четырьмя тысячами чернокожих рабов и рабынь, являющихся христианами, даже если он (Лоренцо де Горно - К.А.) не приведёт их для осмотра в указанный дом при условии, что он даст заверение, что принесёт документ о праве на собственность рабов, которых привезёт на остров, о том, как они стали христианами, и о том, что им оплачена там еда.

Указание подписано 18 августа 1518 г. в г. Сарагоса.

Рис. 3 / Fig. 3. Лицензия на четыре тысячи рабов Лоренцо де Горно, 1518 г. / License for four thousand slaves of Lorenzo de Gorno, 1518

Источник: Archivos Espanoles [Электронный ресурс]. URL: <http://pares.mcu.es/ParesBusquedas20/catalogo/description/247544?nm> (дата обращения: 19.06.2023)

должны быть христиане»¹. Однако лицензия на привоз рабов была перепродана генуэзским купцам А. Вибальдо и Ф. де Форну за 25 тысяч дукатов². Из-за задержки в доставке и высокой стоимости чёрных рабов возобновились экспедиции для поимки аборигенов с других неосвоенных островов для восполнения нехватки «рабочих рук» на энкомьендах.

Айльон опирался на отчёт экспедиции Салазара (1516 г.) о живущих «индейцах-гигантах» на севере от Багамских островов. Привезённые тогда Салазаром аборигены ценились больше, чем низкорослые и не привыкшие к тяжёлым работам индейцы лукайос с Багамских островов и индейцы таино с Карибских островов [10, p. 184].

Вторым кораблём командовал Педро де Кэхо, нанятый «проколумбовским» судьёй Хуаном Ортизом де Матиензо (*Juan Ortiz de Matienzo*) с Эспаньолы. Некоторые исследователи утверждают, что спонсором Педро де Кэхо был Ортиз де Уррутиа (*Ortiz de Urrutia*) [3; 10].

Прибыв на острова Лукайос (современные Багамские острова) Гордильо и Кэхо столкнулись с отсутствием индейцев лукайос, которые к этому времени уже почти все были вывезены другими конкистадорами. Зная путь экспедиции Салазара, оба корабля дошли до Залива Винья и в течение месяца занимались разведкой и торговали с дружелюбными местными племенами. Перед возвращением на Эспаньолу испанцам удалось захватить 60 (по другим данным – 70) индейцев и привезти их для продажи [8; 10].

Значимые для истории факты экспедиции:

I. 25 июня 1521 г. корабли обнаружили р. Святого Иоанна Крестителя (*St. John the Baptist*). Это место, названное «Земля

Чикора», позже в 1526 г. стало местом первой попытки Айльона основать колонию на восточном побережье [8; 10];

II. в июле 1521 г., после месяца пребывания среди индейцев, Ф. Гордильо в соответствии с инструкциями провёл ритуальную церемонию и заявил права на землю от имени Лукаса Васкеса де Айльона. П. де Кэхо пришёл в ярость, что Гордильо заявил права на новую землю для Айльона, и провёл ту же церемонию для своего спонсора Ортиса де Уррутиа [10]. Принадлежность земли была оспорена затем в суде, где по понятным причинам победил Айльон, т. к. на тот момент являлся высшим чиновником Королевского Суда (так называемой Королевской Аудиенции – *Real Audiencia*) на Эспаньоле [10];

III. этот пиратский рейд с целью захвата индейцев в рабство был зафиксирован в документах того времени, о чём стало известно общественности и королю Карлу V;

IV. появились 2 мифа, повлиявшие на дальнейшую Конкисту Северной Америки.

Миф о богатой стране Чикора. Выжившие из 60 захваченных и привезённых на Эспаньолу индейцев³ были переданы Айльону. Часть пленников он оставил для своих сахарных плантаций, остальных – продал за большие деньги. Индейцы умирали в течение 2 лет неволи от тяжелейших условий труда. Среди пленников был подросток, у которого жизнь сложилась более удачно. Он принял крещение и получил имя Франсиско Чикора. Работая на Айльона, быстро выучил испанский язык и стал отличным рассказчиком: рассказывал о местах, где родился и жил, о богатой, прекрасной и удивительной «земле Чикора» [8].

Айльон взял молодого индейца с собой в Испанию. Истории о новой загадочной стране дошли до королевского дворца, и юным индейцем заинтересовался придворный историк Пьетро Мартире д'Ангьера (*Pietro Martire d'Anghiera*).

¹ MacNutt F. A. *De Orbe Novo*: [eBook]. Vol. 1 (of 2) / Pietro Martire d' Anghiera; trans. by Francis Augustus MacNutt. Salt Lake City: The Project Gutenberg EBook, 2004. 229 p.

² Amadeo Julián. *El ingenio de Diego Colón y la rebelión de sus esclavos en 1521*. Clío. 2015. № 84. P. 11–95.

³ Quattlebaum P. *The Land Called Chicora*. Gainesville: University of Florida Press, 1956. P. 11–12.

Мартир взял у юноши интервью и опубликовал подробные отчёты¹. После этого рассказы индейца стали фигурировать в официальной хронике XVI в. Миф о «богатой стране Чикора» повлиял на дальнейшее ускорение исследования Северной Флориды в XVI в.

Миф об Источнике Молодости. Франциско Чикора также «клялся, что его отец был старым, но купался в “Фонтане Молодости” и снова завёл семью после этого»². Благодаря этим рассказам Флорида начинает ассоциироваться с волшебной землёй, целью открытия которой был поиск «Источника Молодости» для увеличения жизни последнего представителя королевской династии «Дома Трастамара» – престарелого короля Фердинанда II Арагонского, женатого второй раз на молодой французской принцессе³.

Следует отметить, что миф об «Источнике Молодости» является легендой и не имеет подтверждения в документах до 1521 г.

Заключение

Третий этап в истории испанской колонизации Флориды ознаменовался восшествием на престол Священной Римской Империи Карла V (ранее известного как Карл I – короля испанских королевств), в состав которой входили и Испания, и её колонии в Новом Свете. Начало его правления сопровождалось «восстанием комунерос» в Кастильском Королевстве и продолжением войн в Европе.

В Испании королю пришлось столкнуться с противостоянием дворян, а в Новом Свете – со сложившимися кланами местной элиты, созданными Домом Колумбов. Эти кланы тесно переплелись между собой через семейные узы в юри-

дической и административной власти на местах. Началом «войны» стало решение Кастильского суда в 1520 г. в пользу Д. Колумба о его восстановлении в правах как Адмирала и Вице-короля Индий и возвращении на Эспаньолу. Соперничество между Домом Колумбов и Короной за права управления в Новом Свете не способствовало успехам в освоении новых территорий.

Причины провала экспедиции Хуана Понсе де Леона в 1521 г. были те же, что и в 1513 г.: отсутствие финансовой, материальной, административной и человеческой поддержки со стороны близлежащих территорий Вест-Индии (Кубы и Эспаньолы).

К этим факторам добавились новые:

- неудачная высадка в месте, где проживали воинственно настроенные индейцы племени калуса;

- отсутствие союзников среди индейцев юга Флориды и незаинтересованность аборигенов в торговле с пришельцами.

Кроме того, природная среда Флориды – частые ураганы и штормы, тропические ливни, высокая влажность, болотистая и труднопроходимая местность с тысячами солоноватых озёр и мангровых зарослей, – а также множество аллигаторов, змей и т. д.; отсутствие залежей золота, серебра и других драгоценных металлов ослабили экономическую привлекательность этого региона.

А вот в ходе экспедиции Гордильо, организованной в июне-июле 1521 г. по инициативе судьи Айльона, близкого к королевскому двору, испанцам удалось обнаружить миролюбивых индейцев «гигантов», проживающих на побережье со стороны Атлантического океана, более крупных и выносливых по сравнению с аборигенами Багамских и Антильских островов, и установить с ними дружеские отношения.

Поход также способствовал появлению 2 легенд: о «богатой стране Чикора», которая изобилует жемчугом, серебром

¹ MacNutt F. A., transl. De Orbe Novo. Vol. 1. Pietro Martire d' Anghiera. Salt Lake City: The Project Gutenberg EBook, 2004. 229 p.

² Там же.

³ Исследователь Д. Пек показал историю возникновения этого мифа и введение его в хроники XVI в. [10, p. 184].

и золотом; и об «Источнике Молодости». Эти легенды вошли в хроники Пьетро Мартира д'Ангьера «Декады о Новом Свете» («*De orbe novo decades*»), которые разошлись по всей Европе.

Таким образом, восточное (атлантическое) побережье открытой Испанской Флориды выше нынешнего штата Южная Каролина стало более привлекательным для дальнейшего освоения, чем опасные

юг и юго-запад полуострова Флорида, где было сильное сопротивление союза племён под предводительством индейцев калуса. Рассказы аборигена, занесённые в испанские хроники, дали новый импульс для исследования Нового Света и разбудили интерес со стороны других стран Европы.

Дата поступления в редакцию 07.07.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Александренков Э. Г. Аборигены Больших Антильских островов в колониальном обществе: Конец XV – середина XVI вв. Бельцы: Parmarium Academic Publishing, 2017. 508 с.
2. Ашрафьян К. Э. Гипотеза о неизбежности провала попыток освоения юга полуострова Флорида с 1513 по 1525 гг. (Глава 8) // Наука, образование, общество в условиях цифровизации / под общ. ред. Г. Ю. Гуляева. Пенза, 2021. С. 143–156.
3. Ашрафьян К. Э. Испанская колонизация Флориды в первой четверти XVI в.: методы, особенности, причины неудачи: дис. ... канд. ист. наук. Мытищи, 2022. 341 с.
4. Кофман А. Ф. Под покровительством Сантьяго. Испанское завоевание Америки и судьбы знаменитых конкистадоров. СПб: Крига, 2017. 1032 с.
5. Михеев Д. В. Возникновение практики каперства в Англии в XIII–XVI вв. // Метаморфозы истории. 2013. № 4. С. 201–216.
6. Ashrafyan K. E. «Silver Age of Piracy»: French pirates in Atlantic in first third 16th century // Самарский научный вестник. 2020. Т. 9. № 4. С. 232–239.
7. Hoffman P. E. A New Voyage of North American Discovery: Pedro de Salazar's Visit to the "Island of Giants" // The Florida Historical Quarterly. 1980. Vol. 58. № 4. P. 415–426.
8. Hoffman P. E. The Chicora Legend and Franco-Spanish Rivalry in La Florida // The Florida Historical Quarterly. 1984. Vol. 62. № 4. P. 419–438.
9. Interrupted game of England and French Huguenots on the chessboard / K. E. Ashrafyan, N. E. Koroleva, N. V. Pospelova, M. S. Achaeva // Utopia y Praxis Latinoamericana. 2020. Vol. 25. № Extra 10. P. 242–252.
10. Peck D. T. Lucas Vósquez de Ayllyn's Doomed Colony of San Miguel de Gualdape // The Georgia Historical Quarterly. 2001. Vol. 85. № 2. P. 183–198.
11. Turner S. Juan Ponce de Leyn and the Discovery of Florida Reconsidered // The Florida Historical Quarterly. 2013. Т. 92. № 1. P. 1–31.
12. Wood J. M. A History of the Catholic Church in the American South 1513–1900. Gainesville: University Press of Florida, 2011. 512 с.
13. Worth J. E. Discovering Florida: First-Contact Narratives from Spanish Expeditions along the Lower Gulf Coast. Gainesville: University Press of Florida, 2016. 344 p.

REFERENCES

1. Aleksandrenkov E. G. *Aborigeny Bolshikh Antilskikh ostrovov v kolonialnom obshchestve: Konets XV – sredina XVI vv.* [Aborigines of the Greater Antilles in colonial society: The end of the 15th – mid-16th centuries]. Balti, Parmarium Academic Publishing, 2017. 508 p.
2. Ashrafyan K. E. [The hypothesis of the inevitability of the failure of attempts to develop the south of the Florida Peninsula from 1513 to 1525 (Chapter 8)]. In: Gulyaev G. Yu., ed. *Nauka, obrazovaniye, obshchestvo v usloviyakh tsifrovizatsii* [Science, education, society in the context of digitalization]. Penza, 2021, pp. 143–156.
3. Ashrafyan K. E. *Ispanskaya kolonizatsiya Floridy v pervoy chetverti XVI v.: Metody, osobennosti, oshibki neudachi: dis. ... kand. ist. nauk* [Spanish colonization of Florida in the first quarter of the 16th century: methods, features, reasons for failure: Cand Sci thesis in Historical sciences]. Mytishchi, 2022. 341 p.

4. Kofman A. F. *Pod pokrovitelstvom Santyago. Ispanskoye zavoyevaniye Ameriki i sud'ba znamenitykh konkistadorov* [Under the auspices of Santiago. The Spanish conquest of America and the fate of the famous conquistadors]. St. Petersburg, Kriga, 2017. 1032 p.
5. Mikheev D. V. [The origin of privateer practice in England in XIII–XVI centuries]. In: *Metamorfozy istorii* [Metamorphoses of history], 2013, no. 4, pp. 201–216.
6. Ashrafyan K. E. “Silver Age of Piracy”: French pirates in Atlantic in first third XVI century. In: *Samarskiy nauchnyy vestnik* [Samara Scientific Bulletin], 2020, vol. 9, no. 4, pp. 232–239.
7. Hoffman P. E. A New Voyage of North American Discovery: Pedro de Salazar's Visit to the “Island of Giants”. In: *The Florida Historical Quarterly*, 1980, vol. 58, no. 4, pp. 415–426.
8. Hoffman P. E. The Chicora Legend and Franco-Spanish Rivalry in La Florida. In: *The Florida Historical Quarterly*, 1984, vol. 62, no. 4, pp. 419–438.
9. Ashrafyan K. E., Koroleva N. E., Pospelova N. V., Achaeva M. S. Interrupted game of England and French Huguenots on the chessboard. In: *Utopia y Praxis Latinoamericana*, 2020, vol. 25, no. Extra 10, pp. 242–252.
10. Peck D. T. Lucas V6squez de Ayllyn's Doomed Colony of San Miguel de Gualdape. In: *The Georgia Historical Quarterly*, 2001, vol. 85, no. 2, pp. 183–198.
11. Turner S. Juan Ponce de Leyn and the Discovery of Florida Reconsidered. In: *The Florida Historical Quarterly*, 2013, vol. 92, no. 1, pp. 1–31.
12. Wood J. M. *A History of the Catholic Church in the American South 1513–1900*. Gainesville, University Press of Florida, 2011. 512 c.
13. Worth J. E. *Discovering Florida: First-Contact Narratives from Spanish Expeditions along the Lower Gulf Coast*. Gainesville, University Press of Florida, 2016. 344 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ашрафьян Константин Эдуардович – кандидат исторических наук, независимый исследователь;
e-mail: kea6465@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Konstantin E. Ashrafyan – Cand. Sci. (History), Independent researcher;
e-mail: kea6465@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ашрафьян К. Э. Хронология открытия и освоения Флориды в XVI в. Часть 4: Третий этап открытия и освоения Флориды (Начало эпохи правления Карла V и продолжение освоения Флориды 1520–1522 гг.) // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 1. С. 108–122.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-1-108-122

FOR CITATION

Ashrafyan K. E. Chronology of the discovery and development of Florida in the 16th century. Part 4: The third stage of the discovery and development of Florida (The beginning of the reign of Emperor Charles V and the continuation of the exploration of Florida 1520–1522). In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 1, pp. 108–122.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-1-108-122

УДК 94

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-1-123-132

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА ВО ВТОРОЙ АВСТРИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ПО ПРОБЛЕМЕ НЕЙТРАЛИТЕТА В 1950-Е ГГ. XX В. (НА ПРИМЕРЕ «СОКРАЩЁННОГО ДОГОВОРА»)

Козьякова Н. С.*Финансовый университет при Правительстве РФ**125167, Москва, пр-кт Ленинградский, д. 49/2, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель. Рассмотреть историю провозглашения Австрией статуса постоянного нейтралитета и политической борьбы вокруг данной проблемы. Статус постоянного нейтралитета полностью отвечает интересам австрийского народа. Современный австрийский нейтралитет в немалой мере содействует также сохранению мира в центре Европы.

Процедура и методы. Методология исследования опирается на такие принципы, как историзм, объективность и научная достоверность, комплексное использование которых позволило достичь поставленной в работе цели.

Результаты. Делается вывод, что Государственный договор и статус постоянного нейтралитета составляют единую основу внешнеполитической ориентации Австрии и неразрывно связаны друг с другом. Государственный договор создаёт для Австрийской республики возможность проводить самостоятельную внешнюю политику, а нейтралитет определяет ведущие элементы государственной политики.

Теоретическая и/или практическая значимость. Материалы статьи могут быть использованы для анализа концепции нейтралитета и его роли во внешней политике таких европейских государств, как Австрия, Ватикан, Лихтенштейн. Результаты исследования могут применяться при подготовке практических занятий и лекционных курсов во Всеобщей истории стран Европы и Америки, внешней политики Австрии и других стран Европейского Союза.

Ключевые слова: государственный договор, нейтралитет, «сокращённый договор», Австрийская народная партия, Социалистическая партия Австрии, восстановление независимости, переговоры

INTERNAL POLITICAL STRUGGLE IN THE SECOND AUSTRIAN REPUBLIC REGARDING THE PROBLEM OF NEUTRALITY IN THE 1950^S OF THE 20TH CENTURY (ON THE EXAMPLE OF THE "ABBREVIATED TREATY")

N. Kozyakova*Financial University under the Government of the Russian Federation**pr-kt Leningradskiy 49/2, Moscow 125167, Russian Federation*

Aim. To review the history of Austria's declaration of permanent neutrality and the political struggle around this problem. The status of permanent neutrality fully fulfills the interests of the Austrian people. Modern Austrian neutrality also contributes to the preservation of peace in the center of Europe.

Methodology. The research methodology is based on such principles as historicism, objectivity and scientific reliability, the integrated use of which made it possible to achieve the goal set in the work.

Results. It is concluded that the State Treaty and the status of permanent neutrality form a single basis for Austria's foreign policy orientation and are inextricably linked with each other. The state treaty creates an opportunity for the Republic of Austria to pursue an independent foreign policy, and neutrality determines the leading elements of state policy.

Research implications. The materials of the article can be used to analyze the concept of neutrality and its role in the foreign policy of such European states as Austria, the Vatican, Liechtenstein. The results of the study can be used in the preparation of practical classes and lecture courses in the General History of Europe and America, the foreign policy of Austria and other countries of the European Union.

Keywords: State treaty, neutrality, "Abbreviated treaty", Austrian People's Party, Socialist Party of Austria, restoration of independence, negotiations

Введение

Почти 70 лет прошло с того времени, когда 15 мая 1955 г. представители Австрии, Великобритании, СССР, США и Франции подписали Государственный договор о восстановлении независимой и демократической Австрии. В тот же год австрийский парламент 26 октября принял Федеральный конституционный закон о нейтралитете. Перед Австрийской республикой эти события открыли широкие возможности демократического развития, что в дальнейшем позволило ей добиться значительных успехов в различных сферах внутри- и внешнеполитической деятельности.

Актуальность изучения проблемы нейтралитета обусловлена существующими политическими проблемами в современной Европе: необходимость поддержки слабых кластеров ЕС, волатильность банковской системы, рост безработицы, особенно в молодёжной среде, нестабильность социальных функций государства.

Рассмотрим историю провозглашения Австрией статуса постоянного нейтралитета и осветим политическую борьбу вокруг указанной проблемы. Политические процессы будем рассматривать исходя из контекста конкретной ситуации, проведём совокупный, а не отдельный друг от друга анализ фактов и событий.

Для сложившейся в начале 1950-х гг. ситуации были характерны следующие моменты:

1. было очевидно, что правящие круги западных держав стремятся вовлечь Австрию в военно-стратегические планы НАТО. Неоднократные встречи в течение 1950–1951 гг. заместителей министров иностранных дел Великобритании, СССР, США и Франции с целью урегулирования ранее несогласованных вопросов по проекту Государственного договора с Австрией результата не приносили;

2. в Австрии наблюдался значительный подъём рабочего движения, вызванный последствиями осуществления «плана Маршалла». В стране активизировалась общественность, которая требовала вывода всех оккупационных войск и заключения Государственного договора. Правящие круги западных держав сосредоточили свои усилия на введении общественности в заблуждение; это было необходимо для того, чтобы скрыть свои реальные намерения в отношении Австрии. В конечном итоге это привело к разработке проекта так называемого «сокращённого договора»;

3. в Австрии под воздействием данных фактов возобновилась внутриполитическая дискуссия вокруг проблемы нейтралитета страны, которая в дальнейшем отразилась на официальном курсе Федерального правительства.

Экономическое развитие Австрии

Во всех западных землях Австрии в начале 1950-х гг. совместно с учениями вооружённых сил НАТО в Италии и Западной Германии регулярно проводились крупные манёвры оккупационных войск. На страницы прессы в августе того же года попал секретный документ, автором которого был генерал М. Э. А. Бетуар – бывший французский верховный комиссар в Австрии. Кроме материалов о создании так называемой системы западноевропейской обороны в данном источнике также содержался план создания «альпийского укрепленного района»: «Оборона Альп может и должна быть обеспечена Австрией, которая располагает необходимым количеством людей... Поэтому политические и военные соглашения должны предоставить Австрии право как во время, так и после оккупации предпринять скрытую мобилизацию, чтобы располагать необходимыми людскими резервами» [2, с. 52].

Речь Президента США Г. Трумэна в апреле 1951 г. также является свидетельством будущего намерения включения Австрии в военно-стратегическую сферу НАТО правящими кругами стран-участниц Североатлантического договора. Говоря о «народах Европы, проживающих в районах исключительно важного стратегического значения», и отмечая, что оборона этих районов соответствует интересам страны, Г. Трумэн упомянул Австрию совместно с Западной Германией, Триестом и Югославией. [4, с. 28]. Вслед за этим, уже в июне 1951 г., стало известно, что вооружённые силы союзников в Южной Австрии подчинились верховному командованию НАТО. В соответствии со стратегическими планами Североатлантического блока в Европе перед западными оккупационными войсками в Австрии ставились определённые военные задачи. В начале октября 1951 г. в присутствии американских на-

блюдателей военных учений особых частей был завершён первый этап создания австрийской армии.

Постепенно австрийская экономика оказалась втянутой в программу вооружений НАТО. В значительной степени этому способствовала администрация по осуществлению «плана Маршалла». 25 октября 1950 г. газета «New York Herald Tribune» по этому поводу писала, что Австрия «непосредственно слилась с системой североатлантической обороны». Разработанная Федеральным правительством «Австрийская программа капиталовложений с 1950 до 1952 гг.» была утверждена в июне 1950 г. Данный источник указывает, что в рассматриваемый период 74,6% средств «особого счёта» были предназначены для инвестиций в связанные с военным производством отрасли промышленности [3, с. 150].

Экспорт из Австрии основных видов стратегического сырья резко увеличился в период с 1948 по 1952 гг. 26 ноября 1950 г. *New York Times* на одной из своих страниц разместила фотографию штирийской горы Эйзенарц, сопроводив её следующей подписью: «В интересах обороны Западной Европы при помощи «плана Маршалла» гора Эйзенарц разрабатывается гораздо быстрее, чем когда-либо прежде» [21, с. 42].

Заметная милитаризация экономики, которая привела к диспропорции в темпах развития отдельных отраслей промышленности, сокращению потребления, росту цен и, как следствие, к снижению уровня жизни основной массы населения, стала следствием осуществления «плана Маршалла» в Австрии. В существующих условиях австрийские рабочие начали борьбу за улучшение своего положения. По стране в начале октября 1950 г. прокатилась мощная волна забастовок, направленная против наступления крупного капитала на права населения под прикрытием «плана Маршалла».

Проблема нейтралитета

Коммунистическая партия активно выступала против подчинения Австрии интересам военных кругов стран Запада. На принятой резолюции XV съезда КПА, который состоялся в ноябре 1951 г., подчёркивалось, что Коммунистическая партия выступает против вовлечения Австрии в Североатлантический блок, а также поддерживает политику, которая исходит из интересов мира, единства и независимости страны. Предполагалось, что Австрия должна была сделать официальное заявление «о своём намерении не принимать участия в военных пактах в какой бы то ни было форме» [17, с. 442]. И. Коплениг, выступая в парламенте республики в декабре того же года от имени австрийских коммунистов, заявил о необходимости изменения существующего курса Федерального правительства: «Австрийский народ ничего другого так страстно не желает, как мира и обеспечения своего национального и экономического существования. Поэтому жизненные интересы нашего народа требуют политики отпора всем попыткам, в какой бы форме они не проявлялись, подключить нашу страну к западному курсу военных приготовлений» [7, с. 167]. КПА боролась и за проведение конструктивной политики Федерального правительства, которая могла способствовать достижению взаимопонимания и поддержки между державами, занимавшимися решением австрийской проблемы.

Требования КПА были разумными и обоснованными. В тот период заявления отдельных руководящих функционеров Австрии не содействовали успешному исходу переговоров по вопросу восстановления независимости республики. Например, в конце января 1952 г. на внеочередном съезде Австрийской народной партии федеральный канцлер Л. Фигль выступил с утверждением, что препятствием к заключению Государственного договора с Австрией является Советский

Союз [15, с. 175]. Венский журналист «New York Times» Д. Маккормик со ссылкой на министра иностранных дел Австрии К. Грубера 1 февраля 1952 г. писал, что в целях достижения независимости страны австрийское правительство намерено принять более радикальные меры, например: подготовка зоны советской военной оккупации полной экономической изоляции или формирование 10 дивизий, вооружённых при поддержке США, для дислокации в Альпах.

Неудивительно, что австрийское общество было встревожено, это отражалось в СМИ. 5 сентября 1951 г. газета «Kleines Fokksblatt» писала: «Чем больше растёт отчуждение между Востоком и Западом, тем больше отдаляется от нас заключение Государственного договора». В опубликованной 25 января 1952 г. статье газеты «Neues Osterreich» был поставлен вопрос о сроках подписания Государственного договора. Подчёркивалось, что разговоры о «русской обструкции» отвлекали от решения основной проблемы: «Речь идёт здесь не просто о желании или нежелании, а о вполне конкретной политике, вытекающей из нашего положения между блоками держав и нашего к ним отношения... Когда нам удастся отвести подозрения в односторонних связях и обязательствах и убедить мировую общественность в том, что мы как в настоящее время, так и в будущем не станем предоставлять никакому блоку страну, людей и оружие, тогда нам не нужно будет ждать звёздного часа всеобщего умиротворения, тогда наша свобода и независимость не обернутся для одних ущербом и преимуществом для других».

Необходимо отметить, что сложившаяся для Австрии в разгар холодной войны ситуация трезво оценивалась частью руководства страны. На съезде Австрийской народной партии в 1951 г. в качестве нового избранного Генерального секретаря партии президент Национального совета выступал А. Малета. Он сделал заявление, что Австрия достигнет подписа-

ния Государственного договора «только путём строгого нейтралитета в отношении всех сторон» [14, с. 85]. Федеральный Президент Австрийской республики Т. Кернер в одном из своих приветственных посланий Швейцарии в декабре того же года писал: «Швейцария, экономика которой является для нас примером того, как можно связать сильную инициативность с разумной деловитостью, будет для окончательно освободившейся Австрии также образцом такой политической мудрости, которая повсюду имеет хороших друзей, но не связана ни с кем в одностороннем порядке» [19, с. 34]. На фоне громких требований «солидарности» с Западом данные высказывания остались незамеченными. Речь А. Малеты, касающаяся нейтралитета, в официальном документе съезда АНП была исключена и вместо неё появилась краткая вставка: «Затем Генеральный секретарь, доктор Малета, говорил также и о внешнеполитических проблемах» [19, с. 45].

В это время руководство Социалистической партии Австрии занимало недальновидную позицию. А. Шерф на очередном съезде СПА в 1951 г. поставил под сомнение идею заключения Государственного договора, несмотря на то, что это открывало перед страной перспективы независимого развития [8, с. 314]. Лидеры партии также выступили против возможного нейтралитета Австрии. В статье главного редактора газеты «Arbeiter Zeitung» О. Поллака от 10 февраля 1952 г. подчёркивалось, что союз Австрии с Соединёнными Штатами «неизбежен для предотвращения новой войны и сохранения Европы». «Европа, – писал Поллак, – не может быть защищена без Германии, и она не может быть защищена без Америки. С тех пор, как возникла опасность со стороны Востока, всякая политика “без нас” в Германии или где-нибудь в другом месте является поэтому антиевропейской. Любого рода “нейтрализм” направлен против мира, а любая антиамериканская политика, хо-

тят ли этого или нет, является поддержкой русских».

Правящие круги США скрывали свои замыслы от общественности и готовили проект так называемого «сокращённого договора» для Австрии. Он состоял из 8 статей и, как отмечал позднее ведущий австрийский государственный деятель Б. Крайский, «исключал какие бы то ни было экономические и политические гарантии суверенитета Австрии» [18, с. 54]. Для обсуждения на сессии Совета НАТО в Лиссабоне в начале 1952 г. государственный секретарь США Д. Ачесон предложил проект «сокращённого договора». Западные страны выдвинули его в качестве нового предложения на переговорах по австрийскому вопросу после окончательного согласования 13 марта 1952 г. [6, с. 194].

В «сокращённом договоре» не было положений об обеспечении дальнейшей демократизации Австрии и создании гарантий против аншлюса, а интересы Советского Союза не упоминались [1, с. 181]. Со стороны стран данные действия носили открытый провокационный характер, т. к. не было сомнений, что СССР не согласится подписывать данный вариант договора. Не вызывает сомнений, что целью «сокращённого договора» был срыв переговоров по австрийскому вопросу, а для Североатлантического блока создавались необходимые условия для использования Австрии в собственных интересах. На переговорах по вопросу о восстановлении независимости Австрии представитель США в октябре 1953 г. сделал заявление, что США настаивают на «сокращённом договоре», т. к. это гарантирует вступление Австрии в западный блок, а Государственный договор, разрабатываемый при участии СССР, усиливает нейтральную политику Австрии [1, с. 183].

Федеральный канцлер Австрии Л. Фигль 13 марта 1952 г. сделал заявление, что он приветствует «любую попытку, представляющую выход из нынешней

тяжёлой ситуации». Это произошло в тот день, когда западные страны передали проект «сокращённого договора» в качестве предложения правительству СССР [13, с. 62]. Министр иностранных дел Австрии К. Грубер 2 апреля в ходе дебатов в Национальном совете по поводу «инициативы» западных стран выразил следующее мнение: «Проект сокращённого договора, который я назвал бы, скорее, протоколом об эвакуации, представляет собой основу для переговоров и освобождает австрийскую проблему от путаницы нерешённых и второстепенных вопросов» [13, с. 68]. Также министр выступил с резкой критикой на требование депутатов от КПА придерживаться курса политики строгого нейтралитета в отношениях со всеми странами мира. К. Грубер полагал, что нейтралитет, который рекомендовали коммунисты, был символом СССР для создания «согласия нейтральных государств в Центральной Европе». В дальнейшем К. Грубер полагал, что «коммунистам нейтралитет необходим не в качестве системы, служащей делу мира, не как элемент честного равновесия сил, а в качестве троянского коня для контрабандного провоза народной демократии в свободные ещё страны» [13, с. 82].

На этом же заседании Национального совета об актуальном значении «сокращённого договора» для дальнейшей судьбы Австрии от имени фракции депутатов СПА говорил мэр г. Линца Э. Корейф. Он сделал заявление, что партией отвергается «идея нейтралитета и нейтральная позиция, понимаемая как послушное и безвольное подчинение советской политике диктата» [11, с. 351].

История «сокращённого договора»

Если принять во внимание тот факт, что в рассматриваемый период в деятельности Социалистической партии Австрии ведущим мотивом был антикоммунизм, то выступление Э. Корейфа неудивительно. Через некоторое время А. Шерф выде-

лил решение СПА об «отклонении любых организационных контактов и любого единства действий с коммунистами» в качестве явления, предопределившего судьбу страны [20, с. 316]. На общем фоне деятельности европейской социал-демократии после Второй мировой войны данная тенденция не была случайной. На состоявшемся в середине 1951 г. Первом конгрессе Социалистического Интернационала ответственность за обострение международной напряжённости во внешнеполитической резолюции была возложена на социалистические страны и политику коммунистических партий. С поддержкой политики гонки вооружений и милитаризации экономики западных стран открыто выступили лидеры правых социал-демократов. Руководство Социалистической партии Австрии также поддержало альтернативное развитие европейских государств. Например, в марте 1952 г. один из ведущих теоретиков партии К. Чернец писал, что «вооружение Запада в противовес Советскому Союзу является необходимостью» [13, с. 109].

В парламенте республики проект «сокращённого договора» поддержали депутаты Австрийской народной партии. В ходе дебатов по внешнеполитическим вопросам выступил Л. Тончич и сделал заявление, что проект «сокращённого договора» партия одобряет, т. к. он не содержит неясных статей прежнего проекта договора» [22, с. 18]. А. Горбах утверждал, что при прежнем проекте Государственного договора Австрия была «вынуждена» отказаться от нейтралитета и присоединиться к одной из группировок западных стран [9, с. 156].

Необходимо проанализировать позицию Союза независимых. Один из основателей партии Г. Краус выражал недовольство даже такой скупой формулировкой запрета аншлюса, которая находилась в проекте «сокращённого договора». «Что такое собственно государственный договор, – спрашивал Г. Краус 2 апреля 1952 г. в Национальном совете.

– В действующем до сих пор международном праве вообще нет такого понятия, как государственный договор. Есть мирный договор с ведущей войну страной и есть соглашение об освобождении какой-либо временно оккупированной страны. Ничего иного нет...» [12, с. 246]. Лидер Союза независимых поддержал «сокращённый договор», который он назвал протоколом об эвакуации, подобной позиции придерживался и К. Грубер.

Федеральное правительство Австрии 31 июля 1952 г. огласило меморандум, в котором одобрило идеи «сокращённого договора» и сделало акцент на том, что «переговоры на основе прежнего проекта Государственного договора более невозможны» [13, с. 119].

В дальнейшем уже правительство СССР выступило с изложением своей позиции, касающейся проекта «сокращённого договора». В переданной правительству США ноте от 14 августа 1952 г. было подчёркнуто, что «сокращённый договор» не отвечает задачам восстановления свободной, независимой и демократической Австрии, которые провозглашались в Декларации об Австрии, принятой в октябре 1943 г. на Московском совещании министров иностранных дел Великобритании, СССР, США и Франции, что в дальнейшем нашло своё выражение в Потсдамских решениях, а также и в других соглашениях четырех ведущих стран относительно Австрии [5, с. 42]. Советская делегация ещё раз подтвердила позицию СССР по австрийской проблеме осенью 1952 г., когда, не принимая во внимание ст. 107 Устава ООН, австрийское правительство пролоббировало включение в повестку дня Генеральной Ассамблеи ООН вопроса о Государственном договоре. Представитель СССР при ООН А. А. Громыко, выступая в Первом комитете Генеральной Ассамблеи ООН, 17 декабря 1952 г. сделал следующее заявление: «Позиция трёх западных держав в австрийском вопросе не только не содействует ускорению решения этого

вопроса, но, наоборот, тормозит и препятствует его решению, чего, конечно, не могут не видеть и правительства США, Великобритании и Франции. Это видно из того, что в основном уже согласованный между четырьмя державами – СССР, США, Великобританией и Францией – Государственный договор с Австрией, который Советское правительство предлагает в ближайшее время закончить рассмотрением, в настоящее время отвергается западными державами» [5, с. 46].

Свидетельством реального отношения правительства СССР к проблеме восстановления независимости Австрийской республики является информация, которая поступала в Вену из Москвы от посла Н. Бишоффа. В нормализации двусторонних советско-австрийских отношений, которые стали одним из важных факторов успешного исхода переговоров по Государственному договору, он был ведущим актором. 26 декабря 1952 г. в Балхаусплац Н. Бишофф придерживался следующей позиции: «Прежде всего, я считаю, что пребывание русских в Австрии ни в коей мере не отвечает политическим интересам Советского Союза – напротив... Пока русские не будут иметь полной гарантии того, что Австрия после вывода оккупационных войск не станет американским или германским государством-сателлитом, нельзя серьёзно рассчитывать на их уход из Австрии» [16, с. 202].

Исходя из вышесказанного, возникает вопрос: какой линии придерживалось руководство австрийских политических партий в условиях окончательного срыва переговоров по Государственному договору?

Заключение

Проведённое исследование показало, что для Австрии постоянный нейтралитет и заключение Государственного договора были неразрывно связаны друг с другом, а в дальнейшем стали фундаментом для деятельности Австрии на между-

народной арене. Установление нейтралитета во Второй Австрийской республике определило ведущие направления политической деятельности, а в дальнейшем возможность проводить собственную внешнюю политику. Этому предшествовали следующие события:

1. Политбюро ЦК КПА 14 февраля 1952 г. опубликовало заявление, где отмечалось, что «влиятельные американские империалистические круги совместно с австрийскими правящими политиками стремятся вместо Государственного договора к одностороннему соглашению», это произошло после того, как стали известными новые планы западных стран [16, с. 212]. Данные действия расценивались как серьёзная угроза для единства Австрии, и ЦК КПА обратилась к народу, призывая «путём совместного сопротивления перечеркнуть опасные планы американских империалистов и их австрийских приспешников» [16, с. 229]. Также Коммунисты выступили против проекта «сокращённого договора» для Австрии. На проходившем в конце октября 1952 г. Пленуме ЦК КПА И. Коплениг выступил со следующим заявлением: «Для обеспечения своей независимости Австрия нуждается не в скелетном, а в Государственном договоре, которого можно добиться лишь через взаимопонимание великих держав. Поэтому интересы Австрии требуют политики, активно поддерживающей подобное взаимопонимание» [10, с. 76];

2. ведущую роль в разоблачении сути «сокращённого договора» сыграла Народная оппозиция, которая была создана по инициативе Коммунистической партии и представляла интересы демократической общественности страны. Итоговой целью в опубликованной 3 ноября 1952 г. предвыборной программе Народной оппозиции было провозглашение

«независимой и нейтральной Австрии». Согласно данному источнику платформа блока должна была быть следующей: «Путём политики безусловного нейтралитета избавить нашу страну от холодной войны, от всех военных приготовлений, пактов и союзов. Никакой травли и пропаганды ненависти, а позиция, которая служила бы делу мира и взаимопонимания между великими державами и таким образом привела бы к заданию Государственного договора...» [17, с. 604];

3. австрийцы накануне парламентских выборов 1953 г. должны были решить сложную задачу по выбору дальнейшего пути развития страны, и вариантов здесь было немного. Австрия могла принять интересы военных кругов западных стран, но, как известно, отказалась от курса односторонней ориентации и внесла свою немалую долю в достижение взаимопонимания и согласия между странами, которые занимались решением непростой австрийской проблемы. Но СССР не могла заставить отойти от своей последовательной политики даже обстановка холодной войны, которая существенно затруднила подготовку Государственного договора с Австрией. Советское правительство по-прежнему выступало за успешное завершение переговоров по австрийской проблеме. О своей готовности принять участие в совещании представителей 4 ведущих стран мира по вопросу об Австрии оно сообщило в ноте от 27 сентября 1952 г. В данной ситуации СССР считал необходимым заранее выяснить информацию о согласии правительств Великобритании, США и Франции отказаться от идеи «сокращённого договора» и подтвердить окончание рассмотрения Государственного договора с Австрией. Но западные страны отказались дать ответ на данный вопрос.

Дата поступления в редакцию 05.04.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Белецкий В. Н. Советский Союз и Австрия: Борьба Советского Союза за возрождение независимой демократической Австрии и установление с ней дружественных отношений (1938–1960 гг.). М.: Изд-во ИМО, 1962. 342 с.
2. Вититнев С. Ф., Козьякова Н. С. Компаративный анализ феномена фашизма и неофашизма в XX в. и начале XXI в. М.: Знание-М., 2022. 167 с.
3. Жиряков И. Г. Воссоздание австрийского государства в 1945–1955 гг.: историко-правовое исследование. М.: МГГУ им. М. А. Шолохова, 2007. 245 с.
4. Козьякова Н. С. Внешняя политика Второй Австрийской республики (1950–1990 гг.). М.: Знание-М., 2021. 119 с.
5. СССР – Австрия, 1938–1979 гг.: документы и материалы / отв. ред. И. Н. Земсков. М.: Политиздат, 1980. 159 с.
6. Acheson D. The pattern of responsibility. Boston: Houghton Mifflin, 1952. 309 p.
7. Baier W. Das kurze Jahrhundert: Kommunismus in Österreich; KPÖ 1918 bis 2008. Wien: Steinbauer, 2009. 300 p.
8. Friesenbichler G. Verdrängung: Österreichs Linke im Kalten Krieg 1945–1955. Innsbruck – Wien, 2021. 531 p.
9. Gorbach A. Gedanken zur Politik. Wien, Stuttgart, Zürich: Frick, 1966. 228 p.
10. Koplenig J. Aus der Vergangenheit der KPÖ: Aufzeichnungen u. Erinnerungen zur Geschichte der Partei. Wien: KPÖ, 1961. 129 p.
11. Koref E., Kreisky B. Die Gezeiten meines Lebens. Wien: München: Jugend&Volk, 1980. 551 p.
12. Kraus H. Untragbare Objektivität: politische Erinnerungen 1917 bis 1987. Wien: München: Amalthea-Verl, 1988. 349 p.
13. Lothar H. Die Zweite Republik Österreich und ihre Besonderheiten. Wien, Böhlau Verlag, Weimar, 2020. 316 p.
14. Maleta A. Bewältigte Vergangenheit: Österreich 1932–1945. Graz, Wien: Verl. Styria, 1981. 250 p.
15. Mosser-Schöcker B. Leopold Figl: der Glaube an Österreich. Wien: Amalthea, 2015. 256 p.
16. Müller W. Die sowjetische Besatzung in Österreich 1945–1955 und ihre politische Mission. Wien: Böhlau; 2005. 300 p.
17. Mugrauer M. Die Politik der KOPF 1945–1955: von der Regierung s bank in die innenpolitische Isolation. Göttingen, V&R unipress, Vienna University Press, 2020. 833 p.
18. Petritsch W. Ich bin der Meinung ...: Bruno Kreisky – Sprüche und Widersprüche. Wien, 2019. 80 p.
19. Rausch B., Melchior A. 75 Jahre Österreichische Volkspartei: Geschichte in Geschichten. Politische Akademie, Wien, 2021. 151 p.
20. Schärf A. Österreichs Erneuerung: 1945–1955; Das erste Jahrzehnt der Zweiten Republik. Wien: Verl. d. Wiener Volksbuchhandlung, 1955. 420 p.
21. Tiess G. Rohstoffpolitik in Europa: Bedarf, Ziele, Ansätze. Wien, Springer, 2009. 279 p.
22. Tončić-Sorinj L. Österreich 1945–1955–1985. Mattersburg: Österr. Ges. für Polit. Bildung, 1985. 96 p.

REFERENCES

1. Beletsky V. N. *Sovetskiy Soyuz i Avstriya: Bor'ba Sovetskogo Soyuz za vrozozhdeniye nezavisimoy demokraticheskoy Avstrii i ustanovleniye s ney druzhestvennykh otnosheniy (1938–1960 gg.)* [The Soviet Union and Austria: The struggle of the Soviet Union for the revival of independent democratic Austria and the establishment of friendly relations with it (1938–1960)]. Moscow, Izd-vo IMO Publ., 1962. 342 p.
2. Vititnev S. F., Kozyakova N. S. *Sravnitel'nyy analiz fenomena fashizma i neofashizma v XX v. i nachale XXI v.* [Comparative analysis of the phenomenon of fascism and neo-fascism in the 20th century and the beginning of the 21st century]. Moscow, Znanie-M Publ., 2022. 167 p.
3. Zhiryakov I. G. *Vossozdaniye avstriyskogo gosudarstva v 1945–1955 gg.: istoriko-pravovoye issledovaniye* [Reconstruction of the Austrian state in 1945–1955: historical and legal research]. Moscow, MGГУ im. M. A. Sholokhova Publ., 2007. 245 p.
4. Kozyakova N. S. *Vneshnyaya politika Vtoroy Avstriyskoy respubliki (1950–1990 gg.)* [Foreign policy of the Second Austrian Republic (1950–1990)]. Moscow, Znanie-M Publ., 2021. 119 p.

5. Zemskov I. N., ed. *SSSR – Avstriya, 1938–1979 gg.: Dokumenty i materialy* [USSR – Austria, 1938–1979: documents and materials]. Moscow, Politizdat Publ., 1980. 159 p.
6. Acheson D. *The pattern of responsibility*. Boston, Houghton Mifflin, 1952. 309 p.
7. Baier W. *Das kurze Jahrhundert: Kommunismus in Österreich; KPÖ 1918 bis 2008*. Wien, Steinbauer, 2009. 300 p.
8. Friesenbichler G. *Verdrängung: Österreichs Linke im Kalten Krieg 1945–1955*. Innsbruck – Wien, 2021. 531 p.
9. Gorbach A. *Gedanken zur Politik*. Wien, Stuttgart, Zürich, Frick, 1966. 228 p.
10. Koplenig J. *Aus der Vergangenheit der KPÖ: Aufzeichnungen u. Erinnerungen zur Geschichte der Partei*. Wien, KPÖ, 1961. 129 p.
11. Koref E. Kreisky B. *Die Gezeiten meines Lebens*. Wien, München, Jugend&Volk, 1980. 551 p.
12. Kraus H. *Untragbare Objektivität: politische Erinnerungen 1917 bis 1987*. Wien, München: Amalthea-Verl, 1988. 349 p.
13. Lothar H. *Die Zweite Republik Österreich und ihre Besonderheiten*. Wien, Böhlau Verlag, Weimar, 2020. 316 p.
14. Maleta A. *Bewältigte Vergangenheit: Österreich 1932–1945*. Graz, Wien, Verl. Styria, 1981. 250 p.
15. Mosser-Schöcker B. *Leopold Figl: der Glaube an Österreich*. Wien, Amalthea, 2015. 256 p.
16. Müller W. *Die sowjetische Besatzung in Österreich 1945–1955 und ihre politische Mission*. Wien, Böhlau, 2005. 300 p.
17. Mugrauer M. *Die Politik der KOPF 1945–1955: von der Regierung's bank in die innenpolitische Isolation*. Göttingen, V&R unipress, Vienna University Press, 2020. 833 p.
18. Petritsch W. *Ich bin der Meinung ...: Bruno Kreisky – Sprüche und Widersprüche*. Wien, 2019. 80 p.
19. Rausch B. Melchior A. *75 Jahre Österreichische Volkspartei: Geschichte in Geschichten*. Politische Akademie, Wien, 2021. 151 p.
20. Schärf A. *Österreichs Erneuerung: 1945–1955; Das erste Jahrzehnt der Zweiten Republik*. Wien, Verl. d. Wiener Volksbuchhandlung, 1955. 420 p.
21. Tiess G. *Rohstoffpolitik in Europa: Bedarf, Ziele, Ansätze*. Wien, Springer, 2009. 279 p.
22. Tončić-Sorinj L. *Österreich 1945–1955–1985*. Mattersburg, Österr. Ges. für Polit. Bildung, 1985. 96 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Козьякова Наталья Сергеевна – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Финансового университета при Правительстве РФ;
e-mail: nkozyakowa@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalya S. Kozyakova – Cand. Sci. (Political Sciences), Assoc. Prof., Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation;
e-mail: nkozyakowa@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Козьякова Н. С. Внутриполитическая борьба во Второй Австрийской республике по проблеме нейтралитета в 1950-е гг. XX в. (на примере «сокращённого договора») // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 1. С. 123–132.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-1-123-132

FOR CITATION

Kozyakova N. S. Internal political struggle in the Second Austrian Republic regarding the problem of neutrality in the 1950s of the 20th century (on the example of the "Abbreviated Treaty"). In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 1, pp. 123–132.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-1-123-132

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 930

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-1-133-140

«ЖЕНСКИЙ ВОПРОС» И ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Летова К. К.¹, Куренкова Е. А.²

¹ Академия управления и производства

123007, г. Москва, ул. 4-я Магистральная, д. 5, с. 2, Российская Федерация

² Государственный университет просвещения

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявить и сопоставить оценки, данные «женскому вопросу» и женскому движению в России отечественными исследователями второй половины XIX в. – 1917 г.

Процедура и методы. Анализ историографических источников, представленных научными монографиями, статьями, рецензиями и обзорами, произведён в соответствии с принципами историзма и исторической объективности. Применяемый в данном исследовании комплексный анализ предполагает трактовку «женского вопроса» и женского движения как уникальных общественных феноменов, их исторических особенностей зарождения и эволюции, системы ценностей.

Результаты. Сопоставлены позиции отечественных исследователей по основным проблемам истории «женского вопроса» и женского движения в России: хронология, создание и эволюция, основные историографические и дискуссионные проблемы.

Теоретическая и/или практическая значимость. Проанализированы основные позиции ведущих отечественных исследователей, которые могут быть использованы при проведении исследований по историографии общественно-политической жизни Российской империи второй половины XIX в. – 1917 г.

Ключевые слова: Российская империя второй половины XIX в. – 1917 г., «женский вопрос», женское движение, отечественная историография

WOMEN'S ISSUE AND WOMEN'S MOVEMENT IN RUSSIA IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

K. Letova¹, E. Kurenkova²

¹ Academy of Management and Production

4th Magistralnaya ul. 5- 2, Moscow 123007, Russian Federation

² Federal State University of Education

ul. Very Voloshinoi 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To identify and compare the assessments given to the women's issue and women's movement in Russia by domestic researchers of the second half of the 19th century – 1917.

Metodology. The analysis of historiographical sources, represented by scientific monographs, articles, reviews and surveys, is made in accordance with the principles of historicism and objectivity. The study applies a complex analysis and treats the women's issue and the women's movement as unique social phenomena, covering the historical features of their origin and evolution and the system of values.

Results. The article studies positions of domestic researchers on the main issues of history of the women's issue and women's movement in Russia – chronology, creation and evolution, the main historiographical and discussion problems.

Research implications. The article analyzes the main viewpoints of the leading Russian researchers, which can be used in the study of the historiography of social and political life of the Russian Empire of the second half of the 19th century – 1917.

Keywords: Russian Empire of the second half of the 19th century – 1917, women's issue, women's movement, Russian historiography

Введение

«Женский вопрос» – составная часть общественно-политической жизни России на протяжении по крайней мере нескольких веков её истории. А женское движение представляет собой влиятельную – и по численности, и по уровню интеллекта – социальную силу, которая способна содействовать решению ряда важнейших вопросов, как косвенно, так и напрямую связанных как с внешнеполитическим, так и внутривнутриполитическим курсом страны: защита гражданских прав женщин, безопасность детей и материнства, борьба за мир, борьба против реваншизма радикальных идей и учений. Внимание к истории «женского вопроса» и женского движения даст возможность учесть опыт, не допустить просчётов и ошибок. А обращение к историографии позволит не только суммировать всю совокупность исследований, но и обоб-

щить, и проанализировать научные разработки, без чего невозможна оптимальная эволюция общественного движения.

Специальных и обобщающих работ, посвящённых истории «женского вопроса» и женского движения в дореволюционной России нет. Есть отдельные статьи, в которых раскрывается тот или иной аспект интересующей нас темы [1; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9]. Но практически в каждой работе так или иначе обозначены факторы, дающие возможность осветить те или иные проблемы историографии «женского вопроса» и женского движения в Российской империи.

В современных трудах по истории феминизма отмечается, что в дореволюционной России был опубликован ряд исследований, посвящённых истории развития женского движения, содержащих его оценку и определение перспектив развития. Но все эти исследования

касались исключительно зарубежья [2, с. 40].

Наша задача состоит в том, чтобы, проанализировав работы исследователей дореволюционного историографического этапа (а их количество возрастало с каждым десятилетием), подтвердить или опровергнуть вышеприведённые утверждения современных исследователей.

Начнём с определения, что такое «женский вопрос» и что такое женское движение.

«Женский вопрос» включает в себя не только и не столько процесс эмансипации женщин, сколько вопросы взаимоотношений представителей различных полов, семьи и брака, охраны и защиты материнства и детства – то есть вопросы социального характера. Именно эти аспекты и выступают узловыми пунктами всего «женского вопроса».

Женское движение – это множество женских организаций, базовой функцией которых является общественная деятельность, направленная на удовлетворение запросов и решение проблем не только женщин, но и всего общества, связанных с материнством, воспитанием детей, семьи. Что подразумевает и возможность определения вектора и влияния на государственную политику в гендерной сфере. Таким образом, женское движение это не просто объединение разноплановых женских организаций, это ещё и социальное течение, неотъемлемая часть общественно-политического процесса.

1850-е гг.

Считается, что первой ячейкой женского движения в России стал женский кружок М. В. Трубниковой, сформированный в 1859 г. и принявший участие в создании воскресных школ в Петербурге.

Известный врач и общественный деятель Н. И. Пирогов считал возможным говорить о зарождении женского движения в Российской империи применительно ко времени Крымской войны (1853–1856 гг.), с момента создания и де-

ятельности Крестовоздвиженской общины сестёр милосердия¹. Но одна ячейка – это ещё не движение, которое должно ещё и базироваться на определённой мировоззренческой концепции.

Во второй половине 1850-х гг. на страницах ряда периодических изданий (и отдельными изданиями) появились публикации, в которых в центре внимания оказывались проблемы роли и места женщины в современном на тот момент российском обществе.

Так, скрывший своё настоящее имя за подписью «А.Х-ва» автор (педагог А. А. Чумиков) в первом из своих «Письмах к русским женщинам», упрекнув русскую женщину в стремлении к «внешнему блеску» и в пренебрежении к саморазвитию и самообразованию, ставил вопрос о важности взаимодействия женщины с окружающим обществом через необходимость получения не только общих знаний, но и востребованной в обществе профессии. Во втором письме – «О назначении женщины» – «А.Х-ва» очерчивал роль женщины в семье, значение её для «облагораживания» всего общества. Идеал женщины, по твердому убеждению «А.Х-ва», та, для которой истинным поприщем остаётся семья, но которая имеет своё мнение в вопросах науки, искусства и общества в целом².

По сути «А.Х-ва» одним из первых в литературе изложил основные положения «женского вопроса» и очертил направления деятельности только зарождающегося женского движения.

В более-менее оформленном виде концепция «женского вопроса» и женского движения была представлена публицистом М. Л. Михайловым, который указывал на то, что падение нравов есть прямое последствие принижения роли женщины в обществе и для общества. И пока за женщиной не будет признано

¹ Пирогов Н. И. Вопросы жизни // Морской сборник. 1856. № 9. С. 559–597.

² Х-ва А. Письма к русским женщинам // Журнал для воспитания. 1857. № 1. С. 41–52; № 3. С. 304–321.

право на равное с мужчиной участие не только в семейной жизни, но и в жизни всего общества, мужчина будет представляться как гордый своим мнимым преимуществом эгоист, проявляющий трусость в важные моменты жизни. Из чего следовало, что мужчинам следует отказаться от мелкого эгоизма, который несёт на себе исключительно негативную нагрузку¹.

Меры, способствующие равноправию женщин и мужчин, М. Л. Михайлов сводил к следующему: полноценное и полноправное образование женщин, гармоничные семейные отношения, предоставление женщинам свободного доступа ко всем родам деятельности. И самое главное: М. Л. Михайлов полагал, что только объединившись женщины способны решить вопросы своего бытия, своего места в общественной и семейной жизни².

Высказывался о «женском вопросе» популярный и авторитетный писатель Н. С. Лесков³. Сравнивая особенности «женского вопроса» в Северной Америке, Франции и России, он призывал не копировать зарубежный «опыт» (особенно французский), а, разобравшись и поняв, какова роль женщины в традиционном русском обществе и семье, представить своё видение места и роли женщины в современной России. Лесков считал, что женщины должны «не протестуя, делать своё дело».

Анализ литературы 1850-х гг. даёт все основания утверждать, что на тот период можно было говорить лишь об осмыслении «женского вопроса» и контуров женского движения, о зачатках движения, о разработке и обосновании того, что представляет собой «женский вопрос», что существование на тот период отдельные женские организации невозможно харак-

теризовать как действительно женское движение. Хотя актуальность «женского вопроса» не отрицал ни один из представленных авторов научно-популярных работ.

1860-е – 1870-е гг.

О женском движении как о движении общественном, судя по публикациям, можно было говорить применительно ко времени Великих реформ 1860-х – 1870-х гг. И выступали в печати по данной тематике немало и разнопланово.

Несмотря на сохранившиеся сильные позиции консервативной «партии», историк М. П. Погодин вопрошал: кто детей будет рожать, если женщины будут заниматься общественной деятельностью?⁴. В литературе активно обсуждался поиск путей эволюции женского движения, причём речь шла уже не о том, что должна делать женщина, а том, по какому «политическому руслу» направить женское движение, а также определить мировоззренческие приоритеты последнего.

На наш взгляд, более объективным в своих подходах был историк, публицист и философ А. П. Шапов, который призывал рассматривать решение «женского вопроса» исходя из исторической конкретности места и роли женщины в истории страны, без «копирования» теорий и учений инородного происхождения⁵.

Шапова поддерживал историк и публицист С. С. Шашков, который проанализировал положение женщины в древнерусском обществе и в условиях Петровских реформ, акцентируя внимание на развитии эмансипации и факторах, противодействующие ей. Исследовал автор и особенности отношений полов и культуру любви в России. Не обошёл Шашков и впервые затронутую в литературе XIX в. проблему проституции: уро-

¹ Михайлов М. Л. Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе // Современник. 1860. № 4. С. 473–500; № 5. С. 89–106; № 8. С. 335–350.

² Там же.

³ Лесков Н. С. Русские женщины и эмансипация // Русская речь. 1861. № 44. С. 655–658; № 46. С. 688–690.

⁴ Погодин М. П. Эмансипация женщины // Русский. 1868. 12 ноября.

⁵ Шапов А. П. Влияние общественного мирозерцания на социальное положение женщины в России // Дело. 1871. № 8. С. 1–40.

вень её распространения, социокультурные факторы, её порождающие¹.

Таким образом, если следовать позициям авторов этих работ, то, несмотря на ориентированность Великих реформ на аналогичные западноевропейские образцы, решение «женского вопроса» искали не на стороне, а в собственной истории и традициях.

1880-е – начало XX в.

Несмотря на то, что период правления Александра III (1881–1894 гг.) воспринимался как время «контрреформ», повернуть общество в своём развитии на 180° было невозможно. Для начала было необходимо осмыслить то, что произошло и в стране, и в женской «среде» за прошедшие 20 лет со времён начала Великих реформ, а также то, какие проблемы для «женской аудитории» остаются актуальными.

Самой не только узловой и актуальной, но и дискуссионной, оставалась тема высшего образования для женщин.

В ходе историографической полемики указывалось на приоритетность, самостоятельность и гражданскую инициативу в деле образования женщин, а первейшим и важнейшим условием – свобода общественной деятельности. Из-за плохой информированности общества о состоянии дел в сфере высшего женского образования, из-за наличия женофобов, поддерживаемых властью, из-за бюрократизации и жёсткого административного контроля со стороны ведомств и министерств высшего образования критиковался самый верхний эшелон российского чиновничества².

Историк и публицист В. П. Безобразов критиковал действующее законодательство, считая, что в отношении женщин оно во многом повторяет взгляды авторов «Домостроя». В семье женщина полностью была подвластна мужу, и даже

право наследования, согласно закону, существенно различалось: женщина могла наследовать имущество умершего мужа только по завещанию. В отсутствии последнего уступала это право детям. И не могла наследовать имущество родных – тётки, дяди, деда, – если у неё был родной брат³.

Другими словами, даже в условиях известного торможения и отката реформ, дискуссии в научной и публицистической литературе вокруг «женского вопроса» продолжались, «высвечивая» тот или иной аспект женского движения.

Начало XX в.

Русско-японская война 1904–1905 гг. и Первая русская революция 1905–1907 гг. не могли не оставить свой след в литературе, посвящённой эволюции «женского вопроса» и женского движения. Именно тогда впервые публицистами, общественными деятелями, учёными стал обсуждаться вопрос о важности организационного объединения, о выработке единого плана и единого вектора эволюции женского движения, анализировались первые попытки объединения, реакции власти и общества, зависимость роли женщины от общественного и религиозного устройства, а также от достижений научно-технического прогресса.

Под влиянием общественно-политических, геополитических катаклизмов начала XX в. российский социолог В. М. Хвостов осуществил исследование о роли женщины в обществе и её возможностей для самореализации в условиях социально-политических катаклизмов⁴. В. М. Хвостов впервые применил по отношению к женщине понятие «человеческое достоинство», которое в его трактовке приближалось к современному пониманию прав человека.

¹ Шашков С. С. Главные эпохи в истории русской женщины. СПб.: Новое время, 1879. 352 с.

² Песковский М. Л. Университетская наука для русских женщин // Русская мысль. 1886. № 12. С. 51–60.

³ Безобразов В. П. О правах женщины. М.: Тип. «Рассвет», 1895. 162 с.

⁴ Хвостов В. М. Женщина накануне новой эпохи: Два этюда по женскому вопросу. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1905. 101 с.

Обобщения и выводы Хвостова были высоко оценены виднейшим и последовательным сторонником идей равноправия женщин, профессором права Л. И. Петражицким. По его мнению, книги Хвостова – это не только научные исследования, но и руководство к действию сторонников женского движения¹.

Революция 1905–1907 гг. явилась причиной того, что в научной и пропагандистской литературе женское движение стали сопоставлять и противопоставлять с движениями чисто политического характера, а «женский вопрос» – с идеологией. Так, известная своим радикализмом во взглядах общественная деятельница С. А. Тюрберт² указывала на то, что женское движение с позиций ортодоксального марксизма – движение либерально-буржуазного толка, т. е. «отживающего течения человеческой мысли», поскольку базируется на ложном понимании исторического развития. Стремления феминисток придать женскому движению внепартийный и внеклассовый характер, по мнению марксистов-ортодоксов, демонстрировали ошибочность идеологических построений и обнаруживали «таящиеся в них элементы регресса».

Далее Тюрберт обращается к «социализму критическому», который стремится к реформированию общества посредством долгой и упорной культурно-правовой, культурно-просветительной работы³. Но и в «социализме критическом» Тюрберт усматривала желание политической партии подчинить себе женское движение, которое, по её твердому убеждению, должно было развиваться как самостоятельная социальная сила, а не как придаток какой-либо партии или политической группы.

Авторитетный в общественной среде публицист П. Г. Межуев⁴ трактовал «женский вопрос» как неравенство полов, которое усматривал не в природе человека, а в исторических особенностях эволюции общества. Решение «женского вопроса» Межуев видел в доступе женщин к образованию. Он указывал на то, что, несмотря на реформы, осуществляемые Александром II, российские университеты с 1863 г. оказались полностью закрытыми для женщин даже в качестве вольнослушательниц. Тогда как в Западной Европе наблюдалась иная картина. Успех женщин в общественной и политической жизни Межуев напрямую выводит из возможности получить профессиональное образование, которое давало не только специальность, но и возможность осмыслить проблемы общества исходя не только из собственных интересов, но и важности для социальных слоёв.

Прошедший в 1908 г. Первый Всероссийский женский съезд не мог не стать предметом обсуждения публицистов и учёных⁵. В центре внимания авторов оказались стремления ряда политических партий и политических лидеров навязать женскому движению своё видение общественной ситуации в стране, своё отношение к власти, свою программу действий. Однако «чистые» (внепартийные) феминистки отстаивали свои позиции о важности сохранения самостоятельности и самодостаточности женского движения, что нашло отражение в популярных изданиях⁶.

Начало и весь ход Первой мировой войны внесли свои коррективы в дискуссии о «женском вопросе» и женском движении. Такие вопросы, как правовой статус женщины, её социальное проис-

¹ Петражицкий Л. И. О пользе политических прав женщин. СПб.: Тип. Б. М. Вольфа, 1907. С. 5–11.

² Тюрберт С. А. Два направления в социализме и женском движении // Союз женщин. 1907. № 5. С. 5–7.

³ Тюрберт С. А. Два направления в социализме и женском движении // Союз женщин. 1907. № 5. С. 5–7.

⁴ Межуев П. Г. Женский вопрос и женское движение. СПб.: Тип. Альтшулера, 1906. 72 с.

⁵ Волькенштейн О. А. Итоги первого всероссийского женского съезда // Русская мысль. 1909. Февраль. С. 146–153.

⁶ Кальманович А. А. Женское движение и отношение партий к нему. СПб.: Тип. Б. М. Вольфа, 1908. 15 с.

хождение и зависимость от него, положение в обществе – отходили на второй план.

Коренные изменения произошли после февральских событий 1917 г., что сразу же нашло отражение и в литературе: вновь главенствующее место заняли вопросы политических и гражданских прав женщин, в первую очередь, – избирательное право. Особенно ярко женское движение проявило себя в период подготовки к выборам в Учредительное собрание¹.

Заключение

Выводы ряда современных отечественных исследователей о том, что в до-

революционной литературе обсуждались только вопросы зарубежного женского движения, не совсем верны. Предметом изучения были и характерные для России особенности «женского вопроса» и женского движения: процесс зарождения, эволюция, взаимодействие с обществом. Причём в различные отрезки периода с конца 1850-х гг. до 1917 г. наблюдались не только развитие самого феминизма, но и эволюция общественной и научной мысли, объясняющей изменения, связанные с этим социальным феноменом.

Дата поступления в редакцию 28.09.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронина О. А. Цивилизационное развитие России и «женский вопрос» (XV – начало XX века) // Проблемы цивилизационного развития. 2021. Т. 3. № 2. С. 83–101.
2. Гафизова Н. Б. Исторический опыт взаимодействия российского и международного женских движений в конце XIX – начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2000. 232 с.
3. Иванов А. А. Женский вопрос в мировоззрении русских правых в поздней имперский период // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. Вып. 3. С. 742–754.
4. Коновалова А. П. Феминизм в России: особый путь или мейнстрим // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2023. Вып. 2. С. 25–31.
5. Кранзеева Е. А. Женский вопрос в России: ретроспектива и перспектива // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 9. DOI: 10.24158/spp.2020.9.4
6. Крестьянников Е. А. Женская адвокатура в дореволюционной России: сибирский «след» // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 63. С. 38–46.
7. Малышева О. Г., Безина Е. А. «Стриженные студентки»: проблема высшего женского образования на страницах газеты «Московские ведомости» // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2022. № 1. С. 49–58.
8. Сердюк В. А. Женский труд на железных дорогах Российской империи: историографический обзор // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и философия. 2021. Т. 31. Вып. 1. С. 22–33.
9. Юкина И. И. На пути к женскому гражданству в России: 1860-е – 1917 год // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2021. Т. 13. № 3. С. 92–111.

REFERENCE

1. Voronina O. A. [Russian Civilizational and the “Women’s question” (XV – early XX century)]. In: *Problemy tsivilizatsionnogo razvitiya* [Civilization studies review], 2021, vol. 3, no. 2, pp. 83–101.
2. Gafizova N. B. *Istoricheskiy opyt vzaimodeystviya rossiyskikh i mezhdunarodnykh zhenskikh dvizheniy v kontse XIX – nachale XX veka: dis. ... kand. ist. nauk* [Historical experience of interaction between Russian and international women’s movements in the late 19th – early 20th centuries: Cand. Sci. thesis in Historical sciences]. Ivanovo, 2000. 232 p.
3. Ivanov A. A. [Women’s issue in the worldview of the Russian Right-wingers the late imperial period]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of St. Petersburg University. History], 2021, vol. 66, iss. 3, pp. 742–754.
4. Konovalova A. P. [Feminism in Russia: special path or mainstream]. In: *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya* [Bulletin of Buryat State University. Philosophy], 2023, iss. 2, pp. 25–31.

¹ Анчарова М. Женщины и выборы в Учредительное собрание. М.: Библиотека Народной свободы, 1917. 31 с.

5. Kranzeeva E. A. [The question of women's rights in Russia: retrospective and perspective]. In: *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika* [Society: sociology, psychology, pedagogy], 2020, no. 9. DOI: 10.24158/spp.2020.9.4
6. Krestyannikov Ye. A. [Female legal profession in pre-revolutionary Russia: Siberian "trace"]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Tomsk State University Journal of History], 2020, no. 63, pp. 38–46.
7. Malysheva O. G., Bezina E. A. ["Short-haired students": the problem of women's higher education in "Moskovskie Vedomosti"]. In: *Vestnik MGPU. Seriya: Istoricheskiye nauki* [MCU Journal of Historical Studies], 2022, no. 1, pp. 49–58.
8. Serdiuk V. A. [Female labor on the railways of the Russian Empire: historiographic review]. In: *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filosofiya* [Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology], 2021, vol. 31, iss. 1, pp. 22–33.
9. Yukina I. I. [On the way to women's citizenship in Russia: the 1860s-1917]. In: *Interaktsiya. Intervyu. Interpretatsiya* [Interaction. Interview. Interpretation], 2021, vol. 13, no. 3, pp. 92–111.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Летова Ксения Кирилловна – старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Академии управления и производства;
e-mail: kkletova@inbox.ru

Куренкова Евгения Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Государственного университета просвещения;
e-mail: ea.kurenkova@guppros.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ksenia K. Letova – Senior Lecturer, Department of Social and Humanitarian Disciplines, Academy of Management and Production;
e-mail: kkletova@inbox.ru

Evgeniya A. Kurenkova – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of History of Russia, Federal State University of Education;
e-mail: ea.kurenkova@guppros.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Летова К. К., Куренкова Е. А. «Женский вопрос» и женское движение в России в дореволюционной отечественной историографии // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 1. С. 133–140.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-1-133-140

FOR CITATION

Letova K. K., Kurenkova E. A. Women's issue and women's movement in Russia in pre-revolutionary Russian historiography. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 1, pp. 133–140.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-1-133-140

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-1-141-147

ДИСКУССИИ В СССР ПО ПРОБЛЕМАМ СОДЕРЖАНИЯ ШКОЛЬНОЙ ИСТОРИИ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Сотников А. А.*Государственный университет просвещения**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Провести анализ состояния и характера государственной исторической образовательной политики СССР и обобщить взгляды современных учёных-историков, изучающих дискуссии, проходившие в историко-методическом сообществе СССР.

Процедура и методы. Рассмотрены современные историографические источники, посвящённые дискуссиям в историко-методической науке СССР. При проведении исследования применены методы: сравнительно-исторический, а также методы наблюдения, обобщения и интерпретации результатов.

Результаты. В ходе работы были выявлены взгляды современных историков на вопросы, связанные с дискуссиями в историко-методической науке СССР, определены их сходства и различия.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в историографическое исследование современных источников, посвящённых государственной исторической образовательной политике СССР.

Ключевые слова: дискуссии, историческая наука СССР, образовательная политика СССР, историографические источники

DISCUSSIONS IN THE USSR ON THE PROBLEMS OF THE CONTENT OF SCHOOL HISTORY AND THEIR REFLECTION IN MODERN LITERATURE

A. Sotnikov*Federal State University of Education**ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To analyze the state and nature of the state historical educational policy of the USSR and summarize the views of modern scholars-historians studying the discussions that took place in the historical and methodological community of the USSR.

Methodology. The article examines modern historiographical sources devoted to the discussions in the historical and methodological science of the USSR. When conducting the study, a comparative historical method was used, as well as methods of observation, generalization and interpretation of the results.

Results. In the course of the work, the views of modern historians on issues related to discussions in the historical and methodological science of the USSR were revealed, their similarities and differences were determined.

Research implications. The results of the study contribute to the historiographical study of the modern sources devoted to the state historical educational policy of the USSR.

Keywords: discussions, historical science of the USSR, educational policy of the USSR, historiographic sources

Введение

Не подлежит сомнению, что глобальные изменения в историческом образовании СССР были обусловлены политическим фактором. Изменения во внешней и внутренней политике советского государства незамедлительно сказывались на историческом образовании. В современной историографии предпринимались попытки показать, что историческое образование развивалось под гнётом репрессий [4], политического давления, пропаганды и идеологического воздействия, политика превалировала над ценностью научного знания [5], а достижения советских учителей истории и учёных-историков были реализованы исключительно вопреки системе образования [3], сковывавшей и тормозящей творческий потенциал как учащихся, так и педагогов.

Тенденция критиковать образовательную политику СССР и её пагубное влияние на историческое образование распространилась далеко за пределы научно-исторического сообщества. Возможно ли предполагать, что точки зрения авторов в средствах массовой информации представлены читателям взвешенно и обоснованно, если и учёные-историки, увлекаясь критикой «тоталитаризма», не всегда подвергают свои утверждения детальной аргументации [2], преподнося свои идеи и политические убеждения как нечто само собой разумеющееся?

Вероятно, в целях научного разоблачения мнений, сформировавшихся у определённой части либерально настроенного общества, современная историография была дополнена учёными-историками рядом научных работ, акцентирующих внимание на дискуссионном характере процесса развития исторических знаний в СССР.

Эту сторону вопроса мы и рассмотрим в данной работе.

Научные дискуссии 1920–1930-х гг.

Особенности периода 1920-х гг. для школьного исторического образования в СССР хорошо представлены Е. И. Шулепниковой [10]. Общемировые тенденции в педагогике отвечали интересам идей пролетарского интернационализма и нашли отражение в советской системе образования. Изучение обществоведения вместо истории, использование метода проектов в обучении, внедрение комплексных программ – всё это характерные черты советской педагогики 1920-х гг. Данный период можно характеризовать как период свободы педагогов от устоявшихся методик преподавания. Свобода была предоставлена в использовании любых современных и инновационных методик того времени, официально отсутствовала лишь возможность возврата к классическим способам преподавания, в т. ч. и к попыткам преподавать историю вне новой концепции «система знаний, а не система предметов». При этом автор отмечает, что «советское учительство в своей практической работе и в 1920-е гг. далеко не всегда выполняло установки Наркомпроса по ограничению преподавания истории». Не единичными были случаи преподавания истории в духе патриотизма в рамках изучения обществоведения. В подтверждение данного вывода автор ссылается на наркома просвещения А. В. Луначарского, критиковавшего Всероссийский учительский союз за консервативные подходы к преподаванию истории в школах.

Научная работа А. Х. Тухватулина и А. М. Стоярова содержит историографический анализ журналов «Историк-марксист» за 1928 г. [7]. Начатая в 1927 г.,

дискуссия о состоянии преподавания в школах истории и обществоведения на страницах данного журнала была продолжена в 1928 г. Автор отметил, что к концу 1920-х гг. в научно-педагогическом сообществе отсутствовало единое мнение о содержании и методике преподавания обществоведения, роли истории как составляющей данного предмета, целесообразности оформления истории как отдельной учебной дисциплины. В 1928 г. на страницах «Историка-марксиста» особо критиковали школьный курс обществоведения: «мозаичное» мировоззрение, формируемого у учащихся, «схематизм, несоответствие уровня заданий возрасту школьников, формальный подход к отбору материала». В ходе дискуссии «большое внимание уделялось проблемам преподавания истории». По сути, происходила критика существующих организационно-методических решений в плане преподавания истории и обществоведения, т. е. данный факт можно рассматривать как критику государственной образовательной политики СССР.

Журнал «Историк-марксист» в 1920-е гг. издавался Обществом историков-марксистов при Коммунистической академии при поддержке Отдела печати ЦК ВКП(б). Учитывая, что журнал являлся официальным научным изданием, деятельность которого регулировалась государством, можно утверждать, что наличие подобных дискуссий поощрялось Наркомпросом в целях развития научного подхода в школьном гуманитарном образовании или, как минимум, не шло вразрез с интересами действующей государственной образовательной политики. Если данное утверждение было бы неверно, вопрос о прекращении подобных дискуссий мог быть решён руководством Наркомпроса административными способами в кратчайшие сроки.

Ход исторических дискуссий 1930-х гг. подробно рассматривает в своей монографии А. Н. Фукс [8]. В 1930-х гг., не-

смотря на «переход всей исторической науки на единые теоретико-методологические позиции марксизма», дискуссии в научно-историческом сообществе не прекращались. Они были посвящены анализу концептуальных подходов при создании первых учебников истории СССР. Отмечается продуктивность работы историков «в условиях мощнейшего идеологического давления»: успешно решены вопросы «генезиса феодализма», «образования Древнерусского государства», «роли христианства в культурно-историческом процессе», «истории крестьянских войн» и т. д. Автор приходит к выводу, что для «переломных времен» характерен пересмотр истории, возникновение новых концептуальных подходов к оценке ключевых проблем отечественной истории, дискуссий вокруг них, которые напрямую связаны с созданием новых учебников истории. Подобное явление объясняется закономерностью развития исторической науки и образования.

Исторические дискуссии 1950–1980-х гг.

Период 1950-х гг. с точки зрения научно-исторических дискуссий рассмотрен Е. И. Шулепниковой [9]. Издание новых учебников истории привело к необходимости изучения и разработки новой методики преподавания. Для данного десятилетия характерно отсутствие единой точки зрения в научно-историческом и педагогическом сообществах на методические принципы построения новых учебников и учебных программ. Проводя историографический анализ источников, посвящённых методике преподавания истории, автор показывает, что необходимость решения ряда методических проблем привела к широкой дискуссии, в которой приняли участие такие деятели педагогики и науки, как Н. В. Андреевская, Б. Н. Бернадский, В. Г. Карцов, В. Г. Ефимов, Ф. Донат, М. И. Кругляк, А. А. Янко-Триницкая. Исследователь также упоминает совещание по вопросам

методики преподавания истории в 1956 г. в Академии педагогических наук с участием ведущих педагогов и методистов того времени, которое носило именно дискуссионный характер. Оценивая результаты развития методики преподавания истории в 1950-х гг., автор приходит к выводу, что именно дискуссия «способствовала формированию методики преподавания как отрасли науки и учебной дисциплины».

Показана заинтересованность и партийного руководства, и учёных-историков, и учителей истории в развитии методики преподавания предмета, т. е. в более эффективном усвоении исторического материала. И дискуссии 1950-х гг. представлены как пример конструктивного и эффективного сотрудничества сторон, причастных к организации и обеспечению исторического образовательного процесса.

Дискуссии 1950–1980-х гг. рассматривались и И. А. Протасовой [6]. К 1950-м гг. был «критически переработан» дореволюционный, а также накоплен новый, советский, опыт преподавания истории в школах. Возникла необходимость его обобщения и систематизации, а также передачи данного опыта новым поколениям учителей истории. Решение задач по оформлению методики преподавания истории в качестве научной и педагогической дисциплины отвечало интересам государственной исторической образовательной политики, поэтому дискуссии представлены автором как органичный элемент развития исторической и педагогической наук тех лет. Автор отмечает, что дискуссия, начавшаяся в 1950х гг., продолжилась вплоть до конца 1980-х гг. Причиной тому были не только различные подходы и точки зрения на решение поставленных задач, но и расширение сферы научных интересов методики преподавания истории. Так, особую значимость приобретало обсуждение проблем, связанных с рассмотрением структуры и содержания курса методики обучения

истории в педагогических учебных заведениях СССР.

В. Э. Багдасарян опровергает предположения о «тоталитарности мышления» и «идеологическом единомыслии» в СССР [1]. Решения XX съезда КПСС (февраль 1956 г.) послужили причиной глобальных изменений во внутренней и внешней политике СССР, а значит, сказались и на государственной исторической образовательной политике. Такие перемены позволили расширить исследовательские возможности учёных-историков, педагогов и методистов. Да, «диктат официальной идеологии» продолжал существовать. На примерах эпизодов из биографий историков видна быстрая и решительная реакция советского административно-управленческого аппарата на попытки отдельных учёных интерпретировать исторические события и, в частности, роль СССР в этих событиях в ущерб государственным интересам. Но по сравнению с 1930-ми гг. изменились способы воздействия, начиная с принятия административных мер в виде предупреждений, выговоров, освобождения от занимаемой должности и заканчивая исключением из партии.

На фоне утверждения, что «историческая наука зачастую не поспевала за направлениями и темпами идеологических зигзагов», научная дискуссия выступает как вполне логичный способ не только получить более глубокие и всесторонние результаты исследования, плавно и безопасно апробировать научные теории, отследить перемену политических направлений в ходе исследования и адаптировать его результаты.

В. Э. Багдасарян отмечает, что для периода второй половины 1950-х – 1980-х гг. характерны расширение исследовательской проблематики, круга дискуссионных тем, внедрение количественных методов анализа, широкое распространение дискуссий. Достижения исторической науки тех лет «не выходили за рамки марксистской методологии», но наличие

«идеологических штампов» не препятствовало устойчивому развитию исторической науки и не приводило к «унификации исследовательских подходов». Также историк обращает внимание на противоречивость данного периода: при высоком уровне методологической оснащённости, значительном расширении источниковой базы, выявлении исторических законов и закономерностей имели место «формализованное цитирование классиков марксизма», «формализация науки», отбор научных кадров по принципу «идеологической и политической лояльности», «выхолащивание принципов ведения квалифицированной полемики».

Заключение

Таким образом, на примере рассмотренных современных историографических источников можно сделать предположение о появлении определённой тенденции к изучению дискуссионности в советской исторической науке. Освещение данного вопроса говорит о возникновении у отдельных историков стремления уйти от однозначности и стереотипности в оценках государственной исторической образовательной политики и исторической науки в СССР.

Учёными доказано, что существование единой исторической концепции не является препятствием для использования различных подходов в исследованиях, развития исторической науки, а значит и исторического образования. Более того,

дискуссии в научном сообществе СССР показали свою эффективность, а наличие определённого методологического и идеологического руслу дискуссий можно рассматривать как способ повышения коэффициента полезного действия исторического сообщества путём консолидации учёных, обеспечения единого вектора развития исторической науки.

Также наблюдается смена акцентов в государственной исторической образовательной политике СССР. До 1950-х гг. историческая наука и высшее историческое образование были призваны, в первую очередь, обеспечить существование школьного исторического образования и удовлетворение его оперативных потребностей: разработка и актуализация структуры школьного курса истории, содержания учебников, подготовка педагогических кадров. Другими словами, текущие потребности школы диктовали направление и суть историко-методических исследований.

Начиная с 1950-х гг., развитие науки в области истории, методики и педагогики привело к перестроению высшего образования, обеспечив переход от решения текущих вопросов преподавания истории в школах к исследованиям, позволившим реализовать качественное изменение содержания и методики не только школьного, но и высшего исторического образования.

Дата поступления в редакцию 29.11.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Багдасарян В. Э., Самолук М. Н. Миф о тоталитарности исторической науки в СССР: дискуссии в советской историографии второй половины 1950-х – первой половины 1980-х годов // Казачество. 2019. № 42. С. 24–41.
2. Бухараев В. М. По эту сторону событий и фактов: идейно-политические задачи учебных текстов по истории // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 2-2. С. 189–195.
3. Лебедев А. С. Проблемы преподавания истории в СССР во второй половине 1930-х годов // Оригинальные исследования. 2020. Т. 10. № 6. С. 188–197.
4. Пепелина Н. И. Из истории народного образования в СССР в 1930-х годах: работа над школьным учебником Отечественной истории // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. История и политология. 2013. № 2. С. 19–32.
5. Пепелина Н. И. Опыт создания советского школьного учебника по истории // Вестник Мос-

- ковского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2011. № 2. С. 96–109.
6. Протасова И. А. Дискуссии 1950–1980-х гг. в отечественной историко-методической науке // Историко-педагогические чтения. 2003. № 7. С. 378–381.
 7. Тухватуллин А. Х., Столяров А. М. Обсуждение проблем преподавания истории и общественных наук в журнале “историк-марксист” за 1928 г. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 7. С. 10–14.
 8. Фукс А. Н. Школьные учебники по отечественной истории как историографический феномен (конец XVII в. – вторая половина 1930-х гг.). М.: МГОУ, 2017. 420 с.
 9. Щупепникова Е. И. Обсуждение предмета методики преподавания истории в 1950-е годы // Современный учёный. 2019. № 2. С. 180–184.
 10. Щупепникова Е. И. Почему в 1920-е годы в школах не преподавали историю // Преподавание истории в школе. 2014. № 5. С. 26–29.

REFERENCES

1. Baghdasaryan V. E., Samolyuk M. N. [The myth about totalitarianism of the Soviet historical science: discussion in the Soviet historiography in the second half of the 1950s and the beginning of the 1980th]. In: *Kazachestvo* [The Cossacks], 2019, no. 42, pp. 24–41.
2. Bukharaev V. M. [On this side of events and facts: ideological and political objectives of educational texts on history]. In: *Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Scientific notes of Kazan University. Series: Humanities], 2009, no. 2-2, pp. 189–195.
3. Lebedev A. S. [Problems of teaching history in the USSR in the second half of the 1930s]. In: *Originalnyye issledovaniya* [Original research], 2020, vol. 10, no. 6, pp. 188–197.
4. Pepelina N. I. [The history of popular education in the USSR in the 1930-s: the working on text-book of the National History]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta im. M. A. Sholokhova. Istoriya i politologiya* [Vestnik of Sholokhov Moscow State University for the Humanities. History and political science series], 2013, no. 2, pp. 19–32.
5. Pepelina N. I. [Experience of creating the Soviet school text-book on history]. In: *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Istoricheskiye nauki* [MCU Journal of Historical Studies], 2011, no. 2, pp. 96–109.
6. Protasova I. A. [Discussions of the 1950–1980s. in domestic historical and methodological science] In: *Istoriiko-pedagogicheskiye chteniya* [Historical and pedagogical readings], 2003, no. 7, pp. 378–381.
7. Tuhvatullin A. Kh., Stolyarov A. M. [A discussion of the problems of teaching history and social sciences in the journal “Marxist-Historian” in 1928]. In: *Sovremennaya nauka: aktual'nyye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities], 2020, no. 7, pp. 10–14.
8. Fuks A. N. *Shkolnyye uchebniki po otechestvennoy istorii kak istoriograficheskiy fenomen (konets XVII v. – vtoraya polovina 1930-kh gg.)* [School textbooks on Russian history as a historiographical phenomenon (late 17th century – second half of the 1930s). Moscow, MGOU Publ., 2017. 420 p.
9. Shchulepnikova E. I. [The discussion of the subject of teaching history methods in the 1950s]. In: *Sovremennyy uchonyy* [Modern scientist], 2019, no. 2, pp. 180–184.
10. Shchulepnikova E. I. [Why history was not taught in schools in the 1920s]. In: *Prepodavaniye istorii v shkole* [Teaching history at school], 2014, no. 5, pp. 26–29.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сотников Александр Александрович – аспирант кафедры инновационных технологий исторического, обществоведческого и правового образования Государственного университета просвещения;
e-mail: reg3@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander A. Sotnikov – Postgraduate Student, Department of Innovative Technologies of Historical, Social Science and Legal Education, Federal State University of Education;
e-mail: reg3@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сотников А. А. Дискуссии в СССР по проблемам содержания школьной истории и их отражение в современной литературе // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 1. С. 141–147.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-1-141-147

FOR CITATION

Sotnikov A. A. Discussions in the USSR on the problems of the content of school history and their reflection in modern literature. In: *Bulletin of Federal State University of Education*. Series: History and Political Sciences, 2024, no. 1, pp. 141–147.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-1-141-147

УДК 930

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-1-148-159

ОБРАЗ УИНСТОНА ЧЕРЧИЛЛЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Тетерин П. В.^{1,2}, Решетникова А. П.¹

¹ Государственный университет просвещения

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

² Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

125167, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 49/2, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Анализ раскрытия образа Уинстона Черчилля в работах отечественных историков.

Процедура и методы. Рассмотрены вопросы, посвящённые научному анализу взглядов отечественных историков на оценку роли в истории и образа личности британского премьер-министра, дана сравнительная характеристика У. Черчилля с другими великими личностями того времени – И. В. Сталиным и Ф. Д. Рузвельтом. Также изучены точки зрения исследователей на отношение У. Черчилля к коммунизму, СССР и интервенции во время Гражданской войны в России. Методологической основой исследования стало применение сравнительно-исторического и историко-типологического методов.

Результаты. В большинстве рассмотренных работ об У. Черчилле выявлены различия в трактовках, разнообразие взглядов отечественных авторов на оценку политической личности. Выводы, которые были ими получены, в некоторой степени дискуссионные, но дают возможность объективно изучить образ У. Черчилля в представлении современного исторического сообщества. Проанализированы не только объективные, но и субъективные факторы, повлиявшие на его образ в отечественной историографии. В последние годы наблюдаются позитивные оценки российских историков характера и образа У. Черчилля в мировой истории.

Теоретическая и/или практическая значимость. Данная работа может быть полезна для более полного понимания образа У. Черчилля и его роли во всеобщей и российской истории. Материалы статьи могут быть использованы для подготовки лекций, учебных пособий и учебников по всеобщей истории XX в. и истории международных отношений.

Ключевые слова: историография, Черчилль, образ, война, Великобритания, личность, Сталин, Рузвельт

THE IMAGE OF WINSTON CHURCHILL IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

P. Teterin, A. Reshetnikova

¹ Federal State University of Education

ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow region Russian Federation

² Financial University under the Government of the Russian Federation

Leningradsky prospekt 49/2, Moscow 125167, Russian Federation

Abstract

Aim. To analyze the problem of revealing the image of Winston Churchill in the works of Russian historians.

Methodology. The questions devoted to the scientific analysis of the domestic historians' views on the assessment of the role in history and personality image of the British Prime Minister are considered, a comparative characteristic of W. Churchill with other great personalities of that time, Stalin and Roosevelt, is given. Additionally, researchers' viewpoints on the attitude of W. Churchill to communism, the USSR and intervention during the Russian Civil War are studied. The methodological basis of the study was the use of comparative-historical and historical-typological methods.

Results. Most of the works about W. Churchill, which were reviewed in the study, revealed differences in interpretations, a variety of views of domestic authors on the assessment of a political personality. The conclusions they have drawn are somewhat debatable, but present an opportunity to objectively study the image of W. Churchill in the perception of the modern historical community. Not only objective but also subjective factors that influenced his image in the domestic historiography are analyzed. The article notes that in recent years there have been positive assessments of Russian historians on the character and image of W. Churchill in the world history.

Research implications. The present work can be used by researchers to get a better understanding of W. Churchill's image and his role in world and Russian history. The materials of the article can be used to prepare lectures, study guides and textbooks on the general history of the 20th century and the history of international relations.

Keywords: Historiography, Churchill, image, war, Great Britain, personality, Stalin, Roosevelt

Введение

Уинстон Черчилль¹ – одна из самых противоречивых и знаковых личностей мировой истории. До сих пор среди специалистов существуют разные точки зрения на различные аспекты его характера. Личностно-психологические характеристики У. Черчилля повлияли на проводимую им как внутреннюю, так и внешнюю политику Великобритании. За его длинную политическую карьеру произошли яркие, драматические и судьбоносные события, изменившие ход не только британской, но и мировой истории.

Целью работы является историографический анализ образа У. Черчилля, одного из великих британских политиков за всю её историю, по вопросам, касающимся оценок его личностно-психологического портрета, его отношения к СССР и коммунизму, сравнительная характеристика с Ф. Д. Рузвельтом и И. В. Сталиным в общем контексте отечественной исторической мысли XX и XXI вв.

В отечественной исторической науке выделяются 2 периода в исследовании личности У. Черчилля: советский и постсоветский (современный российский). В работах исследователей неплохо изучена его деятельность, однако оценка образа личности в отечественной историографии разобрана подчас фрагментарно и неполно.

В советские годы стали появляться мемуары, в которых разбирается вопрос образа личности У. Черчилля². С 1991 г. прослеживается новый взгляд на его образ и личностный портрет в мемуарной и публицистической литературе³. Эти

¹ Уинстон Черчилль – британский консервативный политик и государственный деятель, один из самых влиятельных политиков в истории Великобритании и мира. Он дважды занимал пост премьер-министра Великобритании (1940–1945 и 1951–1955 гг.). Известный публицист, оратор, историк.

² Майский И. М. Воспоминания советского дипломата, 1925–1945 гг. М.: Наука, 1971. 711 с.; Громыко А. А. Памятное. М.: Политиздат, 1990. 557 с.; Новиков Н. В. Воспоминания дипломата: Записки, 1938–1947. М.: Политиздат, 1989. 396 с.; Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1 / пер. с англ. Д.А. Волкогонова. М.: Воениздат, 1991. 592 с.; Варенников В. И. Парад Победы. М.: Вагриус, 2005. 542 с.; Пчелинцев В. Н. Особая миссия. Москва, Молодая Гвардия, 1991. 218 с.; Шталь А. В. Черчилль – первый лорд Адмиралтейства в мировой кризис 1911–1915 гг. Петроград: Ред.-изд. отдел Морск. ведомства, 1923. 127 с.

³ Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. Москва. Терра, 1991. 604 с.; Корниенко Г. М. «Холодная война». Свидетельство её участника. М., 1994. 276 с.; Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного сви-

работы внесли дополнительную палитру различных трактовок к персоне У. Черчилля, поэтому их изучение не осталось без внимания профессиональных исследователей деятельности британского премьер-министра. Данная литература при всей её явной исторической ценности имеет ряд недостатков, основными из которых являются субъективность восприятия и интерпретации фактов авторами, что мешает историкам объективно изучить образ У. Черчилля. Фигура британского премьер-министра, а точнее его образ, популяризируется не только в мемуарах, но и в кинематографе¹.

Исследователь И. В. Быстрова считает, что «в советской историографии его биография рассматривалась с позиции марксизма-ленинизма, критики британского империализма» [1, с. 10]. Особое место занимают работы В. Г. Трухановского [6], А. А. Степанова [5], посвящённые анализу деятельности У. Черчилля и историографии этого вопроса.

Одним из первых опытов обобщения достижений отечественной историографии, посвящённой образу У. Черчилля, стала работа Н. А. Пахомовой [3]. Автор проанализировала наиболее значимые, по её мнению, публикации, попыталась вскрыть их положительные и отрицательные стороны, представив литературу в хронологическом порядке. Нижней границей своего исследования Н. А. Пахомова считает 1948 г., когда была издана

детеля. М., 1996. 572 с.; Фалин В. М. Без скидок на обстоятельства. Политические воспоминания. М.: Центрполиграф, 2016. 445 с.; Красноглазов А. Транснациональные образы. М., Диалог-МГУ, 1999. 45 с.; Хрущев Н. С. Время. Люди. Власть. М.: Моск. новости, 1999. Кн. 2. 846 с., Кн. 3. 1999. 703 с., Кн. 4. 1999. 726 с.; Бернштейн С. Б. Зигзаги памяти. Воспоминания. Дневниковые записи. М.: Ин-т славяноведения, 2002. 373 с.; Израэлян В. Л. На фронтах Холодной войны: Записки советского посла. М.: Мир. 2003. 336 с.; Громов М. М. На земле и в небе: заметки о лётной профессии. М.: Гласность, 2011. 525 с.

¹ Гераскина А. С. Образ Уинстона Черчилля в англоязычном кинематографе // ФОРУМ / FORUM: сб. науч.-исслед. Статей. Вып. 3 / редкол. Т. Ю. Павельева, А. А. Федоркова. Липецк, 2020. С. 9.

брошюра «Фальсификаторы истории»². Автор приводит немного упрощённую характеристику советской историографии. Автор не анализирует работы, опубликованные до Великой Отечественной войны и последние современные исследования, посвящённые изучению У. Черчилля. Главной темой Н. А. Пахомова выбрала открытие Второго фронта во время Второй мировой войны и политическую роль У. Черчилля в ней. Многие известные отечественные работы не были ею использованы или не цитировались.

Д. О. Пономарев [4] анализирует отечественную и зарубежную историографию, посвящённую работе У. Черчилля «Мировой кризис»³. Автор изучил мнения различных историков по вопросу причин, целей, необходимости, значения и последствия Дарданелльской операции⁴. Выделил плюсы и минусы реализации плана Галлипольского сражения, однако о самом У. Черчилле и его образе написано мало.

Образ У. Черчилля в отечественной историографии очень различен, и в разные периоды преобладают полярные мнения. Так, например, сразу после окончания Второй мировой войны и начала холодной войны исследователи единодушно приходили к выводу о том, что

² Фальсификаторы истории (историческая справка). М.: Главполитиздат, 1948. 48 с.

³ У. Черчилль «Мировой кризис» – отчёт британского премьер-министра о Первой мировой войне, опубликованный в шести томах (1923–1931). Работа носит аналитический характер и, в некоторых частях, является оправданием Черчиллем его роли в войне. См.: Churchill, W. S. The World Crisis 1911–1918. Vol. 2: 1915, London, 1923.

⁴ Дарданелльская операция, (Галлипольская кампания) (1915–1916) – во время Первой мировой войны. Инициатором стал У. Черчилль. Целью операции был захват Стамбула, вывод из войны Османской империи, разрыв пути немецкой промышленности к иракской нефти. Бои за Галлиполи привели к значительным потерям со стороны Великобритании. В конечном итоге операция завершилась поражением Великобритании и её союзников, их бегством. Эта неудачная операция имела значительные последствия для военной политической карьеры У. Черчилля.

У. Черчилль является врагом СССР. Примером служит статья Л. А. Гореловой, которая отмечает, что «в отечественной историографии У. Черчилль обычно изображается как человек, положивший начало холодной войне речью в Фултоне 5 марта 1946 г.»¹.

С 1960-х гг. появляются фундаментальные работы, в которых данная личность изучена более широко и многогранно, происходит отход от шаблонов. Ситуация в советской историографии постепенно меняется. На смену жёстким формулировкам приходят более мягкие. В конце 80-х и начале 90-х гг. XX в. появляются работы, в которых переосмысливается образ У. Черчилля на основании синтеза советской и мировой историографий. Российская историческая наука обрела новый импульс в изучении образа У. Черчилля. Завязались научные дискуссии учёных, и стали проводиться конференции и «круглые столы»², а также лекции³.

Следует отметить, что в отечественной историографии до настоящего времени отсутствует комплексный и многофакторный анализ образа У. Черчилля. Особенно плохо изучены такие факторы, как оценка психологического портрета У. Черчилля, его отношение к СССР и

коммунизму, личные качества, выделяющие его на фоне других членов ялтинской конференции. Рассмотрение множества точек зрения поможет получить более полное представление об образе У. Черчилля.

Личностно-психологический портрет У. Черчилля

Определяя роль политических деятелей, отечественные историки указывают на их личностно-психологические портреты. Образ У. Черчилля в отечественной историографии неоднозначен.

В ранних советских произведениях в оценке деятельности исторических событий и персоналий доминировала философия политико-экономического детерминизма⁴, а также присутствовали жёсткие оценки роли У. Черчилля.

Одними из ранних произведений советских историков, давших свою оценку образу такой личности стали: работа А. В. Шталя⁵ и предисловие И. И. Минца к книге «Черчилль В. Мировой кризис»⁶.

В монографии А. В. Шталя так представлен образ будущего британского премьер-министра: выдающийся английский государственный деятель, яркая и талантливая фигура, «имеющая сжатую последовательность мысли», проявляющий уважение к врагу, «не всегда выдержан в стили эпического бесстрастия»⁷. Автор отмечал и негативные черты его

¹ Горелова Л. А. Уинстон Черчилль и проблема нормализации отношений Запада с СССР (1953–1954 гг.) // Условия социально-экономического развития общества: история и современность: мат-лы конф. Кингисепп: Свое издательство, 2019. С. 70.

² Круглый стол «Фактор Черчилля», конференция «К 70-летию Фултонской речи Уинстона Черчилля» в университете МГИМО [Электронный ресурс]. URL: <https://historyrussia.org/sobytiya/konferentsiya-priurochennaya-k-70-letiyu-fultonskoj-rechi-uinstona-cherchillya.html> (дата обращения: 01.10.2023); Условия социально-экономического развития общества: история и современность: мат-лы научно-практ. конф., Кингисепп: Свое издательство, 2019. 239 с.

³ Лекция: Черчилль – лауреат Нобелевской премии [Электронный ресурс]. URL: <https://dlmedvedev.ru/blogdlm/news/lekcija-cherchill-laureat-nobelevskoj-premii/?ysclid=ln7kd6qo35500197671> (дата обращения: 01.10.2023);

⁴ Политико-экономический детерминизм – концепция, которая утверждает, что политические и экономические факторы являются главными определяющими силами в обществе и истории. Она предполагает, что политические и экономические условия ставят основу и ограничивают возможности социальных и культурных изменений.

⁵ Шталь А. В. В. Черчилль – первый лорд Адмиралтейства в мировой кризис 1911–1915 гг. Петроград: Редакционно-издательский отдел Морского ведомства, 1923. 127 с.

⁶ Черчилль В. Мировой кризис / пер. с англ., предисловие И. И. Минца. М., Л.: Госвоениздат, 1932. 327 с.

⁷ Шталь А. В. В. Черчилль – первый лорд Адмиралтейства в мировой кризис 1911–1915 гг. Петроград: Редакционно-издательский отдел Морского ведомства, 1923. С. 8.

характера: Черчилль не был застрахован от ошибок, был самоуверен, неверно мог оценить положение дел, что приводило к катастрофам и неудачам, «главная трудность для него – убедить окружающих». Автор видит здесь некий врождённый от природы талант в военно-морском деле У. Черчилля, но в то же время подчёркивается пока ещё «приземлённый» образ британского деятеля.

И. И. Минц, характеризуя английского политика, приписывал его «к числу наиболее крайних и последовательных “твердолобых” в Англии». Также автор добавляет, что «одна из консервативных газет назвала Черчилля современным Маколеем¹, – он зло высмеивает американскую дипломатию, скрывая за своим сарказмом горечь поражения». По сути, У. Черчилль, как политик, желал повернуть часы времени вспять, чтобы Великобритания продолжила политическое и экономическое доминирование на мировой арене.

С 1960-х гг. выходят новые работы² (в т. ч. и биографии о нём [5; 6]), в которых советские историки продолжают изучать образ личности У. Черчилля.

В. Г. Трухановский отмечал, что Черчилль «был человеком выдающихся дарований. Природа наделила его незаурядным умом, сильной волей и необычной энергией. Смелость, целеустремлённость, решительность, разносторонняя одарённость и редкостная работоспособность, блестящее ораторское мастерство и талант публициста – все эти качества обеспечили ему заслуженный успех на политическом поприще» [6, с. 461].

Советскому историку А. Б. Степанову [5] Черчилль видится в роли «защитника

интересов британского империализма любыми средствами, равно как защиты интересов и позиций всего мирового империализма в борьбе против социализма, рабочего и национально-освободительного движения. У. Черчилль выступал сторонником идеи английской буржуазии времён королевы Виктории, идей вождей английского консерватизма Б. Дизраэли и Р. Черчилля».

Авторы «Истории дипломатии»³, в которой прослеживается эхо холодной войны, находили, что У. Черчилль, «активно выступавший в качестве инициатора “жёсткой” политики в отношении Советского Союза, писал, что в дальнейшем отношения с СССР “возможно строить только при признании русским народом англо-американской силы”». Если в произведениях У. Черчилля до Второй мировой войны ключевой была идея о господстве Великобритании над миром единолично, то во время его речи в Фултоне 1946 г. корректируются устремления, в которых подчёркивается доминирование на мировой арене Великобритании уже совместно с США. В этом прослеживается образ У. Черчилля, который ради победы над Советским Союзом в холодной войне готов вступить в коалицию с Соединёнными Штатами.

В последние годы СССР (конец 80-х – начало 90-х гг. XX в.) отечественная наука пополняется новыми работами, в которых переосмысливается образ Черчилля на основании достижений советской и зарубежной историографий. Появляются работы отечественных историков Д. А. Волкогонова⁴, А. И. Уткина⁵, израильского специалиста Г. Городецкого. Д. А. Волкогонов так описывает У. Черчилля: «Этот деятель всегда был прагма-

¹ Томас Бабингтон Маколей (1800–1859) – выдающийся английский историк, писатель и политик. Он был известен своим критическим подходом к истории и подробным изложением событий.

² Яковлев Н. Н. США и Англия во Второй мировой войне. М.: Учпедгиз, 1961. 271 с.; История дипломатии. Т. 5: Кн. 1 / А. С. Аникин, В. Н. Белецкий, Е. В. Богуш, А. А. Громыко и др. М.: Политиздат, 1974. 750 с.

³ История дипломатии. Т. 5: Кн. 1 / А. С. Аникин, В. Н. Белецкий, Е. В. Богуш, А. А. Громыко и др. М.: Политиздат, 1974. 750 с.

⁴ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1 / сокр. пер. с англ. Д. А. Волкогонова. М.: Воениздат, 1991. 592 с.

⁵ Уткин А. И. Черчилль: победитель двух войн. Смоленск: Русич, 1999. 652 с.

тиком и в политике, и в убеждениях»¹. Как и большинство политических деятелей такого масштаба, он «определён и даже категоричен», обладал «бесспорным литературным талантом», был «неплохим художником и вдумчивым историком»².

В современной российской историографии вопросы, связанные с деятельностью и ролью Черчилля, а также его личностно-психологический портрет остаются в сфере интересов научных дискуссий. Так, известный отечественный американист А. И. Уткин в политической биографии, посвящённой британскому премьеру, выделил такие характерные черты его личности: великодушие – «не старался нанести противнику удары как можно больнее», «откровенная злоба не владела им никогда»; бурная деятельность и самоуверенность, перепады настроения³. В более поздней своей работе А. И. Уткин даёт такую характеристику: «он черпал вдохновение в поражениях», «когда все вокруг опускали руки, он излучал энергию вопреки всему»⁴.

А. Б. Мартиросян в своём труде рассматривал У. Черчилля как «прожжённого, чрезвычайно искушённого в мировой политике политического деятеля»⁵. Автор представляет британского премьер-министра с разных позиций: «Черчилль был самым выдающимся и рьяным защитником интересов Британской империи за всё время её существования»⁶.

Рассматривая современную точку зрения в работе В. Л. Телицына «Секретный Черчилль. Британские спецслужбы в войнах XX века», можно встретить такой образ британского политика: «Черчилль

не просто был близко знаком с миром разведки и секретных служб, который как нельзя лучше соответствовал романтическому складу его характера, манил и волновал его воображение, в котором он нашёл применение своей буйной фантазии и утолил жажду приключений»⁷. Автор представляет нам загадочный, таинственный взгляд на У. Черчилля, который скрыт от всего мира, кроме британских спецслужб. Нельзя не согласиться с В. Л. Телицыным, что каждая историческая личность хранит о себе секрет, который требует детального изучения.

Отечественные историки старались дать объективную оценку личностно-характерному образу У. Черчилля как вождю английского консерватизма. Выделяли такие положительные стороны его характера, как: разносторонняя одарённость, незаурядный ум, талантливость во многих сферах деятельности (публицист, художник, историк), сильная воля, энергичность, смелость, целеустремлённость, решительность, редкостная работоспособность и деятельность, мастерство риторика, прагматизм в политике и в убеждениях, категоричность, великодушие. Откровенная злоба не владела им никогда, он черпал вдохновение в поражениях, был прожжённым и искушённым политиком. К отрицательным сторонам его личностного портрета историки относят: крайний «твердолобый» консерватизм, сарказм и умение по-злому высмеять человека. У. Черчилль – защитник британского и мирового империализма, для него цель оправдывает любые средства. Он активный борец с социальными и национально-освободительными движениями, сторонник «жёсткой» политики. Ему присущи перепады настроения, высокая самоуверенность, злоба и агрессивность.

Говоря про личностную характеристику У. Черчилля, можно отметить, что в основном историки дают объективную

¹ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1 / пер. с англ. Д. А. Волкогонова. М.: Воениздат, 1991. С. 6.

² Там же.

³ Уткин А. И. Черчилль: победитель двух войн. Смоленск: Русич, 1999. С. 511.

⁴ Уткин А. И. Уинстон Черчилль. Полная биография. «Я легко довольствуюсь самым лучшим». М.: Родина, 2022. С. 504.

⁵ Мартиросян А. Б. Трагедия 1941 года. Москва: Вече, 2014. С. 71.

⁶ Там же. С. 90.

⁷ Телицын В. Л. Секретный Черчилль. Британские спецслужбы в войнах XX века. М.: Алисторус, 2013. С. 133.

оценку его образа, положительно рассматривают разносторонность и талант британского политика. Однако наравне с этим представлены и отрицательные черты характера, которые придают образу объективность, дают возможность не поддаваться «ультрапозитивной» исторической точке зрения, а рассматривать У. Черчилля с разных сторон и подходов.

Отношение У. Черчилля к СССР и коммунизму

В отечественных работах по историографии не была выявлена взаимосвязь между отношением к коммунизму (идеологии) и Советскому Союзу в оценках У. Черчилля, поэтому необходимо учесть данный вопрос в комплексе.

И. И. Минц называет британского премьер-министра «интервенционистских дел мастер», приводя сравнение о том, что «подобно античному римскому цензору Катону, твердившему во всех случаях жизни: “Карфаген должен быть разрушен!”», – Черчилль неустанно призывает к разгрому советской власти»¹. Российский философ В. П. Шестаков назвал У. Черчилля «настоящим джингоистом»² за его призывы «ввести английские корабли в морские границы России»³ во время Гражданской войны. В. Г. Трухановский пишет, что «Черчилль предстаёт перед историей не как великий борец за свободу, а как упорный и воинственный враг народов, добивавшийся своего социального и национального освобождения» [6]. В совместной работе В. Г. Трухановского и Н. Г. Думовой отмечено, что «ни

один из многочисленных зарубежных врагов Октября не отнёсся к этому событию с такой кипящей ненавистью, с такой жаждой уничтожить, затоптать первый в мире росток победившего социализма»⁴. А. Б. Мартиросян видит У. Черчилля как «ярого русофоба, антисоветчика и антикоммуниста»⁵. Британский премьер являлся «выдающимся и рьяным поборником уничтожения Советов и России» [8, с. 90]. У другого исследователя У. Черчилль представлен как «противник коммунистического режима»⁶ и в качестве аргументирования своей точки зрения автор приводит работу Н. Н. Яковлева, считавшего, что британский политик находил хорошей идею вписать Антикоминтерновский пакт «в генеральную стратегию капитализма – изолировать Советский Союз в преддверии крестового похода против коммунизма»⁷.

У отечественных историков существует объяснение причины такой ненависти: желанием защищать британские интересы, которые идут в разрез с существованием СССР и её коммунистической идеологией, а также классовыми интересами самого Черчилля. Так, В. Г. Трухановский и Н. Г. Думова говорили, что британского политика настораживала «буря в многонациональной России», которая могла отозваться и в его родной Англии. Похожая точка зрения присутствует в работе Д. А. Волкогонова: У. Черчилль «был верным сыном британской буржуазной демократии, и было бы трудно ожидать, чтобы он лояльно относился к идеоло-

¹ Черчилль В. Мировой кризис / пер. с англ., предисловие И. И. Минца. М., Л.: Госвоениздат, 1932. 327 с.

² Джингоист – человек, который проявляет чрезмерный национализм и патриотизм, приверженность своей стране и готовность использовать насилие или войну для защиты её интересов.

³ У. Черчилль: pro et contra: образы союзников-победителей в культурной памяти о войне 1941–1945 гг.: антология / сост. С. Н. Полторака, А. В. Зотова. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2015. С. 695.

⁴ У. Черчилль: pro et contra: образы союзников-победителей в культурной памяти о войне 1941–1945 гг.: антология / сост. С. Н. Полторака, А. В. Зотова. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2015. С. 160.

⁵ Мартиросян А. Б. Трагедия 1941 года. Москва: Вече, 2014. С. 71.

⁶ Гарбер В. В. Влияние фактора личности Уинстона Черчилля на события времен Второй мировой войны // Актуальные проблемы гуманитарных наук: сб. мат-ов конф. / ред. Э. М. Рянская и др. Нижневартонск, 2021. С. 316.

⁷ Яковлев Н. Н. США и Англия во Второй мировой войне. М.: Учпедгиз, 1961. С. 49.

гии и строю, поставившим своей целью низвержение тех устоев, на которые он опирался»¹. В исследовании И. В. Быстровой подчёркивается критический образ его как историка: «фигура Черчилля вызывает споры и дискуссии, обвиняют его и в “мифотворчестве”, отражённом в его знаменитом многотомном труде по истории Второй мировой войны» [1, с. 10].

Отечественные учёные, изучая образ британского премьер-министра во время Второй мировой войны, отмечали его изменившееся отношение к Советскому Союзу. В рецензии К. В. Минковой на труд И. В. Быстровой британский премьер представлен как хороший союзник и поставщик гуманитарной помощи Советскому Союзу, несмотря на то, что «У. Черчилля зачастую изображают исключительно в тёмных тонах, связанных с его нежеланием открыть второй фронт в 1942 и 1943 гг.» [2, с. 205]. В качестве опровержения данной позиции К. В. Минкова обращается к первой главе работы И. В. Быстровой «Уинстон Черчилль и помощь СССР», в которой упоминается, что «английская военная и экономическая миссии прибыли в Москву 27 июня 1941 г. – через 5 дней после начала войны, а первый, или, как его ещё называют, “нулевой” конвой достиг Архангельска 31 августа 1941 г.» [2, с. 206]. В самом труде И. В. Быстровой действительно присутствует положительный образ британского премьер-министра, который «щедрой рукой передал Советскому Союзу почти все поставки, которые Англия получала от США по ленд-лизу в период Первого (Московского) протокола» [1, с. 492]. Политик Великобритании внутри Большой тройки рассматривался «“цементом” этой коалиции, ... влияя на события своим личным присутствием» [1, с. 493]. В предисловии работы дана критическая оценка американской историографии, которая минимизировала роль Великобритании и лично У. Черчилля в оказании

помощи СССР: «американцы в работах о ленд-лизе концентрировали внимание в основном на их собственных поставках, не уделяя большое внимание британским» [1, с. 7]. Роль Черчилля в ленд-лизе ещё недостаточно изучена в отечественной историографии и требует отдельного исследования.

Советские историки раскрыли отношение У. Черчилля к советской власти и коммунистической идеологии и показали непосредственные факторы, её образовавшие. По мнению В. П. Шестакова², И. В. Быстровой [1] и В. Г. Трухановского [6], У. Черчилль не хотел мириться с существованием советской власти, поэтому часто называл СССР – Россией. В своих работах³ он постоянно писал слово «Russia», а не «Soviet Union» или «USSR», что указывало на отсутствие для него большой разницы между этими понятиями. У. Черчилль видел угрозу в советской идеологии – коммунизме – и был сторонником её уничтожения, в т. ч. и агрессивными, военными мерами при помощи интервенции капиталистических стран во главе с Великобританией. Вторжение в Россию, по его мнению, могло произойти исключительно в интересах британского империализма. И в наши дни некоторые политики на Западе продолжают провозглашать очередные «крестовые походы» против РФ.

Сравнение образа У. Черчилля с Ф. Рузвельтом и И. Сталиным

Во Второй мировой войне Черчилль был одним из членов Большой Тройки, которые стали лидерами антигитлеровской коалиции и определяли судьбы мира. В послевоенной отечественной историографии У. Черчилля, Ф. Рузвельта и И. Сталина начали сравнивать друг с

¹ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1 / пер. с англ. Д. А. Волкогонова. М.: Воениздат, 1991. С. 5.

² Шестаков В. П. Уинстон Черчилль: интеллектуальный портрет. М.: Форум, 2011. 207 с.

³ Черчилль В. От войны до войны (1919–1939). Вторая мировая война. Книга 1. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1954. 418 с.; Черчилль У. Вторая Мировая война. Т. 5-6. М.: Альпина нон-фикшн, 2013. 748 с.

другом, что изменило их образ в историческом сознании. У исследователей наметились 3 точки зрения при сравнении персоналий: положительный, отрицательный и разносторонний образ У. Черчилля в сопоставлении с И. Сталиным и Ф. Рузвельтом.

Среди научных трудов, которые представили положительный образ Черчилля в Большой Тройке, можно выделить работу известного отечественного историка-американиста Р. Ф. Иванова. Автор сравнивал двух выдающихся деятелей – премьер-министра Великобритании и президента США: «Рузвельт не отличался такой мёртвой хваткой, как Черчилль, но и с ним занимать твёрдую позицию Сталину было далеко нелегко. Если у Черчилля была сила характера, жёсткость, выработанная в политических схватках в палате общин на протяжении многих десятилетий, то за Рузвельтом была огромная экономическая и военная мощь Соединённых Штатов Америки»¹. Р. Ф. Иванов характеризует личность Черчилля как сильного, волевого, доминирующего политика, в сравнении с 32-м американским президентом. Однако и Рузвельт был не менее, а иногда даже более искусным политиком, не обделённым различными личными талантами, без которых невозможно было добиться высокого политического положения.

В работе В. П. Шестакова У. Черчилль и И. Сталин представлены как два самых выделяющихся политических деятеля XX в., оказавших большое влияние на мировую историю². Автор особо отмечает двойственность политики премьер-министра Великобритании в отношении И. Сталина: он «был нашим союзником в борьбе против Гитлера, когда Россия подверглась агрессии, но, когда Гитлер был

уничтожен, Сталин превратился в главную угрозу для нас»³. Образ премьер-министра отвечал древнеримской политике «разделяй и властвуй». Как сказал известный британский политик XIX в. лорд Пальмерстон: «у нас нет неизменных союзников, у нас нет вечных врагов. Лишь наши интересы неизменны и вечны»⁴. В данном контексте У. Черчилль представляется продолжателем политики тори (консерваторов) Великобритании, он то «хвалит» руководителя СССР, то переходит к необоснованной жёсткой критике. У. Черчилль ради государственной необходимости готов «переобуться в воздухе», что характеризует его как довольно конъюнктурного политика.

По мнению Д. А. Блинцова, «оба лидера, У. Черчилль и И. Сталин, в ходе войны продемонстрировали политическую гибкость и способность быстро перестраиваться под влиянием событий, но не ломаться под ними»⁵. Исследователь также проводит параллели между британским премьер-министром и советским лидером, показывая их одинаково высокий статус на мировой арене.

Среди исследователей, указывающих на отрицательные черты в образе У. Черчилля в сравнении с другими членами Большой Тройки, выделяется рецензия В. А. Бенюка, С. М. Назария и Е. И. Чобу на работу В. О. Печатнова и И. Э. Магадеева⁶. Британский премьер-министр в

³ Там же. С. 716.

⁴ Речь в Палате общин 01.03.1848 «Генри Джон Темпл Палмерстон – британский государственный деятель, премьер-министр Великобритании (1855–1858, 1859–1865)» [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikiquote.org/wiki/Генри_Джон_Темпл_Палмерстон (дата обращения: 01.10.2023).

⁵ Блинцов Д. А. Становление «Великого союза»: особенности советско-английских отношений в начальный период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов // Ялта 1945: уроки истории: сб. мат-ов конференции / под ред. К. Н. Гернет. Ливадия: Антикава, 2019. С. 9–10.

⁶ Печатнов В. О., Магадеев И. Э. Переписка И. В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. Документальное исследование. Т.1. Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2015. 656 с.

¹ У. Черчилль: pro et contra: образы союзников-победителей в культурной памяти о войне 1941–1945 гг.: антология / сост. С. Н. Полторака, А. В. Зотова. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2015. С. 338.

² Там же. С. 707.

основном представлен как «вдохновитель антисоветской интервенции после Октябрьской революции, а Рузвельт был тем человеком, который восстановил дипломатические отношения Вашингтона с Москвой»¹. Авторы рецензии связывают это с довоенным отношением западных лидеров к советской стране.

В самом же труде В. О. Печатнова и И. Э. Магадеева образ У. Черчилля представлен в отрицательном «тандеме» с Ф. Рузвельтом: «Рузвельта и Черчилля объединял комплекс англо-американской исключительности и превосходства, убеждения в цивилизаторской миссии англоязычных народов по отношению к остальному миру, включая “полуварварскую” Россию»². Стиль общения советских лидеров «в духе большевистской прямоты нередко резал слух воспитанных англо-американцев, привыкших к более обтекаемым и вежливым формулировкам. Особенно страдал от этого самолюбивый и обидчивый Черчилль, которого мало утешало, что Сталин и Молотов, как говорили в Форин-офисе³, “не учились в Итоне и Харроу”»⁴.

Советский и российский историк О. А. Ржешевский рассматривает У. Черчилля и И. Сталина как «союзников-антагонистов, руководителей государств с противоположными социально-полити-

ческими системами, антиподами по происхождению, мировоззрению, жизненному пути в целом»⁵.

В отечественной историографии постсоветского периода российские историки в образе У. Черчилля находили как положительные, так и отрицательные стороны. К таким историкам относится В. В. Гарбер, который рассматривает образ британского премьер-министра с разных сторон: с одной стороны, «У. Черчилль переступал через свои принципы в общении со И. В. Сталиным», с другой стороны, «он допустил огромные жертвы в рядах своих союзников, сохранив своих граждан»⁶.

Таким образом, просматривается широкий спектр взглядов отечественных историков, которые сопоставляли различные черты лидеров Большой Тройки. Они солидарны во мнении, что британскому премьеру были присущи сильная воля, характер, твердость позиций; а также то, что он был ярким спорщиком, умеющим отступать от своих принципов в угоду государственной необходимости; представителем высшей элиты британского общества; и несмотря на политический антагонизм советской системы и идеологическую противоречивость с И. Сталиным, после смерти вождя лестно отзывался о нём.

Заключение

Итак, можно сделать вывод, что образ У. Черчилля в отечественной историографии представлен неоднозначно. Несмотря на нарастание холодной войны, у историков были разные мнения и подходы к такой «нестандартной» личности британского премьер-министра.

¹ Бенюк В. А., Назария С. М., Чобу Е. И. Рецензия на двухтомную работу Печатнова В. О. и Магадеева И. Э. «Переписка И. В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. Документальное исследование». М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. 656+768 с. // Новые исторические перспективы: от Балтики до Тихого океана. 2016. № 1. С. 96.

² Печатнов В. О., Магадеев И. Э. Переписка И. В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны: документальное исследование. Т. 1. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. С. 18.

³ Форин-офис – МИД и международного развития Великобритании.

⁴ Печатнов В. О., Магадеев И. Э. Переписка И. В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны: документальное исследование. Т. 1. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. С. 19.

⁵ Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии. 1941–1945. М.: Наука, 2004. С. 18.

⁶ Гарбер В. В. Влияние фактора личности Уинстона Черчилля на события времен Второй мировой войны // Актуальные проблемы гуманитарных наук: сб. мат-ов конф. / ред. Э. М. Рянская и др. Нижневартовск, 2021. С. 315–316.

У. Черчилля с личностно-характерной точки зрения рассматривают в нескольких концепциях:

1) Черчилль – выдающийся политик своей страны;

2) Черчилль – талантливая разносторонняя политическая личность;

3) Черчилль – плохой союзник СССР.

В работах советских авторов показано, что на образ мысли У. Черчилля большое влияние оказали его аристократическое происхождение и антагонизм к советской системе. Несмотря на идеологические расхождения, отечественные учёные высказывали положительные качества роли У. Черчилля в антигитлеровской коалиции.

В российской историографии наблюдаются позитивные оценки характера и образа У. Черчилля в мировой истории. Были проанализированы не только объективные, но и субъективные факторы, повлиявшие на его образ в отечественной историографии. Однако следует отметить, что остаётся всё ещё много “белых пятен” в изучении такой противоречивой фигуры всеобщей истории, как сэр Уинстон Леонард Спенсер Черчилль.

Следует отметить, что иностранная историография требует отдельного изучения. В ней также встречаются различные точки зрения на образ У. Черчилля в истории, поэтому необходимо сопоставление их с последними достижениями современной отечественной науки.

Дата поступления в редакцию 16.11.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Быстрова И. В. Британский союзник: организация военно-экономических поставок в СССР в 1941–1945 гг.: документальное исследование. М.: Весь мир, 2022. 574 с.
2. Минкова К. В. Рецензия на книгу: Быстрова И. В. Британский союзник: организация военно-экономических поставок в СССР в 1941–1945 гг. М.: Весь мир, 2022. 576 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23. № 1. С. 205–208.
3. Пахомова Н. А. Личность У. Черчилля и его политический портрет в русскоязычной историографии // Ялта 1945: уроки истории: сб. мат.-ов конф. / под ред. К. Н. Гернет. Ливадия: Антиква, 2019. С. 116–125.
4. Пономарев Д. О. «Мировой кризис» У. Черчилля в оценке зарубежной и отечественной историографии (интерпретация событий галлиполийской кампании) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 32. С. 126–133.
5. Степанов А. Б. Английская мемуарная литература о роли СССР во Второй Мировой войне (мемуары У. Черчилля “Вторая мировая война”): автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1971. 26 с.
6. Трухановский В. Г. Уинстон Черчилль. М.: Международные отношения, 1982. 464 с.

REFERENCES

1. Bystrova I. V. *Britanskiy soyuznik: organizatsiya voyenno-ekonomicheskikh postavok v SSSR v 1941–1945 gg.: dokumental'noye issledovaniye* [The British ally: the organization of military and economic supplies to the USSR in 1941–1945: a documentary study]. Moscow, Ves mir Publ., 2022. 574 p.
2. Minkova K. V. [Book review: Bystrova I. V. *The British Ally: Organization of military and economic supplies to the USSR in 1941–1945*. Moscow: The Whole World, 2022. 576 p.]. In: *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnyye otnosheniya* [Vestnik RUDN. International Relations], 2023, vol. 23, no. 1, pp. 205–208.
3. Pakhomova N. A. [The personality of W. Churchill and his political portrait in Russian-language historiography]. In: Gernet K. N., ed. *Yalta 1945: uroki istorii* [Yalta 1945: history lessons]. Livadia, Antikva Publ., 2019, pp. 116–125.
4. Ponomarev D. O. [“The World Crisis” of W. Churchill in the assessment of foreign and domestic historiography (interpretation of the events of the Gallipoli campaign)]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2009, no. 32, pp. 126–133.

5. Stepanov A. B. *Angliyskaya memuarnaya literatura o rolakh SSSR vo Vtoroy Mirovoy voyne (memuary U. Cherrillya "Vtoraya mirovaya voyna")*: avtoref. dis. kand. ist. nauk [English memoir literature on the role of the USSR in World War II (memoirs of W. Churchill "World War II"): abstract of Cand. Sci. thesis in Historical Sciences]. Moscow, 1971. 26 p.
6. Trukhanovsky V. G. *Uinston Cherrill* [Winston Churchill]. Moscow, Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ., 1982. 464 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тетерин Павел Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Государственного университета просвещения; доцент департамента гуманитарных наук факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;

e-mail: teterinpost@yandex.ru

Решетникова Анастасия Павловна – бакалавр факультета истории, политологии и права Государственного университета просвещения;

e-mail: nastena.reshetnikova.03@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Pavel V. Teterin – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of Russian History, Federal State University of Education; Department of Humanities, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation;

e-mail: teterinpost@yandex.ru

Anastasia P. Reshetnikova – Bachelor, Faculty of History, Political Science and Law, Federal State University of Education;

e-mail: nastena.reshetnikova.03@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Тетерин П. В., Решетникова А. П. Образ Уинстона Черчилля в отечественной историографии // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 1. С. 148–159.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-1-148-159

FOR CITATION

Teterin P. V., Reshetnikova A. P. The image of Winston Churchill in Russian historiography. In: *Bulletin of Federal State University of Education*. Series: History and Political Sciences, 2024, no. 1, pp. 148–159.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-1-148-159

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ / МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 321.011; 339.972

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-1-160-171

THE FOOD SOVEREIGNTY POLICY IN THE PLURINATIONAL STATE OF BOLIVIA: CAUSES AND CONSEQUENCES

A. Malov

Russian State University for the Humanities

Miusskaya pl. 6, Moscow 125047, Russian Federation

Abstract

Aim. To identify the features of the formation and implementation of the food sovereignty policy in the Plurinational State of Bolivia.

Methodology. The author used a retrospective analysis to establish the reasons for the integration of the concept of food sovereignty into the legal space of the Bolivia. With the help of the method of historical and logical unity, the author determined the role of social movements in the process of institutionalization of the idea of food sovereignty. The author used the method of secondary data analysis and an institutional approach to classify official documents, identify executive authorities and describe programs that contribute to the implementation of the food sovereignty policy in the country. The position of the Bolivia in the global process of production of genetically modified soybeans was recorded and characterized by the method of statistical observation and visualization.

Results. Based on the results of the study, the author concluded that the policy of food sovereignty was inconsistent, characterized by asymmetry in land ownership, disproportion in socio-economic development, financial prioritization of large agro-industrial business, monopolization of markets, export-oriented extractivism and illegal production of biotechnological cash crops.

Research implications. The author identified the key aspects of the state's food sovereignty policy, noted its strengths and weaknesses, outlined the contours of further development.

Keywords: Bolivia, Latin America, food sovereignty, food regime, food security, globalization, international relations, world politics

ПОЛИТИКА ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ БОЛИВИЯ: ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ

Малов А. В.

Российский государственный гуманитарный университет

125047, г. Москва, Миусская пл., д. 6, Российская Федерация

© СС Малов А. В., 2024.

Аннотация

Цель. Определить особенности формирования и реализации политики продовольственного суверенитета в Многонациональном Государстве Боливия.

Процедура и методы. С помощью ретроспективного анализа были установлены причины интеграции концепции продовольственного суверенитета в конституционно-правовое поле Многонационального Государства Боливия. Опора на метод единства исторического и логического способствовала определению роли общественных движений в процессе институционализации идеи продовольственного суверенитета. С помощью метода анализа вторичных данных и институционального подхода были классифицированы официальные документы государства, определены уполномоченные органы исполнительной власти и описаны профильные программы, способствующие реализации политики продовольственного суверенитета. С помощью метода статистического наблюдения и метода визуализации зафиксирована и охарактеризована позиция Боливии в глобальном процессе производства генетически модифицированной сои.

Результаты. По итогам исследования сделан вывод о непоследовательной траектории политики продовольственного суверенитета, характеризующейся асимметрией в землевладении, диспропорцией в социально-экономическом развитии, финансовой приоритезации крупного агропромышленного бизнеса, монополизацией рынков сбыта, экспорто-ориентированным экстрактивизмом и нелегальным производством биотехнологических «денежных культур».

Теоретическая и/или практическая значимость. Отмечены ключевые аспекты политики продовольственного суверенитета, выявлены её сильные и слабые стороны, очерчены контуры дальнейшего развития.

Ключевые слова: Боливия, Латинская Америка, продовольственный суверенитет, продовольственный режим, продовольственная безопасность, глобализация, международные отношения, мировая политика

Introduction

Today, about 800 million people are suffering from a shortage of quality food, which is necessary for their active and healthy lifestyle¹. The problem of food shortage remains relevant for 7% of residents of such a dynamically developing historical and geographical region as Latin America and the Caribbean². The Plurinational State of Bolivia is one of the leaders of this negative regional trend owing to the fact that 1/4 of its population suffers from hunger and malnutrition³. The

state authorities used the policy of Food sovereignty [4, p. 1; 6, p. 667; 25, p. 106] as developmental solution capable of correcting the current unfavorable position. Actually, this article will be devoted to the study of the main components of the food sovereignty policy.

The following features and patterns were revealed by the academic literature' analysis. Firstly, the number of studies devoted to the problem of food sovereignty policy as an alternative to the neoliberal strategy for achieving food security is steadily growing [4; 6; 8; 9]. At the same time, the geography of scientific research is rapidly expanding and covering both global [17; 18] and regional discursive spheres [21; 22]. A set of academic sources related to the relationship between the Bolivian state and the Corporate Food Regime are investigated [18; 19; 28], as well as scientific articles devoted to authentic concepts of social, environmental and food sustainability of the country [1; 2; 7; 8]. At

¹ FAO. The State of Food Security and Nutrition in the World 2022. Repurposing food and agricultural policies to make healthy diets more affordable. Rome, FAO UN, 2022. P. 129.

² FAO. The State of Food Security and Nutrition in the World 2023: Urbanization, agrifood systems transformation and healthy diets across the rural-urban continuum. Rome, FAO UN, 2023. P. 155.

³ FAO. The State of Food Security and Nutrition in the World 2023: Urbanization, agrifood systems transformation and healthy diets across the rural-urban continuum. Rome, FAO UN, 2023. P. 156.

the same time, critical studies related to the review of power are analyzed [16; 17; 19; 26], as well as studies that emphasize the protest nature and the power of public organizations in the country [14: 16: 9; 10; 23; 39; 30].

From a methodological point of view, the author uses a synthesis of retrospective, critical, institutional and prognostic approaches. With the help of this theoretical and methodological complex, the reasons for the integration of food sovereignty into the legal field of the multinational State of Bolivia are studied. The discursive relationship between the idea of Food sovereignty and the concept of Vivir Bien is fixed by using the method of deconstruction and comparative analysis. With the help of statistical observation and visualization method, the position of Bolivia in the global production process of genetically modified soybeans is determined.

The geopolitical background

In Latin America food security and food sovereignty are two competing approaches to food policies [21, p. 898]. Bolivia is a ba-

sic example of a State for which the institutionalization of the concept of food sovereignty was a radical response to the complex of neoliberal reforms of the 1980's – 1990's [3, p. 503]. Thus, the adoption in August 1985 of the New Economic Policy based on the principles of the Washington Consensus assumed the implementation of Structural adjustment: macroeconomic stabilization; privatization of state property; financial and tax restructuring and liberalization of international trade. In accordance with the new policy, state support for the primary sector of the economy was discontinued and all kinds of barriers to imported goods were eliminated. The peasants left without state support, who still make up 1/3 of the country's population (Fig. 1), were unable to compete with the flow of foreign agricultural products that flooded the domestic food markets [13, p. 50].

The process of reducing the incomes of the peasantry took place with the process of strengthening the positions of large export-oriented producers of agricultural products

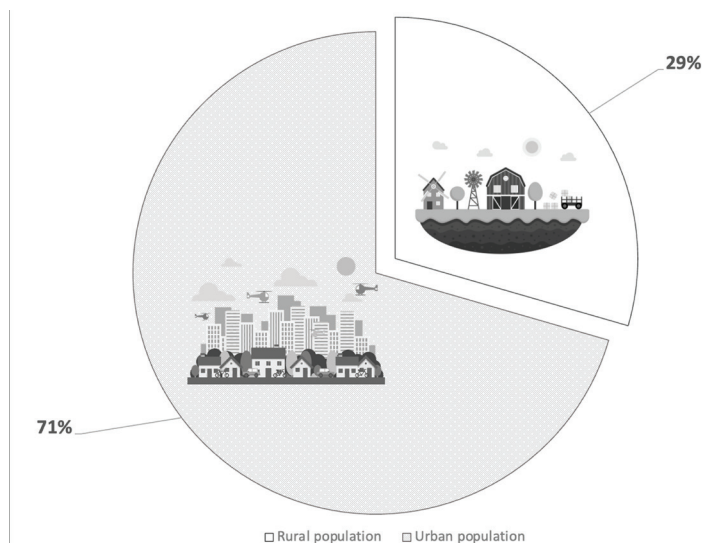

Fig. 1 / Рис. 1. The proportion of urban and rural population in the Plurinational State of Bolivia in 2021/ Соотношение городского и сельского населения в Многонациональном Государстве Боливия (в % на 2021 г.)

The source: compiled by the author on:

FAO. The Food and Agriculture Organization Corporate Statistical Database. Abstract at: <https://www.fao.org/faostat/en/#country/19> (accessed: 04. 09. 2023)

[28, p. 70]. The rapid influx of foreign capital (Argentine, Brazilian and North American), as well as targeted investment programs initiated by the World Bank, the International Monetary Fund and the Inter-American Development Bank [14, p. 380] were strengthened the position of agribusiness dynamically cultivating cash crops.

The conditions dictated by the Corporate Food Regime [15, p. 1079; 18, pp. 725–729], were unacceptable for most small Bolivian farmers. The high competition with their *vis-a-vis* (agro-industrial agents) and the inability to compensate for their own production costs forced the peasants (mainly representatives of the indigenous population) to leave their lands [28, p. 72]. Large agricultural producers successfully practiced the method of “accumulation by disposal” [12, p. 64], accelerated the processes of peasant migration and consolidation of land resources.

The current situation provoked a surge of public discontent, characterized by the deep internationalization of the domestic economy, the expansion of large landowners and the intra-state conflict along the East-West axis (historically dating back to the days of the Chako War between Bolivia and Paraguay). This led to a mass protest action labeled as the “March for Territory and Dignity”. Peasant activists walked six hundred kilometers (between the cities of Trinidad and La Paz) for pay the government’s attention to territorial problems, as well as to issues of cultural and biological diversity. As a result of this protest campaign, the issue of indigenous peoples was integrated into the official agenda of the Government. Moreover, a new executive body of State power (the National Institute of Agrarian Reforms) was established. However, the process of civil mobilization was not slowed down by these measures.

Case studies of social mobilization: The War for Water

The idea of the special status of natural resources has been actively developed in Bolivia by various social movements since the

beginning of the 21st century. Thus, “water” became part of the public domain as well as “natural gas” became a necessary element of national sovereignty [24, pp. 834–854]. The desperate resistance of the Bolivian society against the liberalization and privatization of natural resources was transformed into a five-year cycle of revolts of the indigenous population [30, p. 181].

The so-called “War for Water” (span., *La Guerra Del Agua*) took place in 2000. In the city of Cochabamba, widespread protests broke out against the four hundred percent rise in prices of water tariffs for the population and the privatization of the state water management company *SEMAPA* by the North American corporation Bechtel [Lucero 2008, p. 154]. The former president of the country, H. Banzer Suarez, canceled the contract on the denationalization of *SEMAPA* due to large-scale actions of collective disobedience coordinated by public organizations [16, p. 843].

The “War for Water” was the trigger of political transformations in the fate of Bolivian social movements, which became the global logo of the anti-liberal struggle. Moreover, representatives of indigenous peoples activated the discourse of traditional practices of natural resource management, considered as a cultural heritage instead of a market commodity [10, p. 161].

Case studies of social mobilization: The Gas War

Three years after the end of the “Water War”, the government announced its intentions to export natural gas to North American countries through the Chilean ports of Tocopilla and Mejillones. Indigenous residents of the northwestern city of El Alto (through which a key section of the main gas pipeline was planned to pass) did not accept the decision of the Bolivian authorities [10, p. 162]. Thus, the demands for the nationalization of gas fields were the reason for new mass protests [29, p. 118].

“The Gas War” that broke out in October 2003 [11, p. 144], led to the resigna-

tion of former President G. Lozada, who immediately fled to the United States [22, pp. 191–201]. The government of the successor (Vice-President C. Mesa) adopted a new “Law on Energy Resources” increasing royalties to 50% [11, p. 145]. However, the financial compromise failed to calm the public, which was skeptical of the authorities promoting the hegemony of foreign capital [22, pp. 191–201]. Protest actions dedicated to corruption, land ownership imbalances and increasing poverty were resumed again [Perreault 2006, p. 150]. The decline of trust in the authorities stimulated another surge of radicalization of society. The revolt favored the integration of various public organizations that integrated into the alliance called the Unity Pact (span., *Pacto de Unidad*) [19, p. 1190]. The coalition of civil society forces, fiercely resisting neoliberal transformations (especially in the agricultural sphere), officially expressed confidence in the political views of E. Morales. E. Morales (an ethnic Aymara Indian, leader of the “Movement for Socialism” and the first peasant president in the country’s history) started constructing a new “economic model of a socially productive community”, implying the development of all segments of society based on the reasonable exploitation of natural resources, the fair redistribution of state revenues and the eradication of poverty [8, p. 68].

“Agrarian Revolution” and other humanitarian priorities of E. Morales

Newly elected President E. Morales promised to implement radical economic, social and political transformations. Specifically, to re-nationalize the oil and gas industry, stop the war against domestic coca producers, grant equal rights to indigenous peoples and implement the “Agrarian Revolution” [19, p. 412; 9, p. 140]. Ridding the state of external dependence that hinders the development of Bolivian society was the main goal of the presidential reforms. To overcome these difficulties meant to abandon the universality of the Eurocentric model of social organization, absolutizing

the ethical principles of capitalism, pragmatism, utilitarianism and egocentrism. The paradigm of “Living well” (span., *Vivir Bien*) was proposed as a new socialist alternative based on the provisions of Catharism. The emergence of such an ideological trend symbolized the beginning of a new “special path” for the Bolivian state.

Food sovereignty and the principles of Andean idealism

The change of the political course based on the ideals of Indian ancestors was intended to construct a new humanitarian reality in which the harmony of the community (the whole) was more valuable than the well-being of an individual (one part). In this regard, the concept of “Living well” (span., *Vivir Bien*) was used. This concept emphasized the advantage of the collective good instead of the individualistic impulse to live better than others [1, p. 134; 2, p. 100]. *Vivir Bien* means to benefit from material goods in harmony with Mother Earth (*Pachamama*) and society (Fig. 2), because people do not live in isolation, but in a diverse social and natural environment [1, p. 136].

Therefore, it is unacceptable living well at a time when the rest of society is in extreme need, and nature is in decline. Moreover, the simplification of the biosocial and agroecological wealth of the planet is unacceptable because it provokes poverty of forms and a shortage of species. Thus, *Vivir Bien* was a symbol of another Bolivian society that takes care of nature, protects biodiversity, protects traditional knowledge and practices from the destructive force of globalism. The idea of food sovereignty (which fully shared the Indian principles of harmonious existence) was proposed as a strategic tool with which society could living well. Thus, the concept of food sovereignty was integrated into the legal field of the Bolivian State.

Institutionalization of food sovereignty

The new political orientation towards *Vivir Bien* logically demanded drastic changes in the agricultural sector. In this regard, the

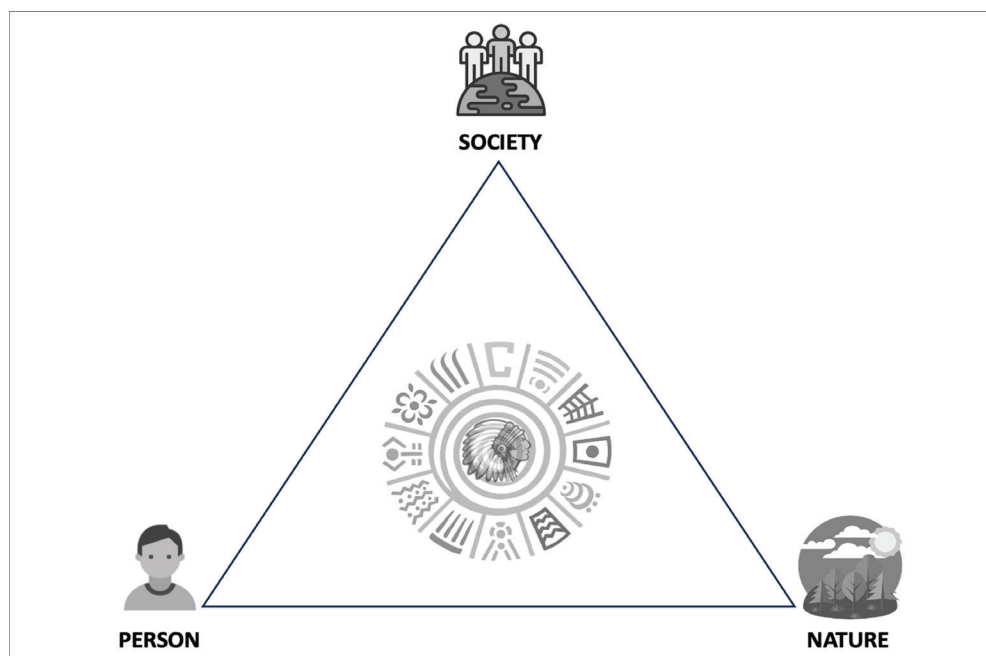

Fig. 2 / Рис. 2. The trinitarian model of harmonious coexistence of man, society and nature (*Vivir Bien*) / Тринитарная модель гармоничного сосуществования человека, общества и природы (*Vivir Bien*)

The source: compiled by the author

government of E. Morales left the model of agricultural production based on the principle of “export or die” (span., *exportar o morir*).

Relying on the strategic potential of food sovereignty, the authorities announced the reorientation of the state towards self-sufficient provision of all Bolivian citizens with environmentally friendly food at fair prices¹. In accordance with this, food sovereignty was included in the draft of the new constitution, which was successfully ratified in 2009. The idea of food sovereignty (articles of the Constitution No. 255, No. 309 and No. 407) was officially integrated into the national development plans by two presidents of the

state: E. Morales (in 2006², in 2010³, in 2014⁴, in 2016⁵) and L. Arce Catacora (in 2021⁶).

Special executive bodies were authorized to implement the goals set out in official programs. Among the main specialized institutions, ministries, departments and

² Ibid.

³ Ministerio de Planificación del Desarrollo. Plan del Sector Desarrollo Agropecuario denominado “Revolución Rural y Agraria” 2010-2020, 23 de noviembre de 2010. La Paz, 2010. Available at: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/bol148581.pdf> (accessed: 06.09.2023).

⁴ Ministerio de Planificación del Desarrollo. Plan del Sector Desarrollo Agropecuario 2014–2018 “Hacia el 2025”. La Paz, 2014. Available at: <http://www.fao.org/faolex/results/details/en/c/LEX-FAOC141698/> (accessed: 15.09.2023).

⁵ Ministerio de Planificación del Desarrollo. Plan de Desarrollo Económico y Social en el marco del Desarrollo Integral para Vivir Bien 2016–2020. La Paz, 2016. Available at: <http://www.planificacion.gob.bo/pdes/pdes2016-2020.pdf> (accessed: 05.09.2023).

⁶ Ministerio de Planificación del Desarrollo. Plan de Desarrollo Económico y Social 2021–2025. La Paz, 2021. Available at: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/bol209070.pdf> (accessed: 15.09.2023).

¹ Ministerio de Planificación del Desarrollo. Plan Nacional de Desarrollo: Bolivia digna, soberana, productiva y democrática para Vivir Bien. Lineamientos Estratégicos 2006–2011. La Paz, 2006. Available at: <https://www.lexivox.org/norms/BO-MISC-DS29272.html> (accessed: 15.09.2023).

committees, we list the following: 1) Ministry of rural development and lands (span., *MDRyT*). Task: contribute to the sustainable development of the country's agricultural sector in accordance with the principles of food sovereignty; 2) Ministry of Productive Development and Plural Economy (span., *MDPyEP*). Objective: to increase the productivity of the economy by strengthening artisanal, industrial and agro-industrial production in harmony with nature; 3) Ministry of Environment and Water (span., *MMAyA*). Task: water resources management to ensure food security in accordance with the principle of *Vivir Bien*; 4) Vice ministry of Environment, Biodiversity, Climate Change and Forest Development Management (span., *VMABCCIGyDF*). Task: Design and implementation of strategies, norms, plans aimed at the sustainable use of natural resources and environmental protection; 5) National Institute for Agrarian Reform (span., *INRA*). Task: coordination of the process of agrarian reform, implying the distribution and registration of ownership of agricultural land; 6) National Council of Ecological Production (span., *UC-CNAPE*) and National Service for Animal Health and Food Safety of Bolivia (span., *SENASAG*). Task: certification and promotion of organic production; 8) Coordinator of Integration of Indigenous Peasant Economic (span., *CIOEC*). Objective: To promote the sustainable development of the country and strengthen the capacity of small food producers by promoting the economy of solidarity, self-government and food sovereignty.

Programs promoting food sovereignty

In accordance with the national strategy Food Security of Nutrition with Sovereignty (span., *Seguridad Alimentaria Nutricional con Soberanía*), the executive authorities created the special programs:

1) The Direct Support Program for the Creation of Rural Agri-food Initiatives (span., *CRIAR-PASA*). Purpose: financial support for small-scale farming focused

on the production of food for the domestic market;

2) Food Production Support Company (span., *EMAPA*). Objective: to promote food security with sovereignty by supporting national production and stabilizing prices on the food market; purchase wheat, rice and corn from local producers in order to replenish national reserves and provide basic foodstuffs to vulnerable groups of the population;

3) National Programme of Urban and Peri-urban Agriculture (span., *PNAUP*). Objective: development of urban and suburban family farming as a means of increasing food security with sovereignty;

4) Agroecological fair "BioBolivia". Purpose: To support the production and consumption of organic food; to create a space for meetings and knowledge exchange between consumers and producers of agroecological goods; to inform about the negative impact of agrochemicals on human health and the environment.

Violation of the food sovereignty policy: causes and consequences

Bolivia occupies the tenth position (Fig. 3) in the ranking of states cultivating biotechnological crops, even despite the legislative ban (Article No. 15¹). According to data for 2019, the sown area intended for biotechnological crops was equivalent to 1.4 million hectares (Fig. 3), which accounted for 50% (2.5 million hectares) of all arable land in Bolivia².

Glyphosate-resistant soybeans, which account for more than 12% of total export revenues (Fig. 3) is the most popular transgenic plant in the country. Since 2005, the use of GM technologies has received a new impe-

¹ Ley de la Revolución Productiva Comunitaria Agropecuaria, No. 144 de 26 de junio de 2011. Available at: http://www.wipo.int/wipolex/en/text.jsp?file_id=253033 (accessed: 05.09.2023).

² Ministerio de Planificación del Desarrollo. Plan Nacional de Ciencia, Tecnología e Innovación del Sistema de la Universidad Boliviana 2017–2026. La Paz, 2017. Available at: <http://dipgis.umsa.bo/wp-content/uploads/PLAN-NACIONAL-DE-CIENCIA-Y-TECNOLOGIA-SUB.pdf> (accessed: 05.09.2023).

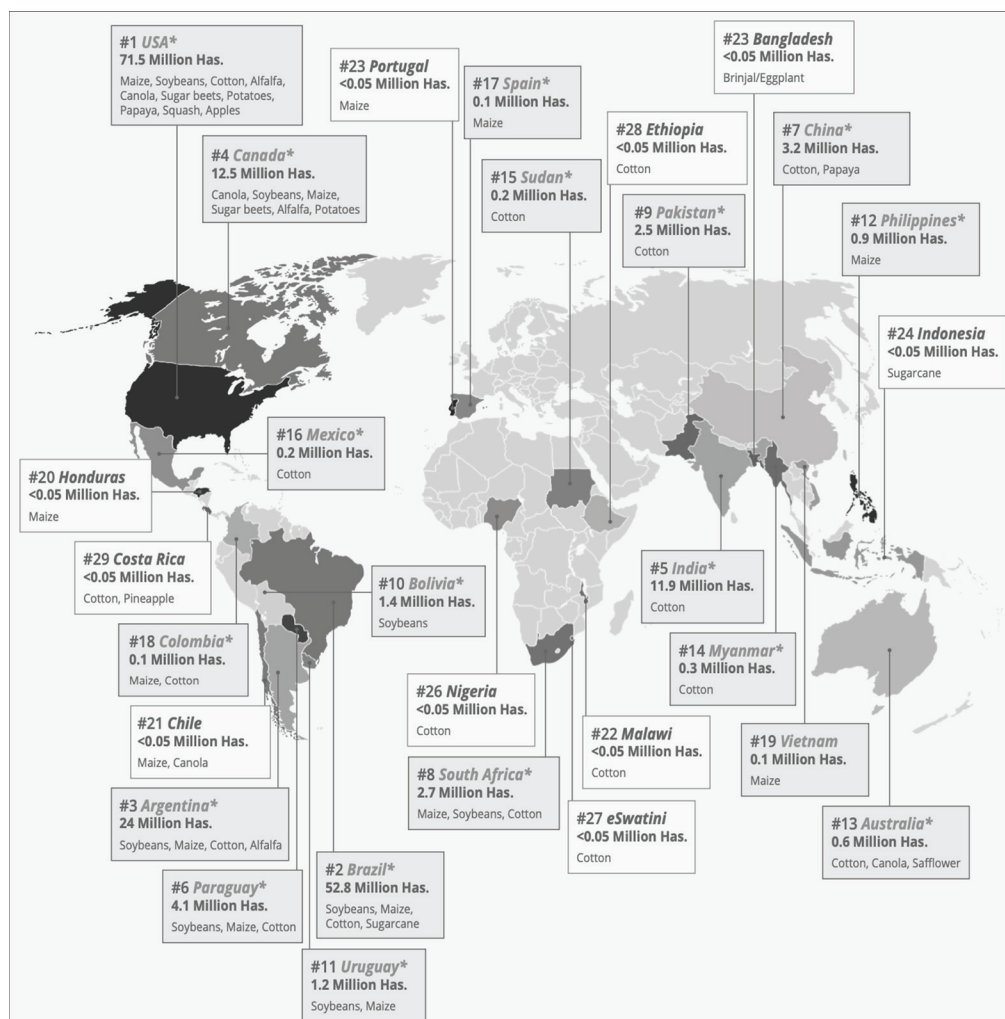

Fig. 3 / Рис. 3. Global area of biotechnological / GM crops in 2019: by country (million hectares) / Мировые площади биотехнологических культур/ ГМ-культур в 2019 году: распределение по странам (в млн га)

Source: ISAA. Global status of commercialized biotech/GM crops in 2019: biotech crops drive socio-economic development and sustainable environment in the new frontier.

ISSA Brief No. 55. Ithaca, ISAAA, 2019. P. 5.

tus for the historical expansion of the “soy border” in Bolivia [14, p. 380]. Government support for the profitable “soy complex” was expressed in the provision of production loans under beneficial bank loans, as well as in the provision of preferential access to innovative means of production.

However, the chemical-intensive, high-cost and mechanized production process was the privilege of the “agro-industrial

aristocracy”. According to the data, 78% of small Bolivian farmers (up to 50 hectares) control 9% of the land intended for growing soybeans; while only 2% of large producers (1,000 hectares or more) have 71% of agricultural land in private ownership [17, p. 416].

Taking into account the fact that 98% of all soybean plantations are located in the eastern department of Santa Cruz (which ac-

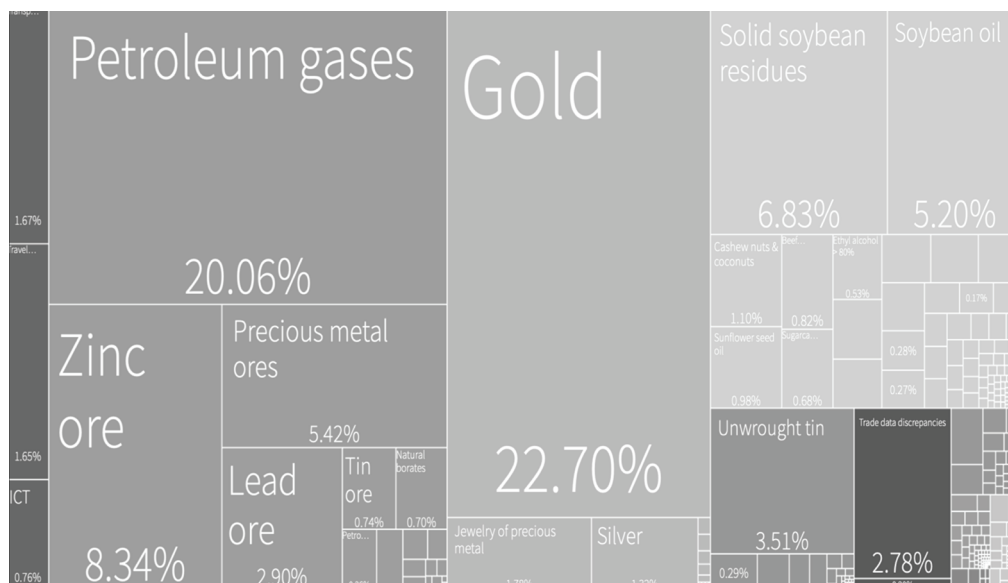

Fig. 4 / Рис. 4. The main products in the structure of Bolivian exports in 2021 / Основные товары в контингенте боливийского экспорта, 2021 г.

The source: compiled by the author on: ATLAS of economic complexity.

Center for International Development at Harvard University.

Available at: <https://atlas.cid.harvard.edu/countries/31/export-basket> (accessed: 21.09.2023)

counts for more than 2 million hectares of all cultivated land in the country), land ownership and class contradictions were intensified by specific disagreements in the direction of the ethnic confrontation “West-East” [27, p. 440; 28, p. 70].

Intensification of GM soybean production in the eastern plains of the country (coordinated by the interests of private capital) intensified the degradation of ecosystems. Since 2011, Bolivia has been among the top ten countries with the highest rates of deforestation (300,000 hectares per year) [27, p. 443]. The reason for the complete disappearance of unique tropical forests and shrubby thickets was the introduction of high-tech and mechanized farming practices focused on the diversification of the “soy complex” [14, p. 377]. According to statistics, in the first years after the transformation of forest areas into land without tree cover, the fertility of the land increases significantly. However, in the near future, the production capacity of soils is rapidly falling

due to the active use of agrochemistry. In this regard, since the cultivation of GM soybeans, the use of pesticides and herbicides in Bolivia has doubled¹.

The relationship between certified GM seeds and pesticides turned out to be negative for both the land and water resources of Bolivia. For example, one thousand tons of water is required to produce one ton of soybeans. Thus, the economic efficiency of the “GM-soy complex” not only accelerates deforestation, increases the degradation of soil cover, but also wastes the freshwater resources of Bolivia. These facts tell us about the ambiguity of the commercial success of the soy complex, which led to problems of socio-economic and ethno-political inequality, as well as dynamized the process of ecosystem degradation.

¹ FAO. The Food and Agriculture Organization Corporate Statistical Database (FAOSTAT). Available at: <https://www.fao.org/faostat/en/#data/RP/visualize> (accessed: 10.09.2023).

Research implications

The theoretical importance of the study is confirmed by introducing into the scientific discourse new information about the nature of global, regional and local food problems and the factors of their actualization. The conceptualization of food sovereignty is a step towards the institutionalization of the field of international political economy – Global Agri-food Political Economy, emphasizing the need to use theoretical and methodological tools of political science to evaluate decisions in the agri-food sphere.

The practical significance of the article is confirmed by the ability of the research results to become a theoretical basis for the formation of new bills in the field of agrarian policy. The findings of this study can be used as a methodological and reference base for the preparation of various policy documents, reports of governmental and non-governmental organizations. The conclusions of the research can be implemented in the main professional programs of educational institutions, as well as used in the preparation of courses on international relations and world politics, international political economy, economic geography, international and national food security.

Conclusions

Contrary to the patriotic rhetoric about the inviolable values of “Andean idealism”, the government that was replaced in 2005 methodically continued the integration of the Bolivian state into the global system of division of labor.

Even the socio-economic reforms of former President E. Morales (had a positive humanitarian effect) did not signal a retreat from neoliberalism and neocolonialism. Moreover, the organizational model of “Communitarian socialism”, proclaimed by the government actually took the form of “Andean-Amazonian capitalism” (a utilitarian way of converting income from the activities of nationalized industries into the promotion of socially significant projects). However, even the original form of capita-

lism meant maintaining the former dependence on “export-oriented extractivism” (a process where most of the natural rent is redistributed among socially vulnerable segments of the Bolivian population without significantly changing the basic relations in the spheres of production, property and power [17, p. 420]).

Due to the current political situation, the introduction of food sovereignty into the legal field of Bolivia did not contribute to fundamental transformations in the agricultural sector of the country. The ambitious project of the “Agrarian Revolution” failed to eliminate inequality in the national agricultural structure, which marginalizes the majority of small farmers. Despite government actions aimed at re-distribution of land resources, reduction of injustice in the countryside, elimination of rural poverty and the organization of agro-ecological fairs, about 95.7% of small farmers (less than 10 hectares) have ownership rights to 47.5% of agricultural land [7, p. 200]. Inequality in land ownership, established as a result of partnerships between the state and agribusiness, due to the influence of the corporate food regime [20, p. 13], allowed large agro-industrial agents to occupy a privileged socio-economic position in the country. Confirmation of this “peculiarity” was the fact that even the legislative ban on the use of GM organisms did not block the way to commercial interests that ignore the sustainability of ecological systems and human health.

The lack of attention to the domestic consumer market led to the fact that in the period from 2006 to 2015, food imports increased by 146¹, while prices for foreign food products increased by a disproportionate

¹ Instituto de Ciencia, Economía, Educación y Salud (ICEES). Bolivia importa alimentos por cerca de 50 millones de dólares. 2016. Available at: <http://www.icees.org.bo/wp-content/uploads/2016/10/bolivia-importa-alimentos-por-50-millones-de-dolares-por-Fundacion-Jubileo.pdf> (accessed: 15.09.2023); NODAL. Bolivia produce el 95% de sus alimentos para consumo interno. Available at: <https://www.eldeber.com.bo/bolivia/Bolivia-produce-el-95-de-sus-alimentos-para-consumo-interno-20170730-0021.html> (accessed: 15.09.2023).

92% [McKay 2018, p. 416]. The increasing neo-extractivism [26, p. 626] and dependence on food imports with intensive exploitation of ecosystems indicates a deviation from the constitutional principles of food sovereignty. This “trend” will not tolerate changes as long as the current government, headed by L. Arce Catacora (a fellow party

member of E. Morales), uses a wide arsenal of special means (co-optation of leaders of social movements, political clientelism [17, p. 420]), contributing to the retention of power and the maintenance of a mutually beneficial alliance between the state and agribusiness.

Дата поступления в редакцию 21.09.2023

REFERENCES

1. Alby X. Suma qamaca = convivir bien. ¿Cymo medirlo? In: Farah I., Vasapollo L., ed. *Vivir bien: iParadigma no capitalista?* La Paz, CIDES-UMSA, 2011, pp. 133–144.
2. Alderman J. The Houses That Evo Built: Autonomy, Vivir bien, and Viviendas in Bolivia. In: *Latin American Perspectives*, 2021, vol. 48, no. 3, pp. 100–118.
3. Arazjo S. The Promise and Challenges of Food Sovereignty Policies in Latin America. In: *Yale Human Rights and Development Journal*, 2010, vol. 13, pp. 493–506.
4. Byaruhanga R., Isgren E. Rethinking the Alternatives: Food Sovereignty as a Prerequisite for Sustainable Food Security. In: *Food ethics*, 2023, vol. 8, no. 16, pp. 1–20.
5. Catacora-Vargas G., et al. Brief historical review of agroecology in Bolivia. In: *Agroecology and Sustainable Food Systems*, 2017, vol. 41, no. 3-4, pp. 429–447.
6. Chugrov S. V., Malov A. V. Food sovereignty and education: A Japanese type of harmonization. In: *RUDN Journal of Sociology*, 2019, no. 4, pp. 665–677.
7. Colque G., Tinta E., Sanjinés E. *Segunda reforma agraria: Una historia que incomoda*. La Paz, TIERRA, 2016. 254 p.
8. Cyrdova Alarcyn L., Zapatta Carpio A. Soberanía alimentaria en Ecuador y Bolivia: políticas y normativa. In: *Revista Ciencias Sociales*, 2018, vol. 1, no. 39, pp. 59–72.
9. Fabricant N. *Mobilizing Bolivia's displaced: Indigenous politics and the struggle over land*. Chapel Hill, NC, University of North Carolina Press, 2012. 257 p.
10. Fabricant N. Good Living for Whom? Bolivia's Climate Justice Movement and the Limitations of Indigenous Cosmovisions. In: *Latin American and Caribbean Ethnic Studies*, 2013, vol. 8, no. 2, pp. 159–178.
11. Gangopadhyay A. From land wars to gas wars: Chile-Bolivia relations and globalization. In: *India Quarterly*, 2014, vol. 70, no. 2, pp. 139–152.
12. Harvey D. The “New” Imperialism: Accumulation by dispossession. In: *Socialist Register*, 2004, vol. 40, pp. 63–87.
13. Healy K. *Llamas, Weavings and Organic Chocolate: Multicultural Grassroots Development in the Andes and Amazon of Bolivia*. Notre Dame (IN), University of Notre Dame Press, 2001. 485 p.
14. Hecht S.B. Soybeans, Development and conservation on the Amazon Frontier. In: *Development and Change*, 2005, vol. 36, no. 2, pp. 375–404.
15. Henderson C. The rise of Arab Gulf agro-capital: continuity and change in the corporate food regime. In: *The Journal of Peasant Studies*, 2022, vol. 49, no. 5, pp. 1079–1100.
16. Lucero J. Indigenous Political Voice and the Struggle for Recognition in Ecuador and Bolivia. In: Bebbington A., Dani A., de Haan A., Walton M., ed. *Institutional Pathways to Equity*. Washington, The World Bank, 2008, pp. 139–167.
17. McKay B. The politics of agrarian change in Bolivia's soy complex. In: *Journal of Agrarian Change*, 2018, vol. 18, no. 2, pp. 406–424.
18. McMichael P. Critical agrarian studies and crises of the world-historical present. In: *The Journal of Peasant Studies*, 2023, vol. 50, no. 2, pp. 725–757.
19. McKay B., Nehring R., Walsh-Dilley M. The ‘state’ of food sovereignty in Latin America: political projects and alternative pathways in Venezuela, Ecuador and Bolivia. In: *The Journal of Peasant Studies*, 2014, vol. 41, no. 6, pp. 1175–1200.
20. Mercado G., Hjortsm C. N. Explaining the development policy implementation gap: A case of a failed food sovereignty policy in Bolivia. In: *World Development*, 2023, vol. 166, pp. 1–15.

21. Merino R. The Geopolitics of Food Security and Food Sovereignty in Latin America: Harmonizing Competing Visions or Reinforcing Extractive Agriculture? In: *Geopolitics*, 2022, vol. 27, no. 3, pp. 898–920.
22. Perreault T. Geographies of Neoliberalism in Latin America. In: *Environment and Planning*, 2005, vol. 37, no. 2, pp. 191–201.
23. Perreault T. From the Guerra del Agua to the Guerra del Gas: Resource Governance, Neoliberalism and Popular Protest in Bolivia. In: *Antipode*, 2006, vol. 38, no. 1, pp. 150–172.
24. Perreault T. Custom and Contradiction: Rural Water Governance and the Politics of Usos y Costumbres in Bolivia's Irrigators' Movement. In: *Annals of the Association of American Geographer*, 2008, vol. 9, no. 4, pp. 834–854.
25. Sumner J., McMurtry J., Tarhan D. Growing Community Sustenance: The Social Economy as a Route to Indigenous Food Sovereignty. In: *Canadian Journal of Nonprofit and Social Economy Research*, 2023, vol. 14, pp. 106–121.
26. Tilzey M. Authoritarian populism and neo-extractivism in Bolivia and Ecuador: the unresolved agrarian question and the prospects for food sovereignty as counter-hegemony. In: *The Journal of Peasant Studies*, 2019, vol. 46, no. 3, pp. 626–652.
27. Urioste M. Concentration and “foreignisation” of land in Bolivia. In: *Canadian Journal of Development Studies*, 2012, vol. 33, pp. 439–457.
28. Valdivia G. Agrarian Capitalism and Struggles over Hegemony in the Bolivian Lowlands. In: *Latin American Perspectives*, 2010, vol. 37, no. 4, pp. 67–87.
29. Vera C. G., Mendoza Pinto J. El choque de dos imaginarios geopolíticos en Bolivia. La “Guerra del Gas”. In: *Revista de Estudios Transfronterizos*, 2015, vol. 15, no. 1, pp. 115–139.
30. Webber J. R. *Red October: Left-Indigenous Struggles in Modern Bolivia. Historical Materialism Book Series*. Chicago, Haymarket Books, 2012. 420 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander V. Malov – Cand. Sci. (Political science), Assoc. Prof., Department of Theoretical and Applied Political Science, Faculty of International Relations and Foreign Area Studies, Institute of History and Archives, Russian State University for the Humanities;
e-mail: malov.pvo@gmail.com

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Малов Александр Вадимович – кандидат политических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной политологии факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета;
e-mail: malov.pvo@gmail.com

FOR CITATION

Malov A. V. The food sovereignty policy in the Plurinational State of Bolivia: causes and consequences. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 1, pp. 160–171.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-1-160-171

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Малов А. В. Политика продовольственного суверенитета в Многонациональном Государстве Боливия: причины и следствия // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 1. С. 160–171.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-1-160-171

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

2024. № 1

Над номером работали:
Литературный редактор С. Ю. Полякова
Переводчик А. Ю. Назарова
Компьютерная вёрстка А. В. Тетерин
Корректор А. А. Глазунова

Адрес редакции:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.istpolitmgou.ru

Формат 70x108/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".
Тираж 500 экз. Усл. п. л. 10,75, уч.-изд. л. 12,5.
Подписано в печать: 29.02.2024 г. Дата выхода в свет: 22.03.2024 г. Заказ № 2024/02-07.
Отпечатано в ГУП
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А